

Юлия Платина

ЭРЗАЦ

Искренне Ваш...

«Уважаемая Юлия!

Я совершенно случайно нашел Ваше сообщение в ЖЖ пятинедельной давности. Готов Вам помочь. Напишите более обстоятельно о Вашей проблеме на мой электронный адрес».

«Благодарю Вас за отзывчивость, за желание помочь. Я буду краткой. Не так давно я написала книгу. Перфоманс "Эрзац". Я – актриса, театральная педагог осмелилась сказать своё слово через строку. Сказала о том, о чём молчать не было сил. Это мой нарыв, моя боль. Но моя боль – вторична. Главное не в ней, а в причине её возникновения. Издать боль трудно. Почти невозможно. Что говорить... надо читать. Кое-что есть в ЖЖ. Но это, разумеется, самая малая малость. Если Вам будет угодно, я вышлю "Эрзац" на этот адрес. Юлия».

«Уважаемая Юлия!

Думаю, что любое человеческое чувство (боль, отчаяние, гнев, радость) можно привести в искомую литературную форму, соответствующую формату какого-либо издательства. Копирайтер, как мастер слова, должен уметь писать почти обо всем: мне приходилось (кроме моих любимых тем) создавать тексты и о нанотехнологиях, и о животноводстве, и о детской пропедевтике, и о восточных культурах. Тем не менее, мне необходимо взвесить и оценить свои возможности относительно эффективности нашего сотрудничества. В связи с этим прошу Вас выслать мне:

1. Ваше резюме.
2. Синописис и оглавление Вашей книги.
3. Пару самых важных с Вашей точки зрения глав или фрагмент текста объемом около 10 стр.
4. Технические параметры издания (к-во стр., к-во илл., желаемые тираж и оформление обложки).

Вкратце о себе: в ближайшее время будут изданы очередные 3 книги (2 в России и 1 в Германии), посвященные технологиям саморазвития или тому, как сделать что-то из ничего.

Надеюсь на решение всех творческих и коммерческих проблем, а также на плодотворное сотрудничество.

Искренне Ваш...».

«Знаете, мне сейчас подойдёт всё и всякий, кто пообещает сделать почти невозможное – издать «Эрзац». Я не боюсь обмана, или нет... я не боюсь Ваших предостережений. Мне всё равно нечего терять. Мне были предложения, но какие-то очень уж вялые, хотя и сопровождались единственным словом "восторг". Что мне Вам ещё сказать... Мне нравится, что понравилось Вам. Что Вы так высоко оценили

меня, назвав стойким и чистой душой. Я благодарна. Сообщите Ваши условия. Я подпишу».

«Вы не желаете встретиться для обсуждения условий? Предлагаю место: ТЦ "Атриум" (Земляной Вал, М.Курская) в первой половине дня на этой неделе.

Сообщите Ваш номер телефона, договоримся поточнее».

«Я в Ульяновске».

«Уважаемая Юлия!

Разумеется, в данной ситуации мы можем сотрудничать дистанционно.

К сожалению, я не умею пользоваться ни скайпом, ни аськой, ни многими другими достижениями цивилизации: мне вот уже более десяти лет достаточно нескольких кнопок на мобильном или компьютере. Теперь об алгоритме возможного сотрудничества:

1. Жанр Вашей книги я бы определил как литературно-художественная публицистика (такая по формату подходит издательствам «Вагриус», «Эксмо», «Аст», «Рипол-классик» и др.). Однако, в ней, на мой взгляд, недостает:

1.

– фабулы, как стержня повествования.

– позитивных мыслей и чувств, которыми можно было бы вносить «оживляж» в повествование и сделать произведение имеющим более «товарный вид».

– иллюстративного ряда, равномерно рассредоточенного по тексту.

2. Треть текста – смешанная форма: проза + поэзия, которую можно редактировать и корректировать, остальной текст (интервью, поэзия) – только корректировать.

3. Сама наша совместная работа может подразделиться на 2 этапа:

А). Литературно-художественная доработка материала до соответствия формату издательств (специфическим критериям, предъявляемым к произведениям).

Редактура, корректура, видеоряд, обложка.

Б). Продвижение книги:

– подготовка и рассылка документов в издательства (посмотрите пример презентации моей недавней книги во вложенном файле). Обычно хорошо подготовленная презентация отправляется в 10-20 издательств, где она рассматривается в течение 1-2 месяцев.

– я контролирую весь процесс переговоров и переписки с издательствами, затем 2-4 из них принимают книгу к изданию, автор выбирает, где условия более выгодные (качество печати, сроки издания, размер гонорара).

– с выбранным издательством заключается договор и начинается допечатная подготовка книги, которую делает издательство (обязательно согласуя все с автором).

Пункты А. и Б. выполняю я.

4. Условия сотрудничества.

– стоимость 2 этапов работы 50 тыс. рублей.

– я работаю только по предоплате – 50% (25000 р.) по факту заключения договора.

– остальные 50% после заключения Вами договора с издательством.

– договор (стандартную форму вышлю) может быть заключен нами как очно (приезжайте в Москву), так и виртуально (мы подписываем и обмениваемся документами по емайлу). Выбор за Вами.

– предоплата блиц-переводом Сбербанка России на мое имя и паспорт.

Думайте и решайте.

Искренне Ваш...».

«Здравствуйте, Сергей. Изучила Ваши условия, которые вполне бы меня устроили, если бы не одно "но". Вы не работаете без предоплаты и этот факт легко мною понят. Вам нужны деньги для оплаты Вашего труда на первых двух этапах. Понимаю. А какие гарантии есть у меня, что после выполненных Вами работ на этих 2-х этапах, моё, как Вы выразились, талантливое произведение дойдёт до тиража, а не затеряется в пыльном шкафчике главреда? Ни в коем случае не хочу обидеть Вас недоверием, но всё же? Таких гарантий у меня нет. Как, впрочем, и денег. Но не будем о грустном. Внесём небольшой "оживляж". У меня к Вам встречное предложение. Быть может, Вы сможете сделать исключение из, годами сложившихся, правил и сделать необходимый объём работ за определённый процент от гонорара? Насколько я знаю, такая практика существует и в ней – всё по честному.

Далее... что касается жанра... тут, Вы не совсем увидели. Жанр – перформанс. Жанр новый, где все мысли и чувства в различных жанровых проявлениях посажены на единый нерв. Где есть одно правило – свобода выражения. Где главное правило – никаких правил. Где работает только сорокоградусная моя температура. Почти агония на теме подлога, вранья и маскировки. А Вы предлагаете мне снять жар "оживляжем"... Тогда всё теряет смысл. Тогда грош цена моей лихорадке. Но именно ею и ценен "Эрзац". Все, кто писали мне, говорили именно об этом. Я не собираюсь играть в поддавки (это тот же подлог), и не собираюсь заигрывать с читателем. Вообще не понимаю – зачем копия? Зачем повторять то, что уже было? Кому это интересно – слушать чьи-то перепевы?

Фабула, как мне кажется, всё же имеет место быть. Возможно, выражена она не столь явно, как в рассказе, или повести, но она есть. Ещё раз говорю – не надо подходить к книге с общепринятой меркой. Вот я вышла к людям и стала говорить с ними. Это откровение, обнажение души. Я знаю – это что-то новое. Я остро это чувствовала, когда писала. Мне даже казалось, что я первый раз в жизни позволяю так обращаться с собой. И мне всё было можно, никаких запретов. Я хочу сохранить в нём свежесть.

Если не возьмётесь – я не в обиде. Я понимаю. Проще придать товарный вид и так сбыть, чем отстоять что-то новое. Возможно, сейчас Вам это не по плечу. Но, может быть, когда-нибудь... с кем-нибудь другим..., а? Кто знает?».

«Добрый вечер, Юлия!

Отвечаю Вам по пунктам:

1. Гарантий в издательском деле мало. Если бы я издал все, что планировал, и меня не подводили чиновники и компаньоны, уже было бы многотомное собрание сочинений, а так всего 12. Критерий истины – взаимное доверие. Думаю, что оно вполне возможно даже между такими антиподами как мы (Бендер и Фрези Грант). Можно было бы устлать дорогу от Москвы до Ульяновска рекомендательными письмами и отзывами моих клиентов, но... мы с ними работали, как правило, без таких бумажек и благополучно совместно издавали книги.

2. Ваша задача – отстаивать свое видение мира, моя – чтобы об этом узнали будущие читатели. Оживляж – один из возможных компромиссов между совестью автора и конъюнктурой рынка. Вместо него можно найти какой-либо другой прием. Но, если Вы будете принципиально стоять на своём, не взирая на подобные правила игры, может оказаться, что рукопись так и останется в ЖЖ. Есть статистика Института Издательского Маркетинга в Чикаго: в мире понимается и принимается (страшно сказать!) только 4% предлагаемых авторами произведений. Я существую затем, чтобы эти данные исправить.

3. Вот уже 25 лет я не отступаю от условия предоплаты, но его всегда можно смягчить.

Предлагаю вариант консенсуса: предоплата делится на два этапа по 25% и тогда Вам будет спокойней – будете видеть ход работы. Первый этап – подготовка и рассылка презентации книги в издательства (сюда входят: заявка, предисловие, синопсис, фрагменты текста, оглавление, технические характеристики издания) – он стоит 12,5 тыс. руб. Это максимум уступок с моей стороны. А Вы умеете уступать?

Искренне Ваш...».

«Здравствуй, Сергей. Мне жаль, что Вы не услышали меня. Но я не удивлена. И не разочарована. Если бы Вы были способны услышать – Вы не держались бы 25 лет за "правила", обеспечивающие Вам гарантии и, следовательно – покой. Но подавляющая часть столичных дельцов такова. Здесь ничего не изменить, это факт. Одно могу сказать... очень жаль, что человек, предложивший мне помощь, т. е. Вы, в их числе.

Рукопись не останется в ЖЖ. Я сделаю аудиокнигу. Сама. Дома. Совершенно бесплатно для всех. И тема продолжит свою жизнь.

Знаете, я очень хорошо осознаю конечность жизни».

«Я услышал Вас настолько, насколько мне позволяет это сделать, испорченная Москвой, совесть. Но Вы, будучи категоричным максималистом, увы, наверное, так этого и не поймете – думаю, Вы живете в мире инфантильных иллюзий.

К счастью я не очень хорошо знаю конечность жизни и потому верую, не смотря ни на что. Если бы не вера в моменты военных действий или бандитских разборок я бы Вам уже не писал. В этом смысле мне симпатичны Ронда Берн, Джо Витале, Боб Проктор, Вадим Зеланд. Но я сильнее и этому учу в своих книгах и тренингах! Рад, что Вы иногда заглядываете в инет. Желаю личной удачи и творческих успехов! У Вас все должно быть хорошо! Искренне Ваш...».

ЭРЗАЦ Перфоманс 2009г

ТРИ ЧАСТИ

Первая часть «Соломенные стрелы»

Вторая часть «Наивысший ранг»

Третья часть «Чёрный хлеб»

Эрзац – заменитель, суррогат (*нем.*)

Перфоманс – выступление, исполнение, представление (*англ.*). Публичное обнажение, констатация частицы души, представление другим чего-то личного, публичное откровение.

прелюдия

Я вам так скажу: непонимание ваше – для меня лакомство. Не понимайте меня. Я счастлива вашим непониманием, я им живу. А когда вам наскучит не понимать меня, начинайте не замечать меня. Не замечайте меня. Я только об этом вас и прошу.

Вот я написала пару строк и как на блюде вам – нате, на завтрак. Что с того, что по вкусу придётся? Скучно. Не-по-ни-май-те. По блюдцу ударьте. Блюде в звон разобьётся. Я люблю, когда звон-н-н... звон вдохновляет, звон направляет, звон выравнивает.

Ещё пару строк. Уже на тарелочке. Не замечайте. Сделайте вид, что мыслями заняты. Не-за-ме-чай-те. Пройдите мимо. Как ходят слепые. Как бродят тени. Как бегают дети. Идите. Бегите. Шагайте смело. Мимо души и тела. Не знаю, как вам, а мне надоело. Давайте дружить? Возьмёмся за руки, и по ягоды, а? Бросайте книжку! На кой вам эта белиберда? Брось хоть в огонь и айда, а?

На этом, собственно, можно и закончить начатое, потому что сказалось всё, что хотелось. К чему следовать глупой традиции тянуть кота за хвост? Я бы рискнула сломать традицию, если бы не слова, не их магическая сила продолжения, их гипнотический аромат, их цвет, их дождь... Я не сделаю ничего непристойного. Я буду просто писать слова. Я буду писать их, как художники пишут картины: то кистью, то карандашом, то мелом. Моя палитра – явь. Мой холст – тетрадный лист. Читайте слова, как читают картины: входите в них. Пейте слова, как пьют крещенскую воду: робко вбирая глотками жизнь.

Мой девиз сегодня, кажется, перешагнул далеко за «олешевский» и побрёл куда-то запредельно дальше: «ни дня без строчки, ни сна без строчки, ни, даже, пробуждения без оной».

Пишу я часто, но помалу. Стараюсь не пускать на лист то, что может подпортить, или, даже, уничтожить уже написанное. Стараюсь не брать лишнего. Знаю точно, что из всего прочитанного застревает в голове и западает в душу лишь несколько строк, несколько дробных фрагментов, о которые можно приятно ожечься. Остальное (огромное множество букв, превращённых в «здравые мысли») сыпается горкой в самый дальний и мрачный ангар головы, из которого никогда ничего не вывозится. Так к чему пополнять барахлом наши тёмно-светлые головы? Да, здравствует Мера – королева границы меж светом и тенью. И да здравствует Свет – король. Да. Просто король.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОЛОМЕННЫЕ СТРЕЛЫ

«Да, мы в союзе,
но всё-таки
я постараюсь тебя ранить».

Антуан де Сент-Экзюпери «Цитадель».

Век бы так и жила. Ещё век бы так и жила – дура дурую. Крутилась на бигуди, с подругою чай пила в погоду хмурю. Лежала бы на диванчике счастливая под законным мужем, варила на завтрак яйца и сосиски в целлофане на ужин. Что ж меня дёрнуло, что с диванчика того сорвало? А чёрт его знает, а бог его знает. А может и то, и сё. Это не стихи. Это проза. Самая-самая что ни на есть. Проза во всей своей бытовой красе и целомудренной пошлости. Но именно из неё, всегда, так же естественно, как из земли трава, является на свет сила, преобразующая обычный росток в Древо познания.

Всё новое начинается с хаоса. То есть, не с гармонии, как некоторые утверждают, а, с позволения сказать, «полного раздрая». Уж не знаю, откуда взялось сие определение дисгармонии, но оно существует и широко известно в творческих кругах. Эдакая «непонятка»..., не то томление в груди, не то недосып хронический, не то химический процесс в мозгах, не то застой в кишках периодический. А если серьёзно – все революции начинались с такой вот «непонятки», с такого, извините, «полного раздрая».

Предположим, живёт человек: ходит, ест, спит и даже пьёт. И есть на что есть, и есть на ком спать, а жизни – нет. Жизнь у всех остальных, а у него – одна иллюзия. И, чтоб осознать полноту и целостность жизни, ощутить, так сказать, бритвенную остроту её граней, человек замирает. Он садится на лавку и задумывается. И чем больше он задумывается, тем больше злится. Почему, спросите вы? Да потому, что «не стыкуется», «не совпадает», «не срастается». Ни на один, поставленный ребром, вопрос не найден ответ. Всё. Жизнь кончена. Что делает человек? Человек идёт или под поезд, или в политику, или...правильно, в искусство. Так пришла в театр я, так пришли в него и вы. Не спорьте, не верю. Кто я такая и какое право имею? Терпение, господа. Я познакомлю вас с собою. Чуть позже. А пока скажу только, что имею массу достоинств и всего один недостаток – я слегка близорука, так что в кого попадут мои стрелы, знать не могу.

Прошу прощения у прошлого, ибо не собираюсь щадить его, как и оно меня не щадило. Собираюсь, не скупясь, раскрыть все ларцы, все сейфы, все чемоданы. Всё, что в них тайна – мне незачем больше хранить. Раздаю задарма, не спрося у мамы.

Значится так, коллеги, и иже с ними: я – цинично-ироничная, злая, средних лет, провинциальная, а, следовательно, с амбициями, артистка – за письменным столом, вы – ну, уж я не знаю, где вы...

Редко какой режиссёр растворяется в актёре. И правильно. Зачем ему – он не рафинад. Он, возможно, с той лавки-то встал, чтоб только удовлетворить свои естественные потребности. А они у него – о-го-го, тут кустами не обойдёшься. Ему души подавай, да помоложе, почище, понеопытней. Плавали – знаем.

И что же эта за профессия такая? И где на неё учат? Отвечаю: ни-где. Никто и никогда вас этому не обучит – перешагивать людей, как перешагивают лужи, ломать человеческие судьбы и строить на их обломках мосты к собственной славе. Примеры? Примерами нашпиговано всё, что имеет, хоть маломальское отношение к театру в частности, и к искусству вообще.

А где учат на безропотных марионеток, готовых «сначала прыгнуть из окна, а уж потом спросить – зачем»? (Ловко придумано, и как долго и железно работает!)

Одним словом, где учат на рабов? Именно на раб«ов», потому что рабы – и те, и другие. Есть, конечно, исключения, но это очень небольшой процент. Ему будет посвящена отдельная глава.

И почему раньше (давно раньше) зритель ходил «на актёров»? «На Плятта, на Раневскую, на Марецкую...»? А сейчас (не так уж и давно), почти всегда «на спектакли»? Я знаю ответ, а вы догадайтесь с трёх раз.

И ещё... какой смысл тянуться вверх, стоя на коленях?

Если кто забыл, театр – искусство древнее, возникшее из ритуального действия веков, эдак, двадцать пять назад. Прикрывшись маской, много чего можно было наворотить– навывелывать. Однако ж, нет – благополучно дожили до светлых дней. Я не ёрничаю и тон вполне даже серьёзен. Во времена живём, дай бог всякому – свобода на каждом углу, в прямом и переносном. Есть, конечно, ограничения, но это так, мелочи. Объявления, например, клеить нельзя в метро там, или на столбах, напитки спиртные, опять же, если в общественном, то пресекается. А так – «хошь пряники ешь, а хошь – варенье». Это всё хорошо..., только к свободе не имеет никакого отношения. И то правда – свободен только ветер. Хочу вас обрадовать: это миф. Все мы рождены для свободы, каждый из нас. Только не обрадуютесь вы, а заботитесь, ибо нет ничего страшнее свободы. Ибо свобода для вас – смерть, а кабала – спасение. В своих «произведениях» вы стремитесь отразить время. Не стоит этого делать, время само отразит вас. И когда спадут завесы с его зеркал – вы ужаснётесь.

ТРОЛЛЬ НА ТРОНЕ

Не знаю, любит ли меня Бог, но определённую симпатию он ко мне всё же испытывает, если я пишу сейчас то, что пишу. Это такой кайф и такой драйв, что ни с какой ездой, ни на какой лошадке не сравнится.

Значит так... Сейчас речь пойдёт об одном РЕЖИССЁРЕ... Сейчас одна артистка будет отрываться на одном РЕЖИССЁРЕ... Сейчас она станцует Джигу на белых костях РЕЖИССЁРА... Она будет неспешно и смачно размазывать РЕЖИССЁРА по листу до тех пор, пока он (лист) не завизжит от отвращения к этому протухшему паштету...

Если вам стало жаль, ну хоть чуть-чуть, этого РЕЖИССЁРА, то я довольна. Я начинаю. Но, сперва вопросец: знаете ли вы, кто такой тролль? Как выглядит, и вообще? Попробую обрисовать в общих чертах. Это – наихитрейший, наипугающий тип нашего времени. Принято думать, что обитает он в сказках и интернетовских джунглях. О, это великое заблуждение. Моё открытие в том, что троллей до чёрта среди нас, обычных людей. Они так же посещают клозет и смотрят телевизор, руки имеют нормальной длины и волосатость частичную. Ими заселены почти все троны нашей необъятной Родины. Кое с кем я знакома, кое-кого хочу вам представить. Хотя... чего его представлять-то, он не артист – в представлении не нуждается. А вот в лечении – да, в лечении очень даже нуждается. Болен он, и болен давно, ну, о-очень давно болен, так давно, что у его окружения зубы ныть стали. Не поверите – ноют и ноют, у всех, без передышки. Зайдёт, бывало, человек к нему в кабинет – улыбается, боль, значит, свою скрывает. А тролль ему: «Всё Деду Морозу расскажу, он твоё желание не исполнит! Вот так вот, – говорит, – и всё!!» Тут человек про боль свою забывал, и у него нервный тик начинался. Правда эта – чистая, натурпродукт, как говорится, а не какой-нибудь там... эрзац. Я, когда подобные вещи наблюдаю, в кабинетах-то, потом недели две изжогой мучаюсь и по ночам спать не могу. Однажды, не поверите, так разволновалась, что кофе никак укараулить не могла. Он от меня три раза «убегал», а я его три раза «возвращала». Обалдеть: он «сбежит», значит, а я в турочку водички подолью, подпалю снизу-то, стою – переживаю. Он, пользуясь моментом, и того... Кофе, и тот без внимания не выдерживает – сбегает... А какой же это кофе, после тройного-то побега? Это уже не кофе, это, простите-извините, субститут какой-то. Вот и от тролля все поубежали, поразъехались, не знаю – может, зубы лечить? Только самые догадливые и остались, потому что: «Чё другого-то тролля искать? Чем он, новый-то, лучше?»

P.S. А я шутканула там, вначале – не умею я «размазывать». А научиться надо бы, ох, как надо бы. Но это уж ближе к финалу. А сейчас, была не была, я призову свою сгорбленную память к ответу, пусть расправит плечи, глубоко вдохнёт. Я заставлю эту мнимую больную работать на меня и всё, что, вымучившись, явится, пусть будет отражением сути – неуловимой и желанной, страшной и смешной.

Давайте-ка, попросту разберёмся: что есть наша профессия – профессия актёров и актрис? Ну, и режиссёров, режиссёров тоже, конечно же, как я забыла... Если сказать коротко, то – умение без мыла влезть в чужую кожу. Всё! Это, если коротко. А если, как положено, по-нашему, по Станиславскому, то лялкать-тополякать придётся до-олго, придётся вживаться в каждую букву и в каждый пробел...

Вернёмся к тому, что под поезд мы с вами не пошли, а пошли в искусство. Не знаю, как у вас было дело, а я в артистки даже не мечтала, просто жила и знала – буду. Эта наглая уверенность толкала меня в сорокоградусный мороз сначала в одну театральную студию, потом в другую. Родилась и жила я в Норильске до 16 лет.

ГОРОД НОЧНОГО СОЛНЦА

Мною замечено: чем старше я становлюсь, тем чаще заносит меня в детство. Густой туман, в котором, как подарок – наткнуться на какой-нибудь предмет. Засвеченная кинолента с редкими, едва сохранившимися цвет, кадрами – моя память. Пойдёмте, я приглашаю.

В день, когда я родилась, по земле гулял сильный ветер. Со снегом, с колючими стружками неуёмной метели. Я не люблю сильный ветер, он меня беспокоит и путает мысли. Может, от этого беспокойства я родилась.

Город ночного солнца. Норильск. Город вечной мерзлоты и вечно больного солнца. В детстве я думала, что полярная ночь оттого, что «солнышко заболело и ему нельзя на мороз». Ночь утром, ночь ночью, ночь днём. Мне казалось, что люди разбили часы, и в них повредилось время.

Сборы в садик – почти ритуальный обряд, подготовка души и тела к битве с северной стужей. На колготки – три пары штанов, две пары носок, две тёплые кофты на платьице, на косынку шапка-ушанка, носовой платочек на шарф, в который должно дышать. Только глаза остаются голыми, беззащитными. Потом они будут плакать: и от слабости, и от пурги.

В садике стойкий дух едкой хлорки и ледяной воды. «Ледяной», потому что понятия «холодный» на Крайнем Севере нет: «ледяная постель», «ледяная горка», «ледяной ветер», «ледяная вода»... Что-то чужое, огромное, общее, «не моё»..., совсем недомашняя, неуютная жизнь. Запах чуть подгоревшей овсяной каши, полусонные детские голоса, капризы, хныканья, родительские нервы, воспитательская, слегка подчёркнутая, вежливость... То ли утро, то ли ночь. Встали – значит, утро, легли – значит, спать пора...

Тело не сразу привыкнет к теплу – будет частями оттаивать: сойдёт сначала иней с ресниц и бровей, белые щёки нагреются, станут алыми. Пальцы рук и ног зашиплет, до невозможности больно, заколет иголками, потом слегка зазнобит... Пройдёт не меньше часа, прежде, чем дыханье детское перестроится, успокоится и войдёт в привычный детсадовский ритм. За окном будет терзать прохожих пурга, будет сбивать их с ног, останавливать, тормозить ход городского транспорта, забивая под колёса белый, ни в чём неповинный, снег. То ли сон, то ли явь... то ли бред, то ли здравь...

А если полярный день – то светло и утром, и днём, и ночью, как днём. Странность не меньшая. Север в это летнее время распахивается, показывая своё огромное, тёплое сердце. Сердце севера – солнце. Спрятано в самой глубокой и тёмной ночи и достаётся, как белая скатерть – только по праздникам – в редкие дни короткой весны и ещё более короткого лета.

Одно из чудес заполярья – северное сияние. Сумасшедшее по красоте зрелище..., когда небо рассказывает о своей любви языком Бога. Никаких метафор, чистая правда. Небу видней, кого любить, не так ли? И оно дарит свою любовь людям. Сердце севера – люди: прекрасные, сильные, добрые. Спокойные, цельные. «Живые». Они, как никто ценят дружбу и тепло очага. Вместе с ними не страшно ни жить, ни умирать. А умирают северяне медленно. Гораздо медленнее, чем всё остальное население Земли. Получают северные надбавки, но убавляют своё здоровье, собирая в лёгкие всю таблицу химических элементов. Говорят, Менделеев увидел её во сне, а Норильчане видят её наяву почти каждый день, выходя из дома:

смог жёлтым туманом ложится на город, когда ветер идёт со стороны комбината. Сладковато-кисловатый привкус во рту заставляет задуматься о побеге...

На кухне, между оконными рамами хранили продукты. Холодильник у нас был, но северные морозы надёжнее любого механизма. Жгучий холод добавлял колбасе и маслу какой-то невыразимо вкусный аромат. Почувствовать его, просто вдохнув, было нельзя. Он накатывал внезапно и кружил голову до полуобморока. Открыть форточку и опустить руку между рамами, втягивая запах колбасы, пельменей, котлет было чем-то вроде награды. Предвкушение... неважно чего, всегда звонче и желаннее уже осуществившегося, полученного. Счастье в том, чтобы идти к предмету вожделения, в неустанном стремлении обладать им.

Предвкушение – аромат моего детства, аромат надежды на продолжение, аромат моего бесконечного ожидания.

Помню, родители собрались переезжать на материк (так северяне называют место, где климат нормальный), а я заартачилась и осталась жить у тётки – уж очень хотелось студию при драмтеатре закончить. Не знаю, как сейчас, а тогда Норильский театр в расцвете был. Руководил им Леонид Белявский – замечательная, на мой взгляд, личность. К нам, студийцам, относился по-отечески, мы любили его и всю его команду. Расставаться было больно. Потом, уже на материке, когда я положила на стол директора Ульяновского театра корочки об окончании той студии – боль отпустила. Мне об ту пору было 17 годков, раны затягивались быстро, а главная роль, которую я через месяц получила в новой постановке заезжего режиссёра, на время примирила меня и с ненавистным городом, и с самой собой.

Жизнь – это такая увлекательная игра... Многие думают, что и играют они, и правила устанавливают они же. Заблуждение, господа. Всеми нами управляет один единственный господин, имя ему – желание. Всё. Других начальников над нами нет и это давно открытая Америка. Я ничем не лучше многих, ибо так же заблуждалась на свой счёт. Но, я была юна и наивна, «троллей» было вокруг пруд пруди, а ошибки молодости чуть ли не каждый день падали кляксами на белую промокашку жизни. Лучше не скажешь, н-да...

Не знаю, что приключилось бы со мной дальше, если бы та постановка понравилась представителям горкома (в то время на сдаче спектакля было обязательным присутствие партийных властей), но на родине Ильича, в смысле идеологии, всё было серьёзно и спектакль «зарубили». Тяга к высокому искусству была, видимо, так велика, что сразу после выпускного я рванула в первопрестольную. Именно рванула, потому что поступать едут, а я рванула. Вот так вот, и всё! То, что дело это не шутейное, сообразила я, мягко говоря, не сразу. Три весны подряд с захватом лета театральная профессура Москвы, натянуто улыбаясь, объясняла «деточке» (деточка – удобное обращение, выражающее искреннее соучастие и неподдельную любовь), что «танантов мало, а бездари достали», что «профессия артиста – ад», и, что «где родился, там и пригодился». На четвёртый год я разозлилась, даже как-то остервенела и, плюнув в сторону Москвы, поехала в Ленинград. Легко поступила в институт, который очень скоро стал для меня тем, о чём обычно говорят – дом и, безоговорочно, раз и навсегда поверила в судьбу, рок, провидение и прочие эфемерные вещи.

Театральный институт на Моховой не любить нельзя. Как нельзя не любить светлый день после полярной зимы. Эта любовь, выстраданная бессонницей белых ночей, застревает занозой в сердце каждого, кто хоть как-то соприкоснулся с холодным мрамором его душевной теплоты.

Ветер полощет залив на Васильевском острове. Наша общага гудит до зари. В ней поётся и пьётся легко и восторженно, дух свободы и братства над нею парит. Вот так, вдруг, ностальгия возьмёт, да и пробьётся в стих. Нда...

В общежитии жила я недолго: в конце первого курса влюбилась по уши, и последующие три года мы с моим будущим мужем мыкались по съёмным питерским углам.

Курс Аркадия Иосифовича Кацмана, на котором я училась, по косточкам разбирать не буду – не хочу никого обижать. Если кому интересно, вспомните такую игру: сначала все сидят на своих стульях, в конце – двое бегают вокруг одного стула, и, наконец, самый проворный получает приз – какую-нибудь безделушку. Ну, как-то так. Бег по кругу отменно тренирует мышцы ног и развивает почти пластилиновую гибкость тела. А ещё, самое главное – ни с чем несоизмеримую неприязнь к соседям по стульям. Так мы и жили – в первобытном желании занять освободившееся место. Но я всё равно люблю это время. Не так как Моцарта, конечно, но люблю.

МАСТЕРСТВО

Педагоги наши, надо отдать им должное, с нами, конечно же, мучились. А как иначе? Без этого нельзя – на то они и мастера. Но, знаете, их мучения не шли ни в какое сравнение с нашими: они-то воевали только с нами, а нам приходилось бороться и с ними, и друг с другом, а главное – со своими «зажимами» и комплексами, которые росли, как бурьян на огороде – незаметно и естественно. И вот в чём парадокс: процесс обучения настроен на освобождение от этого «вируса», а мы, не успевая выздороветь, подхватываем его вновь и вновь, заражаясь друг от друга и даже, не поверите, от любимых педагогов. Дальше – по сценарию: главврач объявляет карантин, ввиду прогрессирующей эпидемии, и исчезает за дубовой дверью. Больные сползаются в кружок, и начинается самолечение... А если без аллегорий – у обычных студентов обычного актёрского курса обычно что-то не получается. Это обычное дело. Но наша палата, т. е. курс, не мог и не должен был быть обычным. Поэтому воспитывали нас необычайно жёстко, хлёстко и главное – унижая человеческое достоинство, которое, конечно же, было в каждом из нас. Этим славилась кацмановская система. После «необходимых экзекуций» большая часть курса смотрела на «битых», как на прокажённых, брезгливо подталкивая бедолаг к «пропасти». А.И.Кацман с первого дня обучения провозгласил лозунг «подтолкни падающего», ну и толкали... на «законных» основаниях. А ведь всё должно было быть совсем наоборот, потому что, если ты не спасаешь утопающего, ты вместе с ним идёшь на дно.

А как мы научились молчать... То есть, отмалчиваться. Наше молчание было оскорбительно. Оскорблённый мастер закидывал шарфик на плечо, гордо выходил в огромную дверь, и за ним его свита. Мы падали с банкетов на «наш старый, наш испытанный ковёр», в муках рожали почти патриотическую песнь, в которой

призывалось к новой жизни, к одержимости, клятвенно заверялось, что мы преданы, уж не помню чему, и с горящим глазом под гитару исполнялось на следующем занятии, как суперски поставленный эстрадный хит. Через неделю тревожный набат снова возвещал институту об очередном ЧП у кацманят, и снова писалась песня, и снова ковёр «окроплялся кровью». И так все четыре года. Унизиловка постепенно превращалась в наркотик. Казалось, что без обиды, без рваной раны в душе, мы уже не способны на самый простой этюд, самое простое упражнение. Страх. Страх оказаться слабым, изгнанным, недопущенным, осмеянным сковывал и тело, и душу. Страх рождал сомнения по поводу пребывания не только в стенах института, но и в жизни вообще: все три пролёта, от нашей аудитории вниз, были затянуты металлической сеткой (предыдущий курс работал над дипломным спектаклем, ну и нервы сдавали капитально у ребят). Я только спустя много лет поняла, что как-то бездарно тратила силы: в мирное время рыла окопы, отстреливалась. Это же бред. Во что с нами играли? Зачем? Да, многое из того, чему нас учили – важные и нужные вещи, но как бы умножилась их значимость для нас, если б хоть иногда, хоть изредка через прореху педагогической брони выглядывала любовь. А её-то и не было – любви, чувства, на котором замешано искусство вообще и искусство артиста в частности. Замена подлинного искусственным – всегда подлог, всегда обман. Всё, что связано с этим завораживает. И мы лопали предложенный суррогат с аппетитом, запивая его компотом из студенческой столовки и гордясь своей исключительностью, в смысле здорового живота.

Когда я во множественном числе употребляю достаточно смелые глаголы – я не мету всех одной метлой под одну гребёнку, я расчищаю путь тем, кто придёт учиться и учить. Понятие «школа» – отнюдь, не набор уничижительных мер по отношению к индивиду и то, что актёру нужен кнут – ещё один миф, созданный теми, кто хотел бы легко и небрежно манипулировать почти детьми. Кнут обычно использовался для поднятия авторитета и собственной значимости, а в качестве пряника предлагалось... да ничего, в общем-то, и не предлагалось, мы, по большому счёту, были никому не нужны и как люди не интересны. Нас не разглядывали – на нас смотрели. Смотрели, как на продукт, или, как на материал для продукта. То, что это – «издержки профессии», мы усвоили очень скоро и даже как-то смирились. Научились хитрить, изворачиваться, заполняя враньём любую предложенную форму. Монету внимания уже не ловили, а давали упасть и, мельком глянув на достоинство, проходили мимо. Мы стали неприлично циничны. Наш цинизм не разливался вовне, он жил в нас, незаметно прибавляя в весе. Зато в наших тетрадках по мастерству каждую среду прибавлялись умные слова знаменитых людей. Трепет, о котором говорила Фаина Раневская, уступил место мандражу, вдохновенный настрой – вздрючке-накачке.

Мы теряли веру. В себя, в профессию, в людей. Как можно верить в искренность добрых намерений, если слова расходятся с делом? А если эти слова и дела принадлежат людям, которые взялись вести тебя, направлять, влиять на ход твоей судьбы? Речевик грозит выгоном за то, что поймал с сигаретой, отстраняет на месяц от занятий, а сам на занятиях дымит, как паровоз. Мастер при каждом удобном случае говорит об интеллигентности, а сам, будучи уверен, что его не видят, сморкается на коридорную стену института... Ты сам ещё плохо стоишь на ногах, а тебя расшатывают и мечтают вырвать, как молочный зуб.

То, что будет написано ниже – увы, не запоздалые слова нежной благодарности любимому мастеру. Кто-то, возможно, сочтёт непочтительным тон, кого-то оскорбит сама идея. Не надо, не протестуйте. Просто послушайте, что я вам скажу. Главное богатство человека – он сам. Попытка отнять это – попытка отнять жизнь. Вот так, просто и честно. А вот найти потерянный ключ от «дорогого рояля» и,

отперев, взять хотя бы один аккорд – великий педагогический дар, посланный человеку свыше. Ничего нового, правда? Так только об этом речь, только об этом.

Аркадий Иосифович Кацман снился мне часто. В моих снах мы любили друг друга. В приличном смысле, конечно. Вот так, запросто, являлся среди ночи улыбочивый, спокойный, родной, и я во сне плакала от счастья, что он вернулся, что живой. После снов «тёмных», где я, то проваливалась куда-то, то взлетала, эти казались светлее света. Мы о снах и не знаем ничего, совсем ничего, а это не иначе, как чудо, единственная связь с теми, с кем связаться не получится ни за какие деньги, хоть волком вой, а тут даром... Есть в них неразгаданная мудрость, во снах. Каким-то дремучим чувством понимаешь: вот это про это, а это про то, но и то, и это, на самом деле, совсем про другое и никакое самое древнее чувство не объяснит, откуда приходят тени людей и куда уходят...

ДОЧЕНЬКА

Так уж случилось, что последний, четвёртый курс заканчивала я не одна. Помогала мне доченька, которой на время получения диплома было шесть месяцев.

Будто вчера было: я, колыхаясь по красной дорожке, а Катюша под специально сшитым платьем, идём за синенькой корочкой и «все аплодируют, аплодируют...». С этой дорожки, как со взлётной полосы мы должны будем подняться и, набирая скорость, завоевать со временем всё наземное и космическое пространство, изумляя мир своей необычностью, творческой дерзостью и щедростью души.

Словом, все уходили: кто в театр, кто в кино, кто в ресторан, а мы с Катюшкой – в декретный отпуск. Через три месяца нам предстояло родиться, так что, проводив нашего папу в армию, обе затаились в ожидании самого ожидаемого на этом свете, чуда.

Четыре года спустя, я приехала в Ленинград на разведку. К тому времени мы с мужем успели поработать у Адольфа Шапиро в Рижском ТЮЗе и, не дождавшись окончания договора, сбежать, до одури нанюхавшись «латышского пороха». Разведка моя оказалась более чем удачной: все места, как всегда, были заняты, те немногие, кого удалось повидать, «плотно» занимались творчеством – им было не до меня, а родной когда-то город превратился вдруг в бездыханного мертвеца, холодного и безучастного ко мне, тогда ещё «живой и настоящей». Выхода не было. И всё же, выход был: «забить» на своё честолюбие, засунуть в «ж» амбиции, плюнуть на всё на это с самой высокой колокольни и податься на службу в обычный, среднестатистический российский театр. Обычная история. Обычная судьба. И правильно – не всем же столицы топтать. Это только поначалу жаль батист на дерюгу менять, потом свыкается, сживаетеся, сродняется..., но зудят всё же в душе до сих пор, не давая забыть, две памяти: память тела и память духа о едва ощутимой прохладе города, в котором всё начиналось – и дочь, и любовь, и профессия.

БАССЕЙН

Как-то, отвечая на вопрос: «Чё ты в Москву-то понесло?», я ответила, что надоело, де, плавать от стенки до стенки, и что, если уж тонуть, то в океане. В том бассейне, о котором пойдёт речь, я нахлебалась «по самое не могу», так что привкус хлорочки во рту до сей поры ощущаю.

Начиная рассказ об Ульяновском театре, хочется коротенько, буквально в двух словах, «набросать» город, в котором тот обосновался. Ну, уж если не получится в двух – прощенья просим-с. Значит так... посредственность, множественное число и средний род, как нельзя лучше отражают бытие и сознание этого города. Габриэль Гарсиа Маркес сказал бы проще – деревенское ханжество. И я, разумеется, сразу же с ним соглашаюсь, ибо точнее не скажешь.

Здание театра обрисовывать не буду, так как с точки зрения архитектуры, оно, кажется, не представляет особой ценности, хотя... когда-то под ним, в подвалах сидел не то Стенька Разин, не то Емелька Пугачёв... Да-да, точно, Пугачёв. Помню, как-то проходя мимо театра, притормозила у памятной доски. Ещё подумала тогда: единственное, что роднит с этим домом – мятежный дух самозванца. Артист, конечно, был ещё тот. «Я, – говорит, – муж Катьки Великой, прошу любить и жаловать». Простой народ только этого и ждал: схватил, что под рукой было и на помещиков-эксплуататоров попёр. Кровищи, говорят, немерено утекло. Это я к тому, что: вот как бывает, если артиста до самого края довести. Кстати, Володя Ульянов (Ленин), уроженец Симбирска, недалеко от Емели ушёл, в смысле приложения актёрского таланта. Ну, я не буду дальше развивать, вы ведь историю-то знаете...

Так вот, достояние города – река. Не Библиотека им. Ленина, не мемориальный комплекс, построенный к 100-летию Ленина, не Площадь, опять же, Ленина, не гимназия и не музей Лениных, а именно Волга-матушка – видевшая-перевидевшая, многострадальная русская река. То есть, не будь её, родимой, ничего бы не было, а нас с вами – тем паче. Так это ж понимать надо, а то позасрали всё, позаделали, народ-то самого себя стыдится. Я этим летом единственный раз на городской пляж выбралась, и идти-то не хотела, как сердце чуяло... Клянусь, ничего более мерзкого за всю свою жизнь не видела: люди лежали, сидели, спали, ели, пили, играли с детьми на... мусорной свалке, на том, что осталось от их вчерашне-позавчерашних уже начерно загорелых предшественников. Огромный волжский пляж, сплошь усеянный людьми, проводил своё лето на помойке: на битом стекле и окурках, на банках, бутылках, грязных газетах, презервативах, плевках и харчках... И, самое страшное – никакого отношения к происходящему, абсолютно безоценочное поведение отдыхающих масс: привычно равнодушно блуждающий взгляд в поисках свободных дециметров, ни возмущения, ни «благодарности» в адрес властей – ничего. Даже мата. Мне стало казаться, что нас снимает скрытая камера. Дожили ребята, докатились, мать вашу так! Это и есть, дорогие мои соотечественники, деградация нашего с вами населения России. Окончательная и бесповоротная. А знаете почему? Потому что ваша непокорная слуга постелила одеялко и легла там же. Как так? Вот так... Расчистила полянку и легла. Но Вы-то, Вы-то на моём месте всенепременно развернулись бы и уехали прочь на своём «Порше», да? Ура! Тогда, значит, есть надежда. Значит, надежда, всё-таки, есть... маленькая такая, хиленькая, но имеется.

Город – это не дома, и не парки со скверами. Это, если так посмотреть – территория. А город – это люди, живущие в этих домах, гуляющие в этих скверах, их нравы, вкусы, пристрастия, любви... Но в каждом городе есть нечто, что отличает его от других. Пусть это отличие копеечное, пустяшное, но оно может стать основной

чертой его непростого характера, и, увы, не самой лучшей его чертой. И у Ульяновска оно, конечно же, имеется. Если побегать по дремучим лесам памяти, а потом, запыхавшись, сесть на пенёк и сразу, только сразу, выпалить первое, что на ум придёт, то это первое будет словом «зависть». Зависть в этом городе разлита в воздухе, как жертвенный фимиам. Ею дышат дети, она передаётся по наследству. Помню, как она вместе с мнимыми подружками ходила за мной по пятам, когда родители каждое лето привозили меня из ещё снежного Норильска в залитый солнцем город. Помню, как стыдилась своих красивеньких платиц и новеньких туфелек, потому что они высмеивались при каждом моём появлении. Девочки постарше «разводили» меня на больших «германских» кукол, предлагая взамен крохотных пупсят и бумажных девушек «с одежкой». Не хотелось никого обижать – в ход шли и мамины колечки и бабины бусики. Так я, неосознанно, пыталась приобрести их расположение и войти в их, плотно замкнутый, круг. Но... сколько дерево не красить – будет дерево зелёным. Я оставалась для них чужой, непонятной и если попадала в их круг, то в самый его центр, как объект для новой «сделки».

Дети – маленькие рабы своих родителей, заложники предлагаемых обстоятельств, вынуждены принимать условия игры больших людей. Взрослым только кажется, что благо, приносимое ими, всегда – польза. К сожалению, это не так. И, как бы то ни было, наша память из детства перетаскивает всё во взрослую жизнь, а мы, оставшись наедине с этим всем, теряемся, не зная, что же дальше с ним делать...

И ещё одна, очень сочная достопримечательность города: буква «Ч», а если точнее – звук «Ч». О, это поразительно, как ульяновцы (только ульяновцы, потому что, ни в каком другом волжском городе так не говорят) обожают этот звук. Своей фанатичной любовью они превратили его в монстра. Нежный, безропотный, слабый «согласный» звук перестал быть согласным и встал на дыбы, призывая к восстанию рядом стоящих. Есть в этом что-то антигуманное, я бы даже сказала, вероломное – взять, и одним исковерканным звуком опустить русский язык ниже плинтуса. Ну, что тут поделаешь? Да, практически, ничего. Люди – они и есть люди: то ведают, что творят, то не ведают... Среди них есть такие, которые умело живут, но не понимают – зачем. А есть такие, которые совсем наоборот. Они мне более симпатичны. От них мало осязаемой, видимой пользы, но много душевной теплоты, сочувствия, сопереживания и, даже, самопожертвования. Принято думать, что таких людей больше, но это, дорогие сограждане, ещё один, кем-то придуманный, миф. Таких «реальных героев», на самом деле – по пальцам сосчитать. Их, видимо, посылает небо, раз они появляются в нужном месте и в нужный момент. А небу видней, куда, кого и зачем послать... однако, пора двигаться в сторону заданной темы. Итак, ОБЛ.Д.Т. им. Гончарова. В тот год небо решило направить меня туда. Я не вправе на него пенять. Сегодня я постараюсь донести до вас всё, что будет цепляться за эту аббревиатуру.

Три послекусия, только три. И все три – сожаление. Самое сильное – сожаление о непригодности. Разумеется, профессиональной. Не пригодилась я этому театру, как могла бы, как хотела. Сожаление №2 – сожаление о непричастности. Разумеется, к искусству. В этом театре, ни я с ним, ни оно со мной так и не встретились. И последнее, едва уловимое – сожаление о необратимости времени. Иногда оно занимает место первого, и тогда я кусаю локти и бьюсь головой

о стену. Этих сожалений могло бы не быть, и, честное слово, нашлись бы другие, но именно с этими, как с квартирантами я как-то сжилась, сдружилась, перестала брать за постой, и в благодарность за радушие получила свободный доступ к воспоминаниям.

Для кого-то театр начинается с вешалки, для меня – с худрука, представителя, так сказать, отечественной режиссуры. Худрук в театре – больше, чем худрук. Он Царь и Бог одной небольшой цивилизации, и не надо никаких других определений. Просто – Царь и Бог. И всё. Вершитель судеб, ежедневно казнящий и милующий, имеющий всевидящее око, всеслышающее ухо, всечувствующее сердце, всезнающий мозг. Он всегда «ходит первым», всегда «в белом» и всегда выигрывает. «Главный» в театре, это – религия. Её либо принимают, либо бегут из «монастыря». Лично я убежала три раза и, как блудная дочь возвращалась: не по вере – от безысходности. «Царь и Бог» это прекрасно понимал и «отжимал» последнее, что во мне на тот момент было.

Ну, о какой «разумной», или «добровольной» диктатуре вы говорите? Где вы её видели? Рабское существование актёров в России живо до сих пор. Натянуло на себя личину нашего «свободоразрешающего» времени и очень уютно себя чувствует. Кто-то, кому это было удобно, придумал грандиозный миф. Миф о том, что актёры – пешки, или даже шашки. Что их можно играючи двигать по сценической доске туда-сюда-обратно, перешагивать через них, съесть, рубить, жаловать в дамки, разжаловать, а, разгневавшись, и вовсе стряхнуть на пол. Под страхом оказаться рядом с тараканом существует многотысячная армия российских актёров. Когда-то их называли крепостными, а сейчас они свободны. Поэтому, видимо, огромный процент «сброшенных» обслуживает различные отрасли рыночного и «бутылочного» хозяйства. Под страхом «выкидыша» много чего натворить можно, а можно и наоборот – ничего не натворить. Но в финале всегда, всегда сгоревшие судьбы. Полученным «угольком» можно ни одно десятилетие отапливать кабинет худрука и его апартаменты. Не сердитесь. Вы, кто читает эту книгу, не такой. А какой Вы, если театр сегодняшней – «обезличностный» театр? В него можно ходить, или не ходить, его можно уничтожать, или превозносить, или даже похоронить, но уважать... Игра, в которой шашки играют в людей достойна бурных и продолжительных аплодисментов. Вот это тема. Поставьте по ней спектакль, господи.

Спустя пять лет, после всех моих московских мытарств я посетила клетчатую доску с выше упомянутой аббревиатурой. За время моего отсутствия она сказочно преобразилась. Почти стёртые когда-то краски ожили, обретя свежий, глубокий цвет. Чёткая разлиновочка аккуратно разделила квадратики на два тона: темно-коричневый и неопределённо жёлтый. Знаете, есть много оттенков жёлтого и я не берусь точно определить цвет. Помню, подумала тогда: сам по себе один какой-то цвет неинтересен, скучен и быстро надоедает. Он хорош всегда в сочетании с другим. И чем более не выразителен один, тем более выразителен в его соседстве другой.

Каждая клеточка улыбалась своей лаковой улыбкой и будто приглашала: встань на меня. Но я, напротив, старалась не наступить ни на одну из них и шла, точно по нитке, продвигаясь по острой межклеточной грани в сторону Главного игрока. На дворе была весна, капало с крыш и казалось – всё поправимо. «А если,

«нет» – ну, и чёрт с ним! Чёрт с ним со всем! Жить дальше надо». В кабинете Главного я успокоилась, расправила плечи и, широко улыбнувшись, предложила себя в качестве дамки (после Москвы мне хотелось только Большой игры, на маленькие роли я плевать хотела). Роли я не получила: ни большой, ни маленькой (сезон подходил к концу), зато получила «детей» (есть у меня практика преподавания актёрского мастерства и сценической речи). Первый курс. Малыши. Два месяца работы. Йесс! Это счастье стало моим, собственным, я могла делать с ним всё, что захочу, поэтому сразу, «сойдя с доски», я возвратила его небу, которое направило меня.

ДЕТИ ТЕАТРА

Знаешь, можно делиться печеньем,
а можно – сердцебиением.

На первом занятии девчонки плакали. Не все, конечно – самая трепетная их часть. Причина? Причина проста и банальна – ошиблись дверью. Шли в театр, а попали на доску. Я могла им помочь – указать дверь, к которой они шли. Так я и сделала.

Вас когда-нибудь обманывали? Молчите, всё известно: вас обманывали, обманывают, и будут обманывать, вы отвечаете тем же, вас не жаль – вы в курсе Правил. Но девчонки... Те люди, что взялись учить их, прекрасно знают Правила, но как «нормальные герои» «всегда идут в обход». «Ничего не поделаешь – такова жизнь» – говорят они всем своим видом. Да, такова жизнь и такова самая лицемерная и лживая отговорка на все времена.

Набирать ребят на актёрский факультет Ульяновского Государственного Университета стали, чуть ли не с его открытия. И тогда, в 96-м, это было фантастически круто: своя театральная школа, в которой педагогами актёры театра! А эти актёры, в свою очередь, позаканчивали когда-то «Щепку», «Щуку», ЛГИТМиК, Школу-Студию МХАТ, ГИТИС. Ну, не блеск ли? Восторг! Попасть на курс к таким «ребятам» – всё равно что двух зайцев одним патроном положить: образование получаешь без отрыва от мамки с папкой, да ещё и диплом государственного образца, да ещё и практика параллельно с учёном, ко всему этому – большой аванс на трудовую деятельность здесь же, одним словом – сказка, сказка, сказка... Но, как говорится, прошли годы... и, как часто бывает, «сказка стала былью». Вот я и хочу спросить Вас... для того ли Вы были рождены, уважаемый, чтобы воспитанники Ваши плакали от горя? А горе, всегда – спутник обмана, а ещё – темноты. Я эту картину даже карандашиком набросать не берусь, до того кромешной показалась мне тьма в их детских головах. Поставьте себя на их место. Хоть на секундочку влезьте в их кожу, тем более что профессия обязывает. Представьте, что Вы – ягнёнок. В закутке, что Вам отведён для житья, шатаются стены, пол ходит ходуном и с потолка от каждого чиха летит штукатурка. Представили? Нет?? Ну, Вы уж постарайтесь, поднатужитесь... Добавьте к этому вой ветра, лай собак и полную луну. Не получается? А если всё это умножить на горящий с голодухи волчий глаз? А если холод адский? Если Вы одни и всеми брошены? Что? Как тогда, милостивый государь? А тогда Вы – то же, что и девчонки-первокурсницы, и неважно, кто Вы – рядовой артист России, или Лауреат Государственной премии Народный вечно почётный гражданин. Театр – это не здание, где показывают спектакли и где актёры

украшают звёздами асфальт у входа в свою честь. Театр – это храм освобождённой души. Построить его без человеколюбия – не получится, а получится – то, что есть. И, знаете, в чём действительный ужас? В «похожести», в «почти неразличимости» не только Формы, но и Содержания. Зритель интуитивно чувствует подмену, но открыто никогда не признается в этом. Как мать, которой подменили дитя, будет растить и верить до последней, самой последней минуты, в кровное родство с чужим ребёнком, находя в нём портретную схожесть с любимым мужем. Потому что, проще поверить в обман, допустить его, чем обнаружить. Такова и наша публика. В большинстве своём, в большинстве...

Система великого реформатора, пройдя по рукам нескольких поколений, предательски мутировала, потеряла девственность и наив, превратилась в девушку по вызову. И у меня большие сомнения по поводу ваших чистых намерений, господа, в отношении этой «прелестницы», сидящей на ваших коленях.

МЕЛОЧИ

Пропуская мелочи, книги не напишешь. Да что там книги – абзаца не родишь. А уж о роли, или постановке какой и речи нет. А если и родится чего, то вряд ли это будет похоже на здоровое дитя, так – ни уму, ни сердцу, как говорится. Вот так подумаешь, пораскинешь-ка мозгой и понимаешь, что нет главного без мелочей, как и мелочей без главного. Нда. А мелочи-то, мелочи, они в нашей актёрско-режиссёрской теме – первое дело. Очень, значит, важны. До крайности. А мелочи пустяшные – это что? Это, вроде, ненужная дребедень, вроде, можно и без неё обойтись. Ан, нет! Тыкнешься-мыкнешься и всё равно к ним, родимым, выручайте, мол, без вас никак. Помню, в институте ещё нам, студентам эти треклятые мелочи спать не давали – во снах являлись. И главное, то тем прикинутся, то этим. Маскируются, значит. Думают, не узнают их. Только мастер наш – профессионал, нас предупредил, что хитрющие они – спасу нет, могут и пуговицей предстать, могут и половицей скрипучей обернуться.

Предположим, вы – начинающая артистка и в пьесе Островского у вас главная роль. Предположили? Ну вот... и по сюжету у вас большая, очень динамичная сцена в саду, где вы, по указанию режиссера на коленях ползаете. «Да нет, ползайте оправдано, а не просто так. Ну, ползайте, ползайте! Что, колени стёрли? Будете ползать, мать вашу так, пока я не поверю, что горе у вас, и горе это не от стёртых коленей!.. Не верю!..... Не верю!..... Сто раз не верю!..... Ё... мать!...»

Так ведь и артистка не верит. Ты её хоть на хлеб намажь, хоть так съешь – не перевоплотится она, только озлобится больше. Сечёте? В чём дело усекаете? Не в саду она, бедолага, мучается, а по сцене дощатой занозы собирает. И выходит, что травушка-муравушка не нужна ни ей, ни режиссёру. Это, конечно, не пуговица, но тоже немаловажная деталь. На земле, положим, и сидится иначе, и юбка по-другому расправляется. По траве букашки ползают, комарики там всякие, кислород, одним словом – жизнь! А это уже никакая не мелочь. Какая ж, это мелочь, когда у артистки колени стёрты в кровь? Я сначала бурно, про себя, возмущалась, когда такую «жертвенность» в театрах наблюдала, а потом книгу написать решила (я ведь артистка – мне не всё равно). Сегодня не принято к мелочам придирааться. А зря, так и профессию на нет свести можно. И что останется? Побрякушки, ужимки, да прыжки ряженных-разряженных. Проказа тоже начинается с мелочи. Она начинается с насморка.

НАИВЫСШИЙ РАНГ

...как, бывает, жаром грудь обольёт, когда вдруг, совсем вдруг, ни с того, ни с сего благодарность почувствуешь. Ни к кому-то, или чему-то конкретному, а... просто так. Совсем просто так. Безадресно. Беззвучно. Безумно.

Где-то вначале своего повествования я пообещала главу о том небольшом проценте, что зовётся свободолюбивым. Говоря о «малом народе», с замиранием сердца прикасаюсь к этому огню, или воде, или ветру, или свету... Простите мне моё чудачество, я девушка фантазийная, для меня все люди – явления природные. Только здесь уточнение требуется: я их так вижу, а на самом деле, может они и другие совсем, люди-то...

Нет, не может быть Художник сытым. Благополучным не может быть. Не может быть собой довольным, циничным, пошлым, пафосным не может быть. Художник есть и будет посредником между людьми и Высшим Разумом, проводником в глубины подсознания, образчиком духовной силы, мужества и преданности своему труду. Истинный Художник не бывает один, он всегда с приставкой «со», выражающей значение «совместимость»: со-весть, со-существование, со-чувствие, со-переживание, со-участие, со-причастность. Он никогда не прикроет равнодушие кипельно белой улыбкой, потому что и то, и другое ему неведомо. Художник не позволит растащить свою душу, потому что душа его – часть Творца. Он интуитивно чувствует благородное родство, но врождённая скромность никогда не даст ему обнародовать это.

Художник состоит из открытий. Из прорывов, революций, бунтов, мятежей... Каждый его день, каждый его вдох наполнены вопросами, ответами, сомнениями, борьбой, битвой, войной. Состояние «мира в себе» чуждо Художнику.

Многие из тех, кого я, по негласному договору с собой, причислила к Высшему рангу, ушли из жизни. Знаете, это нормально, что Художники уходят из жизни. Это естественно. Так уж заведено. Естественно и то, что места, занимаемые ими при жизни, остаются свободными после их ухода. Это тоже нормально и тоже естественно. Так отчего ж тогда я – никакая совсем не писательница, вылезла с темой, в которой всё нормально и естественно? «Чёрт бы меня побрал совсем, на кой оно мне надо, живите, как хотите со своей совестью, или без неё, навешивайте друг другу титулы, или оплеухи – ваше дело. Кто я такая, чтобы судить вас? Кто меня уполномочил? Я – женщина, я – актриса, я – мать, я – дочь. И всё. Всё! Мне достаточно меня. И ничего не надо мне с вашего стола. Там всё – ненастоящее, там всё – эрзац» – так, может быть, мечталось мне бросить вам с листа. Но знаете, когда написан заголовок – деваться некуда. Мне придётся закончить то, что начато.

Художник – диковина, чудо. Сверхчеловек, отсекающий лишнее, дарящий миру «чистейшей прелести чистейший образец». До какой же невообразимой глубины должна опуститься ваша нежная ненависть к Чуду, чтобы вы, наконец, поняли: Художник – незаменим, неподчиняем, неистребляем. Как огонь, ветер, вода, свет – Художник – свободен. Или, нет... Художник и есть Свобода. Высший, самый что ни на есть, Наивысший Ранг.

А вы, верно, думали, что я дам вам Список – в столбик утрамбованные имена и фамилии героев театра и кино – людей с большой буквы, принесших мировую славу нашему с вами Кинематографическому и Театральному Отечеству, многие из которых доживали свой век в нищете и забвении, сходили с ума, спивались, кончали жизнь самоубийством?

Нет, дорогие мои скромные труженики на ниве современного искусства, я не дам вам Списка, ибо у меня его нет. Ибо пишется он на небесах, не надо улыбаться. Его не существует, но он существует. Попасть в него легко, стоит только отказаться от всего, кроме совести.

НАШЕ ВСЁ

А чего дергаться-то, сметану сбивать? Ведь если вдуматься, человечество изобрело уже всё самое необходимое для жизни, для комфортного, так сказать, существования своего организма: и туалетную бумагу, и сливной бачок. Пример, конечно, грубоват, но можно и помягче: после Моцарта и Мордюковой, вроде, и бессмысленно всё, лучше их не сотворишь. Вот я и спрашиваю: чем удивлять-то будем? И тотчас, без запинки отвечаю: удивлять будем ВСЕМ. Вот всё, что есть в наличии, тем и будем удивлять. Непонятно? А по мне, так понятнее некуда. То есть, так понятно, что сначала смешно, а потом сразу страшно.

Почему бы не опереться, к примеру, на чёрточку, или штрих, или деталь какую? Фрагментик, оттенок, нюанс? Словом, на мелочи? На мелочишко? Интонации, одной точной интонации, верно взятой ноты довольно, чтобы сердце растаяло и мороженым из глаза потекло. Никто не спорит? И правильно – кто спорит, тот «того» не стоит. Но мы-то с вами стоим о-го-го! Потому и не спорим, а если спорим, то преимущественно с собой и преимущественно в тёмном помещении. Ночью-то только об этом: «чего бы такого изобрести, да в чём бы этаким новаторством блеснуть»? Ведь так? Если вычистить всё, и совсем просто, то так ведь? Удивлять-то чем? Как бы мысль свою так оформить, да так подать, чтоб на века, чтоб Тютюкины заткнулись, а Петюкины обосрались? Ведь так? Так. Ради воплощения этой своей «мечты-идеи» народ на рельсы повели. Замысел свой, значит, в отстойнике осуществлять. А зрителя, ребята, беречь надо, ему в депо и холодно, и страшно. Он же, как дитя, зритель-то, и «обмануть его не трудно – он сам обманываться рад». Зачем же вы... нехорошо... Вы возьмите то, что рядом, то, что ближе некуда – себя. Возьмите, да и загляните, в себя-то. Да, не бойтесь, никто вас там не съест. Хотя... Заглянули? Видите? В вас есть ВСЁ. Совсем ВСЁ. Чего же вам ещё? Коврик? Нет, коврик «потащит» за собой стульчик, стульчик – столчик, а там и до графинчика рукой подать. Нет-нет, и думать не моги! К тому же на коврике любой может, только стесняется. А вы – народ творческий, с воображением. Можно сказать, зрелый народ-то! В смысле, поэзии души. Вот и валяйте: удивляйте тем, что есть, поражайте тем, что вам доступно. А декорацией мы вас потом обставим, костюмом, если надо, обошьём.

Не стоит покорять масштабным специфическим эффектом, количеством смятых газет, или коньками на ногах. Это всё «штуки». Они обращают на себя внимание критики, но не попадают в души людей. Взгляда, одного взгляда довольно, чтобы выиграть войну за бессмертие хоть одной из них. Этот взгляд и есть наше с вами ВСЁ.

МОСКВА

Допустим, вы сочли всё выше сказанное, чушь. Допустим, я не в обиде. Напротив, я крайне Вам признательна. Важно, что Вы, уважаемый читатель, до сей поры рядом, и продолжаете с интересом изучать меня, да и себя заодно. Покорнейше благодарю, я знала с кем делить движение души и не жалею.

Вот такая всё ж таки скользкая тема – «Художник»: можно невинную душу ненароком задеть, ранить не со зла... А душа – она ж завсегда проникновения просит. Стоит на коленочках с протянутыми руками, умоляет понять её, а то и простить... Господи, как же трудно перейти к этой «московской» теме-то, как трудно-то, господи.

Москва – она... к ней так просто не подступишься, на слезу не возьмёшь. И никогда не поймёшь «чё ей надо-то». Не угадаешь, каким боком повернётся, на какое дно ляжет, с какой крыши упадёт – непредсказуемая, хулиганка. Каждую минуту надо за ней успевать, бежать рядом, ни на шаг не отставая, а то и в глаз на бегу заглянуть: всё ли, мол, правильно делаю, с той ли ноги бегу? И главное – не думать. Да. Это главное. Потому что, если начнёшь вопросы задавать – враз в кювете окажешься. Не любит она вопрошающих, а любит действующих. Действующие лица и исполнители – наполнители Москвы. Нескончаемая пьеса в единственном непрерывном действии пишется кем-то свыше более восьми веков к ряду. Восемьсот с лишком лет провоцирует на суету сует не токмо коренного жителя, но и заезжего простака из глубинки. Последнего обмануть не трудно. Да и сам он, подсознательно доверяя классике, обманываться рад. Столица помогает в этом виртуозно: лёгким, едва ощутимым прикосновением берёт за шкурку и, аккуратненько встряхнув, выбивает сначала деньги, затем душу. Но бывает и в обратном порядке – всё зависит от вас и от вашей «группы поддержки», от силы её притяжения что ли. Когда пять лет назад я «понаехала» в первопрестольную, «моя группа» оставалась дома и, если честно, без её поддержки мне пришлось бы туже некуда. Но мне было с чем сравнивать: в Москве, даже самая, казалось бы, хреновая жизнь – баловство, понарошку, точно кино – вышел из кинотеатра и всё изменилось. В Питере, если уж ты попал в «енто кино», из него так запросто не выйдешь. Этот город пропитан флюидами фантазмагии. Вот я и говорю: Москва, в качестве среды, пригодной для проживания, гораздо благополучней Питера, так что моя «институтская закалка» мне очень даже помогла. Произойди со мной хоть часть «питерского» в столице, я бы не выкарабкалась, спилась бы к чёртовой матери и всё.

Послушайте, не спите. Заварите-ка лучше чаёк, затянитесь папироской. Не курите, не пьёте? Прекрасно. Здоровье – великая вещь, его надо беречь. На пользу себе и нации. Здоровая, розовощёкая нация – вдвойне великая вещь! Нда... Так вот... когда пять лет назад я нагрязнула в первопрестольную, здоровье моё было вполне сносным: лёгкие, хотя и не отличались особой чистотой, но дышали распахнутой грудью, мозги работали на полную катушку, а карий глаз горел, как у лося в период гона. Словом, девушка была готова к оплеухам новой жизни. Может быть поэтому, сойдя на перрон Казанского вокзала, и подставила лицо небу, с которого падали не то капли дождя, не то будущие слёзки.

Москва-а-а-а...– вдох... Москва-а-а-а...– выдох...– как же я люблю тебя...
– как же я люблю тебя... Москва...

Вечер ли, ночь ли, полдень ли: ты – мой вдох, ты – мой выдох.

Сладость ветра твоего, горечь снега твоего, вера Храма твоего – рядом.

Звоны вербные, квасы хлебные, гроши медные – даром.

Греешь холодом, кормишь голодом, гладишь ботогом – всё прощаю.

Что подарено от щедрот твоих

с благодарностью возвращаю.

Зима 2003-го в Москве была снегопадной. С неба летело всё, что хоть как-то могло претендовать на осадки. Город напоминал зефир, покрытый взбитыми сливками. Помню, мечтала прикоснуться к счастью, и, даже, приобнять его. Вальс, вальс под «раз, два, три» кружил меня третий месяц. Я потеряла все ориентиры, опоры и совершенно одуревшая от переизбытка кислорода, с каждым днём взлетала всё выше и выше.

Человек – баловень иллюзий. Любовь – самая великая из всех. И она, действительно, творит чудеса, если взрослая женщина превращается в совершеннейшее дитя. Я научилась смеяться. Смеялась «закатом» – открыто, смачно, во всю глотку. Смеялась по любому поводу, как дурочка. И читала: клевала всё, что имело форму книги, жадно, с удовольствием, сглатывая со страниц чьи-то слёзы, надежды, любви. Как выяснится позже, чужие жизни могут быть намного реальнее, чем твоя собственная. Пожалуйста, никогда не обманывайте себя, сторонитесь иллюзий, даже самых многообещающих, они, как солнце, незаметно превратят ваш оазис в пустыню.

Пять-шесть посещений совсем разных театров отрезвили. Всё проявилось, стало из плоского выпуклым. То, что я наблюдала из зала, было мне чуждо и даже враждебно. Именитые артисты поражали отшлифованным цинизмом, а молодёжь доказывала свою крутизну. Но публике ничего не надо доказывать. Ей бы парутройку по-человечески сказанных фраз о том, что жизнь наша имеет смысл, что все мы нужны друг другу, что можем быть свободны, счастливы, любимы, если того захотим – всё в наших силах. Всего-то несколько фраз, по-человечески сказанных...

Я поняла: произошла катастрофа. В Театр были допущены корыстные люди. Они ходили, говорили, плакали, смеялись, и даже любили, как это можно делать только за деньги – отстранённо. Чувства не было. Или было некое подобие чувства... «нечто», покрытое прозрачной скорлупкой льда. Больного мог спасти только укол в сердце, а его припудривали, румянили, бриалинили.

Полная перемена жизни (развод, оставленная на родителей дочь, проданная квартира) была принесена в жертву Королю, который сам пал жертвой. Получалось, что мой внутренний голос попросту надул меня. Трагедии в том, конечно, не было – я могла вернуться. И... я не могла вернуться. Значит, трагедия всё же была... маленькая такая драма... драмочка.

Будущий супруг из кожи вон лез, чтобы, хоть как-то, хоть куда-то пристроить внезапно свалившееся на него «инородное тело». Его друзья принимали посильное участие, но как-то не всерьёз. А сами мы тогда, как мне представляется теперь, походили на два дерева по краям пустыни. Одно ждало ветра, другое – пыльцу. Никто ничего не дождался. Победила пустыня. Это значит – не было любви. Если бы

любовь была, она бы что-нибудь придумала. В общем, через пять месяцев бесплодных усилий Жук опустил Дюймовочку на землю и улетел, подарив на прощанье бумажку в пятьдесят долларов. «Хорошо бы сохранить её на память, внукам показать».

Далее следовали неделя «отчаянного уничтожения себя» и неделя «возрождения». Господи Боже, сколько ещё их будет на моём пути, этих недель...

Освободив, отделанный под сауну 12-метровый кондоминиум благородного Жука, Дюймовочка поселилась на съёмной жилплощади в северной части Москвы. И так..., работы у неё не было, друзей Жука велено было «не трогать, не сминать» (да кому они нужны – насекомые), средств, когда-то брошенные на сберкнижку таяли, как мартовские снега (кстати, на дворе был месяц март), по ночам метелил снежок, днём он таял, а впереди маячила весна – первая из четырёх пережитых ею московских вёсен.

НЕЖНОСТЬ

Довелось ли вам когда-нибудь наблюдать нежность? В чистом виде? Без всяких примесей? Только нежность одна?

Если б вы знали, как это... ранит. И как, рая, продлевает жизнь.

Ехала я как-то в московском метро, сидела в переполненном вагоне, дремала... Вдруг, поднимаю глаза и вижу: предо мною облако нежности. Я забыла, где я...

Юноша и девушка стояли глаза в глаза, не дыша смотрели друг на друга. Единственное прикосновение: юноша, словно боясь ожечься, коснулся мизинцем края брови девушки. Всё. Никаких попыток нарушить целостность «облака». Где они были в это время? В раю? Кажется, так далеко редко кто ходит сегодня: опасное место – можно и не вернуться.

Начало... неоформившееся, божественное... апрель любви... свет любви... ореол любви... дыхание любви... язык любви – сидела, искала тому, что вижу, словесную оправу. Всё об этом, но всё «где-то рядом». Не цепляется, не выражает. Не придумало человечество ничего, что могло бы выразить нежность иначе, как «нежность», да и надо ли...

Нельзя ограничить словами, буквами, знаками, звуками то, что нельзя ограничить. То, что не поддаётся огранке. Хрупкость... эфемерность... призрачность... прозрачность...

Почти катастрофа. Теперь я не знаю, что же сильнее: любовь, или нежность... а раньше, до этого, я многое знала... Отчего эти два прекраснейших слова никак не поделят одно одеяло?

Сдаюсь. Сознаюсь, что бессильна. Ни метафор, ни аллегорий, ни рифм... Я пустая.

Пред тем, что я увидала, становлюсь на колени. Я сражена.

Есть тайны, которые надо укутывать. Есть покровы, которые стыдно срывать.

Есть книги, которые, не открывая, можно от корки до корки читать.

ГОЛОД

Я, кажется, знаю. Знаю, что там, наверху, про меня задумали. Тсс. Слушайте тихо, так же тихо, как я говорю. Едва коснувшись самой этой мысли, отталкивала, всегда её отталкивала. Срываясь, бежала, всегда бежала, очертя голову в никуда, в незачем от этой мысли вразлёт... Всегда так было. Всегда. Сейчас не выходит, не получается – мысль застряла, застряла мысль. Прочная, ясная, точная – птицею бьётся в висок: «я знаю, знаю, я всё поняла, наконец-то, господи».

Они накрыли стол. Хрустящей, прохладной скатертью они накрыли его. Свет обливает хрустальный чертог и яства съедают зрение. Вечер. С неба тихо падает снег.

Конечно, конечно, вечер. Или нет... сумерки. Да-да, это точно сумерки, любимое пряное время, другого не может быть – они угадали. В зале, где всё вожделеет, скоро начнётся Бал. Ах-х-х... вместе со снегом я тихо падаю с неба.

Они не допустят. Не допустят меня в этой знойной пустыне к манящему снегу. Что им за дело до птицы в моей голове... что им за дело... Ветер надежды сбивает с ног, и я падаю, падаю с белого неба, потому что я – снег, снег, крадущий песок обречённой пустыни.

Мне не хочется есть. Мне уже не хочется. Ни к чему мне то, что мною забыто. Я забита тем, что зовётся снегом. Моё тело с рожденья в него зарыто.

Обездвиженность – не значит «бездействие». И в сугробном склепе бушует пожар. Бал начинается. Бал начинается. Бал начинается. Бал.

МЁРТВОЕ МОРЕ

«...возьмите меня... ну что вам стоит вы главный всеми любимый бог... я умоляю мне без вас крышка мне смерть без вас... что вы, куда... не уходите, оставьте ваш взгляд на мне... поработайте, сообразите, увидите, я ваша... сегодня и завтра я буду преданней самой преданной твари... и послезавтра и после и после... хотите я буду играть с вами во всё что изволите... я знаю все игры я очень люблю играть... смотрите я улыбаюсь я всем довольна... мы подружимся будем и петь и выть в унисон... если надо... а... возьмите меня возьмите всю целиком без остатка... всё что есть у меня и во мне будет ваше... если мало я принесу ещё... я достану... я наскребу... вот моё мясо...»

«...взять тебя... послезавтра прогон костюмы не все готовы а те что готовы не жаль на помойку... взять тебя... ну допустим возьму... у меня такой масти навалом... такого размера... у Элки такого размера... театр не резиновый... завтра в одиннадцать... не перепутать... что мне за дело до этих глаз... глаза есть у каждого... кстати в сцене прощания у Бреговой такие должны быть глаза... Брегова дура пустая безмозглая кукла куда ей... глаза... куда я их дену эти твои глаза... а ты ничего... свет никуда не годится весь второй акт в темноте... всё приблизительно всё наживульку гнать всех к едрени... холодно не заболеть бы...»

«...какой большой кабинетище книги портреты афиши вешалка у стола необычно... может вам рассказать о себе хотя... может о вас рассказать я о вас всё

знаю... то есть мы не знакомы но это не важно вы самый родной для меня человек самый по духу близкий...»

«...не понимаю что их толкает так унижаться... ветер погода дрянь господи что за мука... как же меня все достали заездили всем что-то надо каждому дай для всех будь хорошим... мамочка... вежливо попрощаться улыбка кивок головой ещё раз улыбка...»

«...я сегодня неважно выгляжу плохо спала а так я красивая у меня и портфолио есть могу показать хотя... лучше я свои стихи почитаю... не хочет... напрасно они очень даже... держаться...»

«...если надумает плакать сразу уйти сослаться на занятость... странно что до сих пор не ушёл... смотрит сквозь душу своими слезищами... к чёртовой матери Брагину сука все нервы мне измотала... завтра же завтра же завтра же... напиться бы влётку и спать...»

«...сколько мне лет... неужели так интересен возраст... знала что спросит... кто ж его знает всегда по-разному когда год когда два а бывает и целая жизнь... идиот кто ж у женщин о возрасте спрашивает... зачем издеваться откажи и иди... смотрит... за очками ни глаз не видать ни того кто за ними... дьявол...»

«...возраст конечно немалый но наив сохранён это даже слегка подкупает... Брагова сука ты у меня уже не работаешь аминь дорогая я замену тебе подобрал завтра приказом оформлю... Элку попробую ещё не поздно... пропадите вы начисто пропадом...»

«...группы крови разные... что это значит как понимать разные группы крови... куда мне теперь с этой кровью... холодный какой кабинет... в моей съёмной ракушке от ветра стёкла дрожат заклеить... наверное надо встать и сказать до свидания... чёрт чёрт нельзя так уйти надо что-то придумать может со стула упасть... глупо что я девочка что ли... какая смешная дверь и ручка совсем не от этой двери холодная скользкая... дождь... не то всё не то... я всё неправильно сделала... должна была прямо в очки сказать что дерьмо что пустышка что ногтя с мизинца не стоит... дура какая я дура... не плакать... слёзы вода... живая вода... мёртвого моря».

Я не могу делать то, что я не могу... Я скорее умру, чем смогу... Не трогайте! Не теребите! Не подходите! Что вы хотите?! Меня стошнит на то, что вы предлагаете. Я не хочу меняться! У меня своё лицо, а не ваши лица. Да, я – провинция! Я – не столица! И я не хочу быть пластичной! И пластинкой быть не хочу! Я хочу быть собой! Со своей ржавой резьбой! Не гибкой! Не сладкой! Стальной иглой!! Не крутобедренной задницей! Не отличницей! Двоечницей! Беспризора избранницей!

Я не стану делить на куски свою суть и кидать по клеткам прожорливым белкам! Пусть крутят колёса до рваных мазолей – их ситуация! В моём беге сейчас навсегда остановка. Самая, может быть, важная в жизни, станция.

Как я устала от деланных глазок, от суетных ножек, от плавных речей. Господи, сколько же лет я была ничьей... сколько бессонных, ознобных ночей... сколько Богу свечей...

Откройте окна! Впустите воздух! Смотрите, как сразу легче дышится. Не знаю, как вы, а я полетела. После полёта всегда легче пишется.

ПОБЕДА

Есть такое выражение: «Завтра победит тот, кто сегодня сможет заснуть». Здесь лично я улыбаюсь... Что касается до меня, то засыпаю я молниеносно и сплю вполне сносно. Если встаю среди ночи, то по крайней нужде в связи, с выпитым на ночь, кефиром. С таким сном, как у меня победа должна бы лежать под одним со мной одеялом, свернувшись клубком у моих лодыжек, однако же – увы, увы. Она приходит к тем, кто, блин, «готовит её приход». Кто развернул гармонь и отворил на всю Ивановскую двери. Я не умею играть ни на гармонии, ни на свирели, и на открытые настежь чужие двери смотрю с подозрением больше, чем с вожделением.

Когда много-много-много лет подряд не получаешь ни малейшего оргазма, волею-неволей превращаешься в маньяка с садистским наклоном. Когда нарыв в твоём сердце не может прорваться (только и делает, что зреет и зреет) – сердце твоё начинает работать на этот нарыв, начинает обслуживать боль от скопившихся гноя и крови, и вскорости само превращается в один единый стучащий нарыв. Возможно ли «соблюстись», «сохраниться» при таком невесёлом раскладе? Не знаю.

Но, если всё-таки, несмотря ни на что, и вопреки всему тому, что делало раньше приход её невозможным, она снизойдёт и явится – что это даст тебе? Неужели спасёт от «нарыва»? Здесь лично я улыбаюсь...

И чего мы так бьёмся за эту победу? Кому и зачем мы хотим показать дом нашей силы? Будто кто-то решил усомниться в том, что силы в нас больше, чем всего остального. Нет. Мудрый с этим спорить не станет. А дураков, то есть людей неспособных, плохо обученных, и оттого испуганных и сердитых, мы слушать не станем. Давайте подарим победу друг другу. Она, оглядевшись вокруг, растеряется и увидит, что в ней не нуждаются – перестанет капризничать, набивать себе цену. Пусть поселится среди нас, а мы пустим копья и стрелы в самое дальнее, самое топкое место.

Но, если всё-таки, несмотря ни на что, и вопреки всему тому, что делало раньше приход её невозможным, она снизойдёт и явится – помните: для того, чтобы вдохнуть победу, надо выдохнуть поражение.

ВЫ

Звезда не знает, как её зовут,
не знает, сколько весит, где и от кого
родилась, на каком краю неба расположена.
Печаль о собственной персоне для неё – вздор.
Дарить свет – это всё, что ей небом положено.

Я хочу спросить Вас... да-да, Вас: Вы что там о себе надумали? Я без пафоса, очень просто, по-человечески, спрашиваю: Вы – кто? К Вам же подойти страшно, рядом постоять, не обмочившись, не-воз-мож-но.

Вы недоступны, как английская королева, как в третьей октаве нота си – недосыгаемы. До чего же Вы дошли? До чего докатились?

Вы, как избалованная собачка: Вас не схватить – Вы ускользаете. И Вы всегда чуть-чуть не в духе, немножко мимо собеседника. Что с Вами?

Вас никогда не удаётся застать, и Вы всегда опаздываете. Вы считаете своё опоздание признаком хорошего тона, а своё появление событием вселенского масштаба.

Вы безупречны, словно, только что выставленная, декорация – на Вас ни пылинки нет.

Вы, словно иноземный цветок, источаете аромат, напоминающий запах арбузной корочки. Все, кто вхож в Ваше пространство, падают в лёгкий обморок. Вы им прощаете. Закидываете огненный шарфик на правое плечо, и, ядовито облизнувшись, растворяетесь.

Вы никогда не теряете контроль. Даже Ваши истерики подконтрольны. Ваши нервные срывы напоминают шоу, а Вы сами – приглашённую звезду.

Вы нарасхват. Вы много работаете и очень устаёте. Все знают об этом и берегут Вас своим молчанием и хорошо продуманным докладом.

Вы смотрите на себя со стороны, недочёты подмечаете, корректируете и тут же выдаёте продукт, название которому – совершенство. Вам аплодируют, Вы кланяетесь, все счастливы. Вы что, сдурели? Вы, кто, дожил до седины, главного не поняли? Не читали мудрых книг? Не видели хорошего кино? Не посещали зоопарк?

Вы играете в игры добрых глаз и дружеских объятий. На черта Вам всё это сдалось? Я очень просто, без «наезда» спрашиваю: зачем Вам это? Ваш приторно-резвый глаз потерял хрусталик, в котором когда-то преломлялся свет. Скорее ищите. Свет, обычно, сменяется тьмой.

Вам всегда некогда. Я хочу спросить, чем Вы заняты? А... верно, Вы изобретаете эликсир, тот, что спасёт человечество от всех несчастий разом? Тогда понятно. Тогда мы Вас прощаем.

Улыбнитесь. Ваша серьёзность плюс состоятельность рас-пи-ра-ют Вас. Это единственное, чему Вы удивляетесь искренне. «Ёп твою мать, – посылаете Вы в зеркало, – неужели это я?» «Ты, мать твою, – так же искренне отвечает зеркало, – а кто же ещё? Самым натуральным образом – ВЫ!».

ПЛОХОЙ ХОРОШИЙ РЕЖИССЁР

«Я – зритель. Не надо заискивать предо мной, не надо упрощаться. Держитесь просто, вдохновенно..., если можете. Не можете... А в чём трудность, что мешает?... А кто знает? Представьте, что меня здесь нет. То есть – зрителя. Тьфу, тьфу, тьфу, не дай бог, конечно. Вы один и вам всё можно. Ну! Хулиганьте! Встаньте на голову, сделайте колесо! Вы на шпагат умеете? Жаль, что вы так не подготовлены... Господи, как же с вами трудно-то... Ну, разозлитесь на меня!... Да, я уже пришёл, «зритель» в зале. Ну какого вы стоите? Текст забыли? Текст, голуба моя, надо знать... а что вам текст? Текст ничего не стоит. В тексте вы ничего нового не найдёте, всё, баста! Текст давно пора забыть. Своё пора рожать, голубчик, мать вашу. Плодить детей, так сказать, импровизации, нда... А что вы на меня так смотрите? Я, голуба моя, не червонец, так сказать, чтоб всех здесь удовлетворять, н-да... Я – чистильщик, мусорщик. Вы кино смотрите? А что ж вы, мил человек, в кино-то не пошли? В кино-то оно полегче будет, там особых талантов не требуется, там, извините за выражение – типажность. Свободны... А что у нас нынче, понедельник?... Как, четверг?? А где службы тогда, почему не вижу? Вымерзли что ли все? Наточка, чайку организуй, детка, а то я ледоколом скоро стану... Свет пришёл?... Ну, а какого молчите?! Сказали они... я тут что сижу? Свет, Вася, на артиста светить надо! Вот..., а контровой прижми, что ты выпятил? Тишина в кулуарах! Я себя не слышу. Красный не тот, Василий! Надо ближе к клубнике, чем к помидору, вот..., теперь в яблочко, а то кетчупом всё поливает... Иванов, ты где там? Подойдите. Спасибо, Наточка, жизнь продолжается... Паша, что ты играешь? Ммм... Что ты, Паша, дуешься, как мыльный пузырь? Всё проще надо, легче. Он шустрый мужик, порхает с одной бабочки на другую, а ты, извините, переползаешь. ... А при чём здесь жизнь?... Вася, задник прибери!... Ещё..., ещё... ну, допустим... Понимаешь, в чём суть, Паша... ты себя вспомни в раннем отрочестве. Тебе щас сколько?... Это для меня открытие... кхэ, кхэ, кхэ, кхэ... Наточка! Я же просил без сахара!... Павел Сергеич, родной, мне что, премьеру отменять? Да, сядь ты!... Завпост в театре?! Месяц прошу пандус поправить – не слышит никто!!!... Паша, кхэ..., Павел Сергеич..., ты заканчивал-то Москву? У тебя ж, Паш...вел Сергеич, школа-то, дай бог каждому!... Воронеж??... Кхэ, кхэ, кхэ, кхэ... Это для меня открытие, кхэ, кхэ..., чёрт бы побрал этот чёртов сахар! Наталья Андревна!! Где вы там?... здесь она... принесите нормального чая, человеческого, а не карамельного, мать вашу! С возрастом надо что-то делать, Паша, как-то бороться надо с возрастом, пересмотреть, так сказать... Сцена архидинамичная, понимаешь? Всё кувырком, верхтормашками! Он счастлив! Как пацан на новом велике. Влюблён, блин! По-настоящему, первый раз по-настоящему, захлёб! Наточка!... Ах, да... Вот, я и говорю... как бишь тебя? Ветер у него в башке, сквозняк! Как играть? Не знаю, батенька. Вы – артист, вам и играть... Спасибо, детка, теперь то, что надо... Свет в зал, пожалуйста! Актёры, выйдите все там на сцену!.....

Сейчас начнём прогон. По первому акту мы говорили... здесь, вроде бы, понятно... пойдём без остановок, останавливать не буду... Не-бу-ду, даю слово. Кхе... Второй акт упрямый... мы долго бились над ним... ну, вы знаете,... он весь рваный пока, в нём нет пока верного дыхания, единства какого-то нет... ммм... Вот, казус-парадокс! Живёте на одном, можно сказать, плоту, пьянствуете вместе, чуть ли не спите гуртом. Перетрахались уже все, а команды нет. Нет команды! Единства нет! Каждый свой огород окучивает, какую-то свою игру играет. А в театре, русском театре, мать вашу, не может быть единоличностей! Вы одеялко-то, что на себя каждый тянете, уж изодрали всё, всё никак не поделите дерьмо это. Я нарочно так говорю, чтобы вы поняли, наконец, что сами по себе вы – ничто, чтобы вспомнили,

зачем вы здесь, для какого хрена в жертву себя принесли! Кхе, кхе... Второй акт – не бытовой, кхе, он..., как бы это сказать... на пальчиках, как у балетных говорят. Но острота от этого не теряется. Наоборот – всё накалено очень! Прорыв позже будет, а пока – все милейшие люди и чудные созданыя. Эллионора Аркадьна, если я ещё раз увижу на вас этот силиконовый маникюр, мы попросаема самым изысканным манером, поверьте – я найду, кем вас заменить. Мда... второй акт – он грубый, надо играть дерзко, они борятся за себя, за своё счастье. Музыкой попрошу не глушить. Звук слышит? Там есть места, где поддать можно, а так не надо – перекроет. И летайте, парите... хоть раз попробуйте, черти! К Павлу Сергеичу особая просьба, к нему это чаще других относится. Ну... что, друзья по со-разуму? Братья и сестры мои Карамазовы, соратники, так сказать, по преступленью и наказанью, рванём по бездорожью? Удивим мир своим лирическим ддраматизмом?! Тогда, вперёд. Все по местам. Начали! Наточка, подойдите, будьте добры...»

МОЙ БЕДНЫЙ ГУРУ

Я разлюбила театр. Сама мысль о театре – как мысль о пыльной кладовой, в которую заходишь, только лишь по необходимости, по крайней необходимости.

Мне перестал быть интересен театр, в котором Форма страдает от одиночества. Она плачет об исчезнувшем Содержании, как плачут о чем-то безвозвратно потерянном – бесслэзно и в самой глубокой глубини. Нет сил смотреть на это горе, нет сил.

Что можно сделать, если горе разлито повсюду? Ртутью, ртутью оно разбежалось по всем закоулкам сознания и медленно, незаметно убивает всё, что связано с жизнью.

Игра на основе игры перестала меня тревожить. Идти в никуда я не хочу.

Наблюдать за тем, как великий артист отрабатывает свой гонорар неведомому. Мне так его жаль... Когда-то мы вместе смеялись и плакали. Сегодня – смеёмся и плачем врозь. Я – его зритель, его ученик – стала стыдиться своего любимого «гуру»... и стала я уходить. С каждым днём – всё дальше и дальше. С каждой встречей – быстрее и быстрее.

Мой бедный, потерянный гуру... Я бросала хворост в твой жадный огонь, а своего тогда не имела. Сидя в огромном зале, грела сердце у твоего камелька. Погремушкой в твоих руках гремела. Я была в тебе и я была твоя.

Мой бедный гуру, тогда, давно ты был богат собой. Ты отдавал легко и бескорыстно свечение своей души, но что сегодня сделалось с тобой... Как тяжело даются тебе слова, в которые ты сам не веришь. Ты и здоров, мой бог, и бредишь. Ты заодно с прожорливой толпой.

Мой бедный, бедный гуру... Ты хочешь меня провести... Как можешь ты обмануть меня, когда сам научил с первых тактов улавливать фальшь? Мой учитель, мой врач, мой палач...

Ты хочешь меня провести мимо себя самого, мимо своей, утонувшей в солнце, гавани. Что же нам делать, мой бедный царь, что же нам делать... Мой парус уносит в море. Мы никогда не встретимся. Уже никогда не встретимся. Но я забираю с собой аромат твоего костра, в который когда-то щедро бросала хворост.

ДИАГНОЗ «ВЕРА»

Я – королева идиоток. Редкостная дура. Таких дур, как я – по пальцам сосчитать. Говорю об этом открыто и без малейшего сожаления о безвозвратно потерянной репутации неглупой, вроде бы, женщины. Клянусь, можно удивительным образом сочетать в своей голове умные мысли и несусветную дурость. Моя дурость иногда всё же допускает вторжение мыслительного процесса, и даже даёт ему на прокат ордена и медальки, но, опомнившись, тут же забирает обратно и снова цепляет на свою широченную геройскую грудь.

В чём моя дурость, спросите вы? Да во всём. Только не думайте – я не путаю телефон с домофоном и под душ встаю, предварительно сняв домашние тапки. Но речь не об этом. Речь о вере. Вера моя всему, что «лепят» люди, дошла до какого-то безусловно трагического абсурда и не собирается останавливаться. И воспитание тут ни при чём, и сила внушения – тоже. Думаю, здесь посерьёзней диагноз. Здесь налицо «синдром хронического доверия». Верите ли, доверяю всем. Верю каждому сказанному слову, каждой паузе, и уж конечно, каждой слезе. Горе горькое и помощи ждать неоткуда.

Мне говорят, что четверг – мой день. Верю. Мне говорят, что год Тигра – мой год, и я распываюсь в блаженной улыбке, практически уже слыша звук триумфального марша.

Я верю в «присутствие» и в «отсутствие» одновременно, одинаково сильно и без каких-либо душевных колебаний. Верю, что так жить нельзя, и верю в то, что по другому невозможно.

Мне говорят, что «завтра». Верю. Когда наступает «завтра», мне говорят «через день». Я верю. Через день мне говорят «на будущей неделе». Я улыбаюсь в трубку, счастливая тем, что «счастье моё мне ещё предстоит, а пока... может я к нему не готова? Может тигр мой чёрно-белый покудова спит?».

Мне каждую неделю обещают жизнь, а сами каждый день казнят. И я со временем поверила в необходимость пытки. Я, словно, стадо потерявшихся ягнят – нет проку от меня, а есть одни убытки.

Мне преподносят костлявую фигу. Я, даже чувствуя запах её влажной ладошки, верю тому, что мне говорят: будто это не дуля, а свежеисполненный круассан. И я верю, верю, верю, что этот, свёрнутый в кукиш, кулак – французская булка. Но, если я перестану верить – я умру от «голода». У меня нет ничего, кроме моей веры в ароматный шиш с маслом.

Как вам такой расклад? Как вам такая вот драма? Моя вера дошла до того, что оправдала все «неверия» мира. Я сказала себе: «Значит, так надо. Значит, это необходимо, чтобы у веры был антипод». Сказала – поверила. Безоговорочно, сразу и, боюсь, навсегда. Ну, не дура ли?

Как можно поверить, например, в бесполезность собственного ума? А я – верю! А что вы находите в том безобразного? Кому он нужен, этот ум, если от него вреда больше, чем от дурости? Я проверяла, верьте – так и есть. С дурости-то какой спрос? Она надурила и слиняла, а отвечать за свою дурь ум оставила. Вы не замечали, когда ум один, без дури, он как-то блекнет, хиреет, заболевает? Что, как не дурь подталкивает ум к шевелению? Что, возбуждая, ставит его на дыбы? Вот, и я о том же: без дури – нам в никуда.

Ум – это ведь не какой-нибудь там рассудок, или мышление – худо-бедно мыслят все наши граждане. Ум – это, извините, Ум. То, что может составить конкуренцию мудрости, в смысле, союза природно-наследственной трезвой головы и прапрадедовского опыта. Ну, что с ним делать-то, куда его засунуть, этот опыт, когда всем остальным свой девать некуда? Ходят, понимаешь, маятся люди, мечтают ум свой, хоть как, хоть где пристроить. Но тщетно. «Распределение ума по действующим отраслям временно прекращено». А тем людям, только и осталось, что башмаки до пальцев стаптывать. Грустная история. Обыкновенная. Что может поддержать в такой ситуации? Вера. Вера в неизбежное приближение тёплых денёчков и добросовестность фабрики-производителя, смастерившей обувь.

Я верю призракам и миражам, я доверяю галлюцинации. Я отдаю себя на заклятие мифу.

Меня прельщает, доводя до приступов мигрени, аромат вашего вранья, люди. Невыразимое, приторно-сладкое обаяние притворно-правдивого голоса, в котором, как гитарный перебор – усыпляющее бдительность многообразие интонаций и убедительная влажность оскорблённых глаз.

Аромат вранья... Я пою тебе песнь восхищения! Я склоняюсь пред силой твоего обольстительного зла!

Вы говорите, говорите, говорите. Просто говорите. Ничего не доказывая, ни на чём не настаивая, ни в чём себя не уличая. Говорите, черти, всё, что придёт вам в голову. Я поверю всему, я поверю во всё и вся. Я – художник по части веры. Моя жизнь – персональная выставка. Я отдам вам всё, ничего взамен не прося.

О, вера, вера... что делаешь ты с человеком...

Превращаешь его в нестигаемый пластилин, в воск монолитный его превращаешь. Плавя, укрепляешь; укрощая, отпускаешь на ветер свободы, даришь «мгновения Бога».

Моя вера, точно волос – непрерывно растёт. Не смотря ни на что. И чем чаще её «остригают», тем мощнее и здоровее рост её. И, даже, после смерти моей она не сразу пойдёт за мной – какое-то время будет ещё дышать, будет расти, как тот, упомянутый выше, волос.

Пока я писала эти строки, жизнь не стояла на месте: происходили события, подтверждались теории, обострялись углы и стирались грани, очевидное становилось невероятным, а невероятное очевидным. Изменилось многое. А точнее сказать – изменилось всё. Всё, кроме одного – желания отрастить роскошную шевелюру.

P.S. Запомни, мой друг, если ты веришь всему и вся – в тебе нет и не может быть веры.

Иду на компромисс. Запускаю «оживляж», дабы, вняв совету «копирайтера» (см. выше «Искренне Ваш...»), желаю всё же внести в повествование «несколько позитивных мыслей и чувств, и сделать произведение, имеющим более «товарный вид».

РЫЖИЙ КОТ, ЗЕЛЁНАЯ РЫБА

Жил-был котяра. И звали его Рыжий. Звали так не потому, что рыжий был (рыжих называют Васьками, да Кузьками), а звали так за оригинальный склад ума (необыкновенный, значит, ни с чем не сравнимый, ум имел, собака). Умнящий котище был до невозможности: всегда знал, когда войти, когда выйти (предугадывал, значит, наперёд, паразит, окружающую обстановку), всегда был в центре внимания и, опять же всегда – гвоздём любой программы, за что и получал кефирно-молочные лакомства, да куринно-мясные деликатессы. Короче говоря, катался сыром в масле. И была у того кота любовь. Зазноба, значит, его души и его же лохматого тела. И были рыбки в аквариуме – живые, золотом облитые, и была рыбка на кухне – в малиновой чашечке с белым ободком, но не любил он ни ту, ни другую: одну он ел, на другую смотрел сквозь стекло с отвращением, с брезгливым недоумением смотрел. Другое дело – зелёная рыба. Подойдёт, бывало, к стене (на стене – картина, на картине – рыба сказочного вида полулежит, почему-то зелёного такого оттенка, типа, фосфорического свечения, рыба тире русалка), сядет напротив и давай мякать – жалобней не бывает. И если бы рядом кошачий переводчик был, то он бы вам с удовольствием перевёл приблизительно следующее: «Ну, до чего же ты прекрасна, рыба моя, до чего хороша. Всё хорошо в тебе – и размером, и цветом вышла. Не молчи, любовь моя, оброни хотя бы одно единственное «мрлмяу». Всю-то кошачью душеньку ты мне вымотала, рыба холера...».

Так и жил чернобурый котяра Рыжий – «от стенки до стенки», а между – сметанку ел, да молочком прихлёбывал. Без особого аппетита ел, больше из уважения к хозяевам.

И вот, как-то одним прекрасным утром кот наш вообще есть перестал. Пропала картинка со стены. Испарился портретик любимой, как и не было его вовсе, единственно, квадратик, нетронутый светом, остался. Яркий квадратик – окошко в кошачью любовь. Н-да... фантастический случай, скажу я вам, необъяснимый никакими словами.

Заскучал наш кот, осунулся, в весе потерял. Из котяры в кота обычного типа превратился. Вся жизнь его дыбом встала, обрушилась, вся из точного расписания вон пошла. Ходит Рыжий к заветному месту каждый день, каждую ночь ходит, но не находит на прежнем месте зеленоглазой богини. Молится на обойный квадратик, мечтая мольбою вызвать, хоть самый масенький образ своей пропащей любви. Что пользы ему от сметаны, когда расцарапано сердце до самой крови? Зачем я это писала... Затем, что всё это о любви.

О ЛЮБВИ

Нет ничего, кроме Любви. Страх, ненависть, зависть, жадность, насилие, блуд – это лишь отсутствие Любви. Любовь не только созидает. Любовь – разрушительница. Там, где она появляется, всякое зло повержено: будь то сердце, будь то сердца.

Но Любовь – кочевница. Сегодня она со мной, а завтра с вами. Любовь – не океан, Любовь – река. Изменяются её берега, но сама она неизменна: та же жизнь в ней, та же сила.

Любовь не знает ни ароматов, ни благовоний. Потому что она сама – аромат. Любовь не знает ни цветов, ни оттенков. Потому что она сама – цвет. Огромное облако движется вместе с этой рекой. Невидимо оно для глаз, но душа его видит. Дождь из него – слёзы радости, тень от него – прохлада, гром из него – отрезвление, жажда пути.

КЛЮКВА В САХАРНОЙ ПУДРЕ

Знаете ли Вы, что такое клюква в сахарной пудре? То есть, пробовали ли вы когда-нибудь сей деликатес? Да? А при каких обстоятельствах, конечно, не припоминаете? Вы сидели, стояли, закусывали коньячок, или, что там ею закусывают, вели приятную беседу, скрадывая с блюдечка сладко-кислые горошины, а вам грозили пальчиком... Чёрт знает до чего ж, она вкусная, эта клюковка в сахарной пудре, да? Да.

Вот плывём мы с моей «командиршей» по мягкой ковровой дорожке огромного выставочного центра на ВДНХ. На её ладошке открытый целлофановый пакетик, из которого я, по её приглашению, осторожно беру эту самую клюковку. Штуки три, или четыре, помню, взяла: дорогая – больше неудобно. Плыву и думаю: «Может себе позволить, сука...». Нет, зависти не было – я не из тех, просто зло-голодная была и всё. «Жаль, очень жаль, что нельзя поскользнуться на этом ковёрчике. Даже запнуться нельзя – как тетива натянут. Упасть бы сейчас неудачненько и месяц на работу не ходить. Интересно, может ли сойти такое падение за производственную травму? Пусть лучше травма от падения с высоты своего роста, чем от падения с высоты своего «я». Господи Боже, не дай мне сорваться, не дай слезу пустить». И ещё, из стародавнего: «Вот я – актриса, что я делаю здесь, на что трачу останки короткой жизни моей, кого винить, кому молиться...». Удивительно лёгкие мысли – те, к которым привык. С ними уютно, они всегда при тебе. Никогда не покинут, не предадут. С ними трудно расстаться. Почти невозможно. Это самое трезвое из всего, что предлагает жизнь – мысли, к которым привык.

Пакетик хрустит, «командирша» блаженно щурится. Какой год был... не помню. Что-то между 2004-м и 2005-м. Ничего конкретного, ничего определённого и дальше не будет: что-то между где-то как-то. Да, вот ещё... лето было, жаркое лето, кажется, начало июня, как теперь.

«Командирша» – красивая брюнетка средних лет. Лица не помню, но помню, что красивая, и что звали Вера. Верочка Михална, начальница над нами – продавцами камней. А их, камней-то, вокруг несть числа: тут тебе и камины, и вазы, и бусы, и, даже, фонтаны из мрамора с музыкой. Может, и с настроением упадочным пришла, а глянула на малахит-оникс и возвысилась в чувствах, душой возросла, с хозяйкой медной горы себя отождествила. Шутка. Всё не так романтично, как сказывается, совсем не романтично, не романтично всё совсем, ой, как совсем не романтично-то. И ковровая дорожка, и выставочный зал, в котором эта ковровая дорожка постлана была, и камни, будь они неладны, и «командирша», дай бог ей здоровья – всё, всё слилось тогда для меня в огромное зловонное озеро под названием «страх». Вот когда я, по-настоящему, ощутила мерзкую, липкую его природу. Но, знаете, как-то спокойно погрузилась в него и поплыла. Я – великая самообманщица. Для меня лучшее зеркало – полированный шкаф, лучшая оперная сцена – ванная комната, а самый лучший зритель – тишина. Могу и страх от души отвести. Стоит только сказать себе: «Да, брось ты, зая, это же временно. Ну, попьют из тебя кровь месяц, другой – что, из тебя много убудет? Это даже полезно, говорят

– организм обновляется». Ну, не дура ли? Ну, не дураки ли большинство из нас, те, кто думают так же? Те, кто, пусть даже временно, занимают чужие места, говорят на чужом языке, обращая свои мысли и чувства к чужим, постылым берегам? О чём, бишь, я, на что такое-этакое намекаю, какую мысль донести хочу? Мысль проста и наивна: я за трезвость, в смысле, распределения себя в пространстве. За приложение своего таланта к области сердца, во-первых, и к области головы, во-вторых. Вредное производство не только там, где вся таблица Менделеева добывается, но и в наглаженно-отутюженном офисе может быть, с кондиционером и милиционером.

Места, которые, как нам кажется, под нами временно, превращаются очень скоро в электрические стулья. Они убивают нас – работы, которые нас выбирают.

«ТРИ СЕСТРЫ»

Какое время года было... не помню. Помню, пальто сняла за сценой, положила на чёрный стул. Значит, весна. Или осень...

Когда нет опоры, когда рядом с сердцем бездонная яма, в которую оступаются все мысли и чувства, тогда – суета, собственный крик заглушает крик внешнего мира. И не всё ли равно, что за окном – осень, или весна... съёмная, или своя квартира.

Не было начальников тогда надо мной, а мне, видно, хотелось начальника.

Себе не была хозяйкой, а была я себе рабой. Если проще сказать: что-то вроде пустого чайника.

И вот я хочу спросить вас: это жизнь?

Напросилась я тогда (не то весной, не то осенью) на встречу к Армену Борисовичу. Джигарханяну. Долго напрашивалась, вызванивала. Свершилось. Встретил, как дальнюю родственницу – улыбнулся, протянул руку. Польштило. Тепло пошло. Не хотелось о грустном. Сидеть бы и таять в бархате голоса под каштановым прищуром его внимательных глаз.

– Хочу показаться вам. Не откажете?

– Нет... отчего же? А вам, Юленька, сколько лет? Где учились? Какими судьбами к нам? Знаете, милая, я ведь не против, я, в общем-то, за. Только вы не по адресу (грустный смешок), вам к Ячменёву. Он смотрит, он ставит, он же решает. Свяжитесь с ним, подготовьте отрывок из того, что у нас на ходу и дерзайте...

– Спасибо. А вам показаться нельзя? Спеть, почитать... я готова.

– Нет, моя деточка, я не решаю...

– Ещё раз спасибо. Рада знакомству.

– Надеюсь, увидимся.

Артиста Капустина я вызванивала ещё дольше. Это понятно, жизнь сегодняшнего артиста драматичная очень: и съёмки, и спектакли, и репетиции, и интервью, и превью запараллелены так, что оторопь берёт и возникает мой любимый вопрос «зачем?».

ВОПРОС «ЗАЧЕМ?»

Просто жить... Что значит «просто жить»? Ты же не табуретка.

Меня многие в моей жизни уговаривали «просто жить». Не «жить просто», а «просто жить». Разница. В том смысле, чтобы «не рыпаться больше положенного», «довольствоваться тем, что есть» и «брать, что дают».

А ещё мне показывали на кучу дерьма и говорили, что это и есть жизнь, и что есть её можно только с лопаты. Я не слушаю подобных советов. Мне мимо. Я не верю ни подобным советам, ни подобным призывам, поэтому и здесь, а не там, где мои «учителя» хотели бы, чтобы я была. Трудно оценивать свою жизнь непредвзято (из себя себя не видно), но всё же пытаться надо, тем более, если уж дело дошло до такого «великого» цвета.

Цвет, о котором идёт речь поистине творит чудеса. Вы легко можете проверить сами. Добавьте в свою обычную «палитру» чуть больше коричневого и через неделю вы не узнаете свою жизнь. Измените, использовав линзы, синие глаза на карие, и вам откроется мир, в котором вы ещё не обедали. Это не шутка. Просто всё, из чего мы состоим, влияет не только на нас, но и на окружающее нас пространство. А оно реагирует на все, без исключения, перемены. Как же хочется сопротивляться, когда попадаешь, в чужой тебе, цвет! Как упаковочную плёнку сдирали я с себя коричневую школьную форму, которая, как считалось, способна отвлечь от всего, кроме учёбы. Это правда: от многого отвлекала и защищала... в том числе и от важных вещей... но, главное – от ощущения собственной личностной значимости, собственной ценности, собственного «я». Жить в коричневом цвете... лучше сразу убить себя. С ним бесполезно спорить, с этим цветом – он всё равно победит. Ему скучно чужое мнение – он не нуждается в оценках. Он не нуждается ни в чём, кроме себя. Он самодостаточен. Зациклен на себе. И беспощаден. Он – приговор. Чёрный рядом с ним – подарок к рождеству. Не так страшна пропасть, как удар о землю. Шутки в сторону. Самое страшное, что может быть в вашей жизни – коричневая жизнь. Смесь красного и чёрного. Как удар о дно пропасти, когда земля впитает кровь. Вопрос «зачем?» коричневого цвета. Коричневый – цвет умственного тупика. Загоняет в угол и забивает до смерти.

«ТРИ СЕСТРЫ» продолжение

Какое время года было... не помню. Помню, пальто сняла за сценой, положила на чёрный стул. Значит, весна. Или осень... Вышла в свет. Из зала голос: «Можете начинать». Холодок под ложечкой сменился приятным теплом и побежала лёгкая лихорадка по моему, уже не моему, чужому телу.

Зима, метель, воет ветер в трубе, вечер. В полусонном доме прячется тайна. Слова, обрывки слов..., пауза, слова, пауза, слова... Полутьма... полушёпоты, полуобъятия, полуобморок...

– А теперь сыграйте то же за 40 секунд, засекаю время.

Когда нет опоры, когда рядом с сердцем бездонная яма – сердце всегда оступается и падение кажется необходимым, единственным способом выжить. Сорок секунд... Игра на время. Вид спорта. Спринт. Ещё раз «зачем?».

Я ничего не помню. Или почти ничего. Даже сон, самый дальний, самый пустой может выйти из памяти и принести либо грусть, либо радость. А тут – ничего. Я считала секунды, держалась за время. За этим занятием я потеряла «жизнь».

Когда я спустилась в зал, режиссёр о чём-то молчал. Я спросила о чём, села рядом.

– У нас разные группы крови.

– Как это?

– Я, кажется, всё сказал. Знаете, я увидел в вас профи, но... разные группы.

Встал. Странно, что не взлетел. Не взглянул на часы, не засёк на них время. Спокойно прошёл через зал, вышел в фойе и так же спокойно побрёл на выход. А я – через сцену к чёрному стулу, который спокойно стоял. На нём, никуда не сбежав, спокойно, без нервного срыва лежало моё пальтецо. Я его спокойно взяла, спокойно надела и вышла на воздух, который, как мне показалось, никуда не спешил и спокойно жил надо мной, во мне и в том режиссёре.

Разные группы крови... Как это верно. Как это мудро. И как это скверно.

МАССОВКА

...Пойдёмте со мной, я завтра на целый день... съёмка на улице, кажется, кладбище... бутербродов, чайку в термосок нальём... пойдём... а то я там никого не знаю, а вместе оно веселей... ну и что, что холодно, делов-то... а?... да какие там деньги – так, на два раза поесть... честь? ну и что, что актриса... да... это, как, говорится, жесьть... а что остаётся... пробовала... ходила... падала... нет... нет, не нужна... кто княжна? да что вы... у меня и князя-то нет... одна столько лет... чей портрет? где, в Третьяковке? вам показалось... ну, может быть, может быть... как только, так сразу... всего... непременно... пока.

...Татьяна? здравствуйте... я на предмет «опроса»... голубушка, что-нибудь есть для меня? ура, записываю, диктуйте... Новослободская... есть, записала... кому позвонить?... спасибо, родная... добро... непременно... ага.

...а чей-то у вас у всех занято? чем так заняты... переговорщики хреновы... не достучишься до вас не докличешься.....трубку возьмите где вы гуляете ночь за окном... ладно отложим...

...Петя! Петя, привет! Ну, чё, чё-нибудь прояснилось?... полная задница?? смешно... а послезавтра нет ничего? а послепослезавтра? не хотелось бы знаешь простаивать... будем ждать, будем ждать... угу, до созвона...

...кретины безмозглые тупицы фанаты дела своего... суки бляди проститутки вам только и снимать кино..... наркоманы ублюдки параноики прах вас побери... сволочи уроды алкоголики от искусства упыри..... живёте от стакана до стакана гордитесь тем что руки не дрожат... вы бесполезней таракана... дух от рождения в тиски зажат.....проклятое отродье псевдоделоманов... лжеделателей... всё что-то делают они... а чуть капни не отличат свисток от барабана... да это вы массовка а не мы...

...да! слушаю... у телефона... сколько? буду обязательно всенепременно спасибо зая... где когда во сколько пишу-пишу не тормози... УЗИ?... ну проходила а

при чём здесь это? опрос по аппаратам... поняла... Галчонок я ж не медик я актриса... прошу прощенья сразу-то не догнала..... прокольчик... ничего не извиняйся я привыкла... чё сникла? нужен человек? сочувствую но чем помочь не знаю... не грусти зайчонок расстаёмся не на век...

...парад алле... весь вечер на арене... прошу любить и жаловать... у нас в гостях... сегодня завтра послезавтра бессонница безденежье и страх...

...Марина!... извините ради бога если поздно... узнали? это снова я... в «Субботний вечер» не возьмёте?... набрала??... я извиняюсь а когда вам позвонить на перспективу?... месяц я не выдержу помру от недоеда... шутка-юмор говорю... да юмор как у вашего соседа я поняла... спокойной ночи... через месяц по утра...

...какая ночь какая тишина... какое сердце тихое блаженство... заснуть бы господи не просыпаясь до утра... а завтра снова над собой взять шефство.....

ФИЛАРМОНИЧЕСКИЙ СТРИПТИЗ

До чего ж унизителен этот путь –
путь от профессии до филармонии.

Не всегда хочется "большого". Даже "среднего" не всегда хочется. Бывают моменты (именно моменты, на час не наскребёшь), когда устаёшь от неба и хочется низменности. И чтобы ни одного бугорка... Человек в определённом моменте своей жизни бывает всеяден, и даже низменно всеяден. Когда есть пресыщение высоким, тянет его к дерьмецу.

Как ни берёт меня московский бог, как ни удерживал – оказалась-таки там, куда рано ли, поздно ли сливаются все, оставшиеся не у дел, артисты. Место это филармонией называется. По идее, надо бы трудовую книжку достать, глянуть, каково полное название учреждения по производству культуры. Но, если честно – лень, лень, ребята, для такого дела даже задницу от стула отрывать. А вот рассказать – другое дело. Рассказать мечтается давно, хотя не только кой-кого, кой-чего «раздевать» придётся, а и самой «раздеваться». Но – никакого грифа секретности, я – советская школьница, мне скрывать нечего. Маэстро, музыку!

Пока маэстро ищет ноты – посидим в тишине, себя послушаем, мысли в порядок приведём, подготовимся, так сказать, психологически. Без подготовки никак нельзя – путь неблизкий.

Пока идёшь от метро «Белорусская» до филармонии, успеваешь мысли в горку собрать и развалить ту же горку обратно. Успеваешь проклясть свою долю неприкаянной горе-артистки и простить своё горе себе же. «Стоило строить себя столько лет, чтобы сегодня ломать? Чтобы рвать сухожилия возом амбиций, обид, разрушенных планов, геморoidalных, непрерывно кровоточащих претензий к наивной себе и хитрому Богу?» Это первый вопрос, и этот вопрос – на засыпку, на него не будет ответа всю ближайшую пятилетку. Вопросец второй «когда эта пытка

закончится?» – так же вопрос в пустоту. И, наконец, последний «не слишком ли много гремучих вопросов, родная моя, ты задаёшь нынче утром?» подводит к филармонической двери. Холодная медь дверной ручки, небольшой коридор перед входом в просторный холл, всегда любезная охрана, две лестницы изгибом вверх и поворот налево. Уверена, что поднапутала немного в географии, но знаете, дорога к месту казни для обречённого – не главное в час казни. Слона могла не то что не заметить, могла нечаянно на хобот наступить.

Сегодня первая репетиция. Для меня это значит – бой. Мой режиссёр вооружился кабинетом, местом в этом кабинете, званием и пачкой дамских сигарет с щадящим фильтром. Моё оружие – я безоружна. Всё, что я могу использовать – я ничего не могу использовать. Пока в этом мире есть филармонии, режиссёры и горе-артистки – использовать будут меня. Я всегда буду в роли статистки, которой мнится, пардон, что она звезда.

Итак, текст за лето выучен. Его много. Его столько, что хочется плакать. Но... на войне, как на войне: сегодня – смерть, а завтра – передышка. Из кошки превращаюсь в мышку. Но в мышку, знаете ли, с гонором. Со спесью. Что это значит? Вот что, текст от первого лица: «...да поняла... ага... угу... а может... хорошо, не буду... и всё-таки, давайте позабудем что автор – небожитель Пушкин, ведь когда-то он был живым и нежным... писал, извините, брил под носом... а «смотритель» его – так тот (что в общем-то естественно) попахивал навозом... давайте как-то оживим и обойдёмся без «вокала»... ну что ж, как скажете... я думаю, что лучше было бы... да как прикажете... но это ж, извините, литературно-драматический кружок... простите, возможно, я вас плохо поняла... (война идёт, война, не забывайте) да, со мной не просто, а с кем сейчас легко... всего хорошего, до встречи... до скорой казни, слава богу, до неё недалеко».

И вот она явилась, наконец – расплата за «сговорчивость», расплата за «труды». Стоит и ждёт своей награды... И белые уж куплены цветы и все соблюдены каноны и обряды. Дальше – переход на прозу. «Давайте отменим. Я не готова. Пожалуйста. Скажем, что я заболела. Перенесём. Умоляю. Я всё испорчу. Я сделаю всё не так. Чёрт! Это же всё не моё, это ваше. Страшно. Господи, как же страшно». Ну... в общем, дверь приоткрыта, песня допета. Ребята, мой выход.

Небольшая зала, в которой когда-то, очень и очень давно проживал Александр Сергеевич Пушкин. Боже. Место для казни готово и ждёт с нетерпением только меня...

Час, отведённый на стриптиз, слетел, как голова с помоста. Так это было: уже с порога стала я раздеваться. Сначала сняла с себя оковы страха. Легко швырнула их в том направлении, где страх доедал режиссёра. Представляю его ураган, когда я, изменив рисунок «танца», пошла не к стулу, на который должно было сесть (вершина мизансцены), а подошла к девчужке в народном платье и за то, как она пела, поцеловала руку ей. Мне помнится, мы обе прослезились. Что было дальше – помню, как в тумане. Я изменила всё. «Слова лились, как будто их рождала не память рабская, но сердце...». К финалу я раздела душу донага, но этим Пушкина и честь актрисы не унизила. Аминь! На следующий же день по просьбе режиссёра заявленье подала, и, словно заново родившись, лёгкою походочкой на Белорусскую пошла...

Сколько раз я говорила себе, что не стоит ввязываться в сомнительные предприятия. Сколько раз внутренний голос отговаривал меня от губительных сделок – всегда, всегда эти чёртовы грабли попадали под ноги и больно, предательски метко били то по лбу, то в лоб.

Всё, к чему я прикасалась, носило сомнительный характер. Абсолютно всё. Пробы на радио диктором, пробы на телевидении ведущей, показы в театры Джигарханяна, Еланской, Виктюка, Любимова – кричали в оба моих уха о скором разочаровании, о попытке присвоить чужое, подладить себя под техники, на самом деле для меня непонятные, неинтересные. Но, не смотря на плохое знание «орфографии», я всё же писала, писала, как могла, этот диктант, временами опрокидывая стакан на уже исписанные страницы. За 4.5 года – срока, отпущенного мне на «зачёты и экзамены», я не выдержала ни одного, ни одного не сдала на «отл.» – Москва плевков в свою сторону не прощает. Но, как ни странно, при всём моём легкомыслии, мне всё же удалось освоить одну, ну очень редкую специальность – дегустатор. Возьмём слово в кавычки, напишем с большой буквы: «Дегустатор». Вот так, теперь то, что надо. Нет, вы не думайте, что «Дегустатором» я была в узком смысле. То, о чём вы подумали, разумеется, имело место и место нехилое, в партере, но главное значение этого слова – испытатель – я оправдала на все 100. Напишем слово с большой буквы, возьмём в кавычки: «Испытатель». Вот так, теперь то, что надо.

Легкомыслие... легкомыслие не берётся из ниоткуда, не падает с потолка, не приносится аистом. Его прародители – страх и безнадёга. Страх не очевидный, а глубоко сокрытый в недрах подсознания, сосущий уверенность и радость бытия. Безнадёга же, напротив, – открытая, орущая из каждого угла вашей спальни о том, что у вас, не смотря на полный набор «обставленной» жизни, «упало и никогда не встанет». Шутка. Так вот, эта «супружеская чета» может изуродовать вашу жизнь до неузнаваемости. Тогда, в Москве, это произошло со мной. Ещё немного и из легко мыслящей особы я превратилась бы в слабомыслящую. Спасла мама. Она приехала, родная моя, и я поняла, что смертельно устала, что хочу домой. «Уехать, всё бросить, всё начать».

Что есть у меня? У меня есть всё. У меня есть жизнь. У меня есть семья. Есть вечер, в котором любимый свет под большим абажуром, фантазии, грёзы, мечты... есть где-то я, которая ты. Есть в вазе цветы... и наклон головы на фото. Есть одна высокая нота... есть бумаги белой листы.

Чтобы жить – необходимо дышать. Чтобы дышать – необходима воля. Вот, предположим, вышли вы в чистое поле..., взяли за гриву гнедого коня..., отпустили поводья...

Искусство должно задышать. Мы забили его смыслами, как гвоздями. Законопатили терминами и определениями всё, во что бы должен струиться воздух. Что стеснено – не способно дышать. Не способно жить. Не способно родить. Нам недостаточно насладиться, нам надо присвоить разряд, повесить ярлык. Впихнуть новый, быть может, взгляд между взглядами старого толка. Скоро рухнет, набитая взглядами, полка.

В том поле, где вы оседлали коня, множество трав и цветов. Но вам безразличны названия. Вас дурманит их запах и опьяняет свобода. Искусство – поле.

Комфорт привычки расставил повсюду капканы. Мы с гордостью в них наступаем, не замечая, как льётся кровь. Нас должна бы спасти война, но спасает любовь.

Вечер перетащил дневные мысли в ночь. Они оформились, стали манкими. Хочешь, бери и беги с ними прочь, хочешь, стол набивай тетрадками.

ЖЁЛТАЯ СТРЕКОЗА

– Здравствуйте, я к директору.

– Занят.

– Я подожду.

– Как хотите, ждите.

– Девушка, я могу войти?

– Как хотите, идите.

– Здравствуйте, я к вам вот по какому делу... я – актриса... и – педагог. Я подумала, может вам нужно... может, вы захотите... я могла бы создать... театральную студию. Опыт есть. Опыт огромный. Да. Да. Нет. Вот и диплом... пожалуйста, паспорт... Сличаете, считаете, сколько мне лет? Сорок семь, не трудитесь. А чего вы так веселитесь? Не похожа на кинодиву? Без апломба не подхожу? Слишком проста для артистки... Забавно... впервые слышу такой комплимент... Нет, я не танцую балет. Я наступаю на грабли. Шучу. Сколько хочу? Ну, я не знаю, сколько сегодня платят за честный труд... много вы не дадите, а мало – коллеги, боюсь, не поймут. Озвучьте цифру, а я решу. Что? Боитесь, я развернусь и уйду? Ну, что ж, подумайте, посоветуйтесь... С кем я должна говорить? С постановщиком сценок? Зачем? Просто так... для знакомства... понятно... Нет, я не против, я только за. Всего хорошего, не провожайте... Спасибо, я знаю всё про свои глаза.

– Ольга Петровна? Здравствуйте, я, кажется, к вам. Вы позволите? Очень приятно. Тут вот какое дело... Вы уже в курсе? Прекрасно. Я бы хотела создать... Понимаю. Конечно, не просто... Да, я вас понимаю... что поделаешь, дети... Да, понимаю... угу... понимаю... Я бы хотела создать... Сколько хочу? Я не знаю, директор сказал, что пока не готов озвучить... А у вас, извините, достойный оклад? Да... я вас понимаю... что поделаешь, техникум... Да, понимаю... угу... да. (Дальше тоже будут слова. Их будет много разных: абстрактных, скользких, неважных... портретных и пейзажных).

(!)Я бы хотела, пока я живая, пока не на том, а на этом свете – создать, сконструировать, вылепить, соорудить театральную школу..., чтобы в ней могли

обучаться обыкновенным, простейшим вещам. Простым словам, простым человеческим выражениям чувств, без ехидных ухмылок, формальных приветов, авторитетов дутых, клеветов. Без ложного пафоса, без утопий разнокалиберных, без фальшивых мотивов, аперитивов, без громоздких конструкций, без экзекуций. Где будут уметь говорить глаза. Где дышат образы, и образа. Да какая к чёрту, слеза! Я до дна своё истощила море. Завязала в мешок своё горе и закинула на небеса.(!)

Чудеса... никогда до того не видала... в её тёмных глазах задрожала... зависти жёлтая стрекоза.

Нельзя узнать Мир человека, только взглянув на него. И прикасаясь к нему. И проникая в него. И наслаждаясь им. И насыщаясь им. И возблагодарив его. И прощаясь с ним. Если мы говорим, что «знаем», то мы не знаем то, о чём говорим. Ибо Мир человека – для него самого – неведомое, призрачное, иллюзорное, в процессе жизни постигаемое. Словом, нет ничего более постоянного, чем переменчивость человеческого Мира. А переменчивость тем и притягательна, что постижению не поддаётся.

Схватив за шкуру эпизод, или же только миг жизни человека, мы радостно заключаем, что познали его самого. Заблуждение. Заблуждение, приведшее «познавателей» к убийственному упрощению человеческой природы, её сущности и её значимости. Заблуждение, приведшее человечество к пропасти, в которую оно, взявшись за руки, должно вскорости «оступиться». Что толку умолять соседа о погребении, когда он сам вот-вот будет погребён, когда такие же как он уже летят в ту пасть и норовят стянуть за собою тех, кто ещё как-то задержался наверху? Что толку?

Человечество – дитя. Оно растёт и развивается сообразно тому, что в себя вкладывает, чем питает свой мозг и чем лечит тело. Какие плоды отбирает оно для того, чтоб не «выжить», а «жить»? Какие игрушки ломает, а какие ревностно бережёт? В какие игры играет, какие сказки любит, какую музыку слушает, по каким книжкам учится...?

Человечество – вечное дитя. Дитя, которое никогда не повзрослеет. Дитя, обречённое на свежее видение мира, на бесконечный ряд вопросов, на непреходящее любопытство, наив, безмятежность, открытость ко всему, и, наконец, – невинность. Не забывайте, мы говорим не об отдельном человеке, а о древнем сообществе людей, миллионы лет поддерживающим имидж пятилетнего ребёнка. Что сделало человечество за свои «пять лет»? Чему научилось? До каких пределов расширило горизонт свой? В ту ли дверь забежало «наше несмышлёное дитя»?

ПОСМОТРИТЕ В НЕБО

Зачем вам деньги? Возьмите три копейки и поставьте хороший спектакль, снимите хорошее кино. Попробуйте, не пожалеете. Это и будет вернейшим доказательством вашего профессионализма, проявлением вашего таланта. Просто

откажитесь от денег. Да не раз, не два, не три. А всегда. Приучите себя к этому. Ничего не просите, заставьте себя. Завяжитесь узлом и терпите. Деньги со дня на день отменяют. Это я вам говорю. Понимаете? Упразднят. Избегайте подачек и жертвоприношений. Посылайте обратно тех, кто принесёт. Гоните прочь, даже если это будет ваш любимый папа. Он вас простит, когда увидит, что вы натворили. Нельзя, нельзя произведения искусства создавать на деньгах, за деньги и во имя денег. Это нехорошо. Это дурной тон и очень среднее образование. Это скоро закончится, верьте. Мода на деньги пройдет, и вы с ужасом обнаружите, что кроме денег в ваших творениях нет ничего, по большому счёту, стоящего, достойного даже вашего собственного внимания. Никогда, ни при каких режимах, ни при каких королях, ни при каких ветрах, ни при каких флюгерах деньги не были эквивалентом человеческого гения. Молчите. Ничего не говорите. Пока. Я знаю – прозапас вы имеете несколько расхожих фраз. Вот они: «Этого требует время», «Мы живём в условиях рынка, всё продаётся, всё покупается», «Миром правят деньги», «Да пошли вы все к такой-то матери!». Вот слова, что всегда у вас наготове. Не спешите произносить их, не спешите их даже думать, повремените. Сделайте вот что: посмотрите в небо. Прямо сейчас. Это просто. Проще, чем попрошайничать, изыскивать способы, доказывать свою правоту, прибегать, к различного рода, уловкам, и, главное – лгать. Повернитесь к себе лицом и спросите у себя же: зачем? ради чего я делаю это? кому я обязан? Смотрите в небо и думайте. Задавайте вопросы – к вам придут ответы. После поймёте, что самое необходимое вы уже получили, и мысль о том, что деньги правят миром, покажется вам смешной. «Кто, кто мне это сказал? Кому я обязан заблуждением, растащившим на гроши мою свободу, мою веру, мою силу? Кто придумал это? Это придумали люди. А я согласился».

ЛЕГЧЕ, ГОСПОДА!

Легче, господа, легче ко всему относиться надо. Пусть мы взлетим скоро от лёгкости, чёрт с ним! Зато, как же это хорошо, как распрекрасно-то, когда лёгкость! И за столом, и в сортире. Вы только представьте, если на то способны – лёгкость во всём: и в теле, и вне. Вам легко дают – вы легко берёте. Вы легко устраиваете чьи-то интересы – вас легко принимают и там, и сям. Вы теряете лёгкость – вам легко дают по рукам. Вы легко зализываете раны – вам легко добавляют новые. И так далее, и так далее по кругу лёгким вальсом, наилегчайшим вальсочком: раз, два, три, раз, два, три, раз, два, три... и «кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги своя».

Жизнь, господа, обременительна нынче до безобразия. И в психиатрическом, и в материальном плане. Если и подсунет нам злодейка чего вкусенького – обязательно в нём червячок обнаружится. А это для нашего с вами аппетита большая помеха. Потому, примите совет, господа: ЕСЛИ ВЗОР ТВОЙ ОСКОРБЛЯЕТ ВИД ЧЕРВЯКА – ПОЛОЖИ РЯДОМ С НИМ МАЛИНУ.

Лёгкость из обуви перетекает в походку, из походки во взгляд, из взгляда в жест. От лёгкости и непринуждённости жеста зависит лёгкость мысли. Освободите ноги, господа, измените размер обуви в сторону увеличения и вскорости вы заметите, насколько лёгкими и безопасными стали ваши мысли. ЭТО ВТОРОЙ СОВЕТ.

Лёгкость восприятия физического, не всегда, к сожалению, лицеприятного мира, может быть свободно достигнута Вами, благодаря такому, поистине ошеломляющему открытию человечества, как медитация. А что делать? Овладеть ею придётся в скором будущем, ибо только так можно сохранить честь и достоинство полноценной личности. Итак, СОВЕТ ТРЕТИЙ – МЕДИТАЦИЯ. Доказано, что с её помощью можно достичь просветления. А где свет, там тень. Это надо учесть, господа, непременно учесть, про тень.

Лёгкое бытие определяет поистине лёгкое сознание. Почти по Карлу Марксу. Он, конечно, не Екклесиаст, Карл Маркс, но прислушаться к нему всё же, стоит.

ПОСЛУШАЙТЕ!

Снимите грим – поможет. Поможет, поможет – уж, я-то знаю, что говорю. Это только попервости недомогание ощущается от чистоты и блеска, потом привыкаешь, как моль к нафталину.

Сняли? Ну, вот... теперь взгляните... До какой же прелести Вы хороши..., до какого совершенства! Мама рОдная Вас бы в кровь искусала, залюбила бы до смерти... Грим, дорогуша моя, надо использовать только в самом крайнем случае, в наикрайнейшем, а то мажете на всё подряд, не зная ни места, ни времени.

Какая Вы, когда настоящая? Когда Вы настоящая-то? Смотрю – не понимаю: когда в губной помаде и лаковых кудрях просыпаетесь, или когда в постель ложитесь при полном макияже? Надеетесь, экран всё стерпит, сцена не обвалится? Я же не в обиду..., я понять хочу. Почему «природа» позволяет, почему «природа»-то не взбунтуется? Чувство правды – не вакцина, его артистке не привьёшь. Тут, душенька моя, дело посерьёзней самой серьёзной медицины будет и вряд ли кто спасёт. А уж гримёр-мейкапист тем паче. Вы, голубушка, поменьше режиссёров-мейкапистов слушайте – чаще своей головёно-уменьке доверяйте. А то знаете, режиссёр-то нынче пошёл шибко умный: всё он знает, всё он видит, ни в чём-то он не сомневается. Только ум – не словарный запас. И не набор штампов. А что? Мм... милочка, это целое искусство – ум (читайте выше, там об этом было). Есть мнение, что он артистам вреден. Не верьте, детка, это Вас нарочно морочат, чтобы было потом в кого камешки кидать. Артист, он ведь всегда в открытом поле – целиться в него одно удовольствие. А у Вас, можно сказать, вся карьера впереди, весь, так сказать, кинематографический взлёт на начале. И на публику Вы глаза закройте. Это даже обязательно. Хотя бы временно. Что Вам публика? Она всегда любила сначала внешний вид, в котором губки, попка, ножки...

Знаете, я, к слову сказать, как-то не особо представляю Шукшина, например, с выбеленными до синевы, зубами, а Раневскую с ботаксом в лице. Но это так, к слову. К Вам это, милочка, не относится, Вам это можно. Вы ж, не Раневская, нет? Ну, и славно – радуйтесь! Пейте сладкий яд заблуждений и самообманов, тяните золотую нить времени себе на подбородок, истязайте свою плоть ограничениями, запретами, гантелями... Зачем? Ради чего? Ради того, чтобы встать в один нескончаемый ряд автодевочек. Чтобы бросить своё естество в ноги «дяденьке-фабриканту» и лет через пять, это в лучшем случае, пополнить свалку сломанных кукол. Знаете, милая, сколько свалок таких на Земле? Сколько душ этих, вовсе не кукольных, в небе парящих? Послушайте! Носите с гордостью своё кристально-чистое лицо и не бойтесь быть природно-настоящей.

ИЗ ЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКИ

«Продолжаю взрослеть. Сегодня я поняла, что надо жить молча. Ну, так... молчать и всё. Что бы ни произошло – молчать. Если не получается (с волей плоховато) – загрузить себя мороженым по самое горло, схватить ангину последней степени и молчать принудительно. Молчать, даже если калёным железом прикладывать будут. Молчать и молчать..... Сегодня я получила такой урок по "не высовывайся, а если высунулся – терпи пулю в сердце", что один такой "битый" урок можно хоть сейчас поменять на сотню "не битых". Решила обет молчания дать. Чтоб я, хоть кому-нибудь ещё слово сказала... Да пропади они пропадом все слова вместе с теми, кто их произносит. Скромность в говорении, тщательный подбор необходимых интонаций, точность мысли, вымученная бессоницей – ничто не спасает от лжи. Ложь написано-сказанных слов повсюду. Бесполезно, бесстыдно на ветер тратятся силы, желания, звуки. К чему весь этот словесный трепет? К чему все слова?! В них нет ни правды, ни жизни. Аминь!».

СЛОВА

Ничто так не усыпляет, как слова. Ничто так не возбуждает, как слова. Ничто так мучительно не рождается, как слова. Ничто так мучительно не умирает, как слова. Ничто так легко не забывается, как слова. Ничто так легко не вспоминается, как слова. Ничто всё, к чему не подошло слово. И не было на свете лжи, пока не сказалось слово. А любовь была.

Разучитесь говорить! Умоляю, хотя бы на время. Услышьте, я кричу вам: «Научитесь молчать!». Вы не видите, или не хотите видеть: мы хороним себя под Словами. Нам только кажется, что мы над ними. На самом деле – всё наоборот. Зачем мы за них цепляемся? Чего боимся? Что так наивно желаем скрыть, обращаясь к их магии? Не могут Слова передать наши чувства, не-мо-гут. Пора осмыслить это, и, наконец, принять.

Любовь нельзя сказать Словами. Любовь, ненависть, равнодушие, страх, смятение, нежность – в прикосновениях, взглядах, в биении сердца. Бессловесное действие всегда острее, всегда насыщеннее. Музыка проникает в самую глубь человека, когда она одинока и Слова не мешают ей.

Слова – барьер. Преграда в общении между людьми. Люди много чего «творят» словами. Слова путают много и многое. В эту преграду, почти всегда, упирается истина. Слова – магическое «нечто». Вот представьте, если бы не было Слов. Люди не знали бы лжи, понимали друг друга глазами, ладонями, спинами... спинами, даже, лучше бы понимали. Забавно, да? Интересно, как долго человечество могло бы обходиться без Слов?... ?

Слова – естественная необходимость, никто не спорит. Но зачем же делать их главным действующим лицом, *Persona grata*? Они совсем не отражают наших мыслей, не могут во всей красе и сложности передать наших чувств. Слова – почти всегда – ложь. И если господа артисты предпочитают ложь правде вымысла, я позволю себе усомниться в их профессиональном мастерстве. Однако знаю,

уверена, что никого тем не удивлю. Большинство наших театралов, разбирающихся в тонкостях актёрской кухни получше многих режиссёров, поднимут меня на смех за мой, почти детский, выпад. Смейтесь, господа, смейтесь. Говорят, это продлевает жизнь. Жизнь, которую мы заслословили, заслособлудили. Слова – только поверхность. Она может быть шершавой, колючей, полированной, раскалённой, ледяной, всякой. Т.е., какой угодно может быть, да? А вот то, что под ней – Суть – неизменна. Труднодостижимое, труднопостигаемое, изысканное произведение искусства души – суть человеческой природы: гармония и хаос, взлёты и падения, война и мир. На театре это зовётся «конфликтом». Ну, что ж, пусть так, пусть так..., но ведь именно это доставать должно артистам через профессию «публичного действия», именно это. И за этот, поистине адов труд, платят артисту зарплату. И уж никак не за то, что в нужных местах он произносит чужие слова, имитируя чужие чувства.

Как-то раз, гуляя с собакой по берегу реки, я впервые услышала, как ворона лает и крикает. Это меня поразило. Известно, что вороны – прекрасные имитаторы и подделать чужую речь им не составляет большого труда. Это было настоящее зрелище. Ворона сорвала мои аплодисменты и улетела. Но мы-то с вами не ворона? Кому он нужен – вороний лай и воронье криканье?

ТЕАТР БУДУЩЕГО

Театр Будущего – тонкий, «полутонный» театр. Театр мелочей, нюансов, намёков, завораживающий своим умением молчать и оставляющий за собой право на недосказанность. Он больше думающий, чем говорящий, даже больше «слушающий». Театр мудрого актёра, за которым можно пойти куда угодно, которому веришь, как богу, к которому можно прийти за советом, за утешением, за надеждой. Театр Будущего – храм, где главный служитель – ЛИЧНОСТЬ артиста. Его духовные ценности. Прежде всего, они должны быть интересны людям, а уж потом Слова, Слова, Слова... Другой вопрос, где добыть эту ЛИЧНОСТЬ, откуда взяться ей, из какой сырости? «Школа» не может сохранять свою первозданность и силу воздействия на протяжении многих десятков лет без, каких бы то ни было, трансформаций. С годами она приобретает черты тех, кто проводит эту «Школу» в жизнь. К примеру, я хорошо знаю театр, где много лет выпускники актёрского факультета местного университета преподают вновь поступившим. Поколение за поколением. Труппа театра периодически обновляется за счёт артистов-дилетантов. Старики «уходят», молодёжь занимает их места, молодёжь, не понявшая сути профессии, принявшая органичное кривляние за единственно верный способ существования на сцене.

Поток обучения сегодня настолько стремителен и поверхностен, а публика настолько снисходительна к «готовому продукту», что впору задаться простым русским вопросом: «ДОКОЛЕ?!». Когда падает планка духовности, общество становится податливым, как пластилин, из него легко можно слепить всё, что угодно. Кукиш, например. Общество будет смотреть на себя и думать: «Я – кукиш. Зато, как это весело, как прикольно. Зато, все мы едины, все мы – кулак!».

Новый Театр – это не представление Слов и даже не представление Действия. Это «место», где душа артиста может выходить наружу и все будут видеть, что душа эта прекрасна, это – воздух, дыша которым солгать будет невозможно – ложь сама себя обнаружит и вытолкнет.

ЛОЖЬ

Ложь танцует всегда один и тот же завораживающий танец. Как устоять, не ответив согласием на её приглашение?

Попробуйте взять фальшивую ноту, играя в оркестре. Вас быстро заменят. Попробуйте, если вы – цирковой артист, раз от раза терять равновесие, идя по канату – вас признают профнепригодным и правильно сделают. Попробуйте, будучи оперной дивой, откашляться прямо на сцене в кулак. Попробуйте, если вы – балерина, не докрутить, например, фуэте, или нарушить порядок перемещения на сцене. Знаете, что с вами сделает балетная труппа? Она разотрёт вас, как канифоль о закулисный пол.

Драматическому же артисту позволено всё. Даже, если где-то и «даст петуха» – добрый зритель решит, что это гениальный режиссёрский ход, достойный гения Питера Брука. Воздушный акробат за свою ошибку в инвалидном кресле умирает, а наш артист – в антракте покеру молодёжь обучает.

Так уж издревле повелось, что искусство артиста драмы легко допускает всякого рода халтуру. Что тут поделаешь – веками взращённая традиция. «Тащить» эту тему тяжело, тем более девушке с такой хрупкой комплекцией, как моя. Но девушка сама прошла по этому мосту, спалив его за собой, поэтому за слова свои ответить может, не сумлевайтесь. Итак, как распознать в театре то, что принято называть «халтурой»? Ответ прост: да никак. Эта «сволочь» в голом виде практически никогда не появляется. Всегда прикрыта чем-нибудь и всегда чем-то новым. Это «новьё» легко может сойти за импровизацию, например, или за «неважное состояние артиста», или за дрянную режиссуру, второсортный водевиль..., наконец, за «публику-дуру». Перебирать «маскировочное тряпье» – дело бесперспективное, только зароемся. Спалить бы его к чёртовой матери, но знаю – многим эта идея не понравится, потому что тогда «тёплыми вещами» жертвовать придётся, может быть, даже, жизненнонеобходимыми...

Вот и сыграли мы с вами в «замкнутый круг». Но. Если круг замкнутый, значит, замочек у него имеется. Да и ключик наверняка где-то есть. «Будем искать, будем искать...», как говорил с экрана незабвенный гайдаевский герой. Будем искать... Нет?

ПРОФЕССИЯ, КОТОРОЙ НЕЛЬЗЯ НАУЧИТЬСЯ

Всё правильно. Опечатки нет. Принято ведь как считать: «невозможно научить, можно научиться», да? Да. И это давно доказанный факт. Но и «научиться» в нашем деле нельзя. И это, как показывает практика, тоже факт. То есть, можно, конечно, натренировать свою память, разбудить воображение, если оно спит, набраться нахализма, даже где-то обнаглеть в хорошем смысле и напроочь преодолеть страх публичности. Можно даже научиться, в определённом смысле, свободе на сценической площадке. И даже научиться получать удовольствие от всего перечисленного... Множество других полезнейших вещей можно приобрести: бить чечётку, овладеть техникой речи, сделать послушным тело..., словом, довести

до совершенства весь набор актёрской психотехники. Можно? Можно. Этим, по сути, и занимаются в театральных ВУЗах. То есть, дают навыки, способные помочь в дальнейшем освоении актёрского мастерства. И всё. Всё. То, что это только навыки не для кого не секрет. Профессии же, как таковой, вас никто не обучит. И то, что вы, в большей, или меньшей степени наберёте навыков, не даст вам право называться «артистом театра и кино». Отнеситесь к этой записи в вашей синей, или красной корочке, как к ошибке и, выйдя из стен института, забудьте всё, чему вас учили, как страшный сон. Если на это у вас достанет мужества – у вас, действительно, есть шанс стать хорошим артистом. Артистом, а не статистом.

Я СНОВА К ВАМ... ПОЗВОЛИТЕ?

Если Вы всё успеваете (а я-то знаю, что вы всё успеваете) – это печально. Это очень грустно и, поверьте, даже прискорбно. Это означает, что Вы – халтурщик и плохо делаете своё дело.

Миф о том, что можно блестяще справляться с несколькими делами параллельно, живёт свою счастливую жизнь назло всем злопыхателям, вроде меня. Но, помилуйте, как же можно поверить в то, что артист одинаково глубоко может «вкладываться» и в кино, и в театр, и в антрепризу, и в озвучание мультлика, и в телешоу, и в концерты, и в презентации, и в коммерческие долгоиграющие проекты, и в интервью, и во встречи со зрителем, и в «Открытие», и в «Закрытие», и в «Начало», и в «Конец», и ещё чёрт знает во что, и при этом успевать отдаваться семье, друзьям, строительству загородной недвижимости, любимым родителям, любимым собакам, кошкам, канарейкам, лошадям, массажистам, стилистам, режиссёрам, модельерам, парикмахерам, гримёрам, стоматологам, врачам-профессорам, перелётам, переездам, самолётам, поездам, Хенесси, конфетам, виски, барам, ресторанам, туалетам, осени, зиме, весне и лету, а так же, что немаловажно, мелким шалостям на стороне и, что ещё важнее, крупным сделкам на Луне? А Вы, верно, думаете, что можно. Я даже отсюда слышу, с каким чувством Вы рассказываете сказку про «нано-артиста», которого требует время...

Как говорила героиня Нонны Мордюковой в гениальной картине Аскольдова «Комиссар»: «Жеребятину-то не неси». Кстати, автор этого поистине великого кинематографического творения не создал больше ни одного фильма. Но и того единственного хватило, чтобы оставить своё имя в Списке, о котором я говорила выше. Только это уже совсем другая история...

...ну, вот вы и раздеты. Без грима, без денег, без понтов и без слов. Идите теперь и творите. Если сможете. А если не сможете... «идите и умрите» где-нибудь в другом месте, подальше от священных стен Театра.

Не прошу прощения, хотя знаю, что многих обидела. Если честно, мне сейчас не до вас. Меня волнует судьба той малой части, того хилого процента, который «раздет» и мёрзнет на голом полу в ожидании «чуда».

Повидло готово, осталось намазать на хлеб и положить на язык. Вы ждёте, что за вас это сделает кто-то? Может быть, я? Тогда вся сладость апельсина достанется мне же, а вам – только дырка от бублика. Глотайте то, что сварили и оцените сами готовый продукт. И перестаньте дрожать. Возьмите себе за правило ничего не бояться. Ведь вас трясёт не от холода. От незащищённости, уязвимости, незнания. Вас приучили к «одежке», без неё вы беспомощны, слабы. Внушили, что «надо себе помогать», «всё подготовить и чувство придёт», что надо «удобрить почву», чтоб было на что упасть желанному чувству правды, т.е. живому чувству, необходимому для «создания образа». В общем, накрыли мы с вами стол, зажгли свечи и ждём, что чувство придёт. Почти как-то так. Но чувство – не барышня по вызову, оно на заказ не работает. Единственное, на что мы можем рассчитывать, благодаря нашей «арт.подготовке» – концентрация внимания на выбранном объекте. Всё. А этого, увы, недостаточно для того, чтобы приблизиться к перевоплощению – явлению почти забытому на театре. Чему же тогда нас учат? Чему же тогда учим мы? Не на словах, а на деле? Мы получаем и раздаём «общие рекомендации» по заразительности, выразительности, поразительности. Всё это имеет отношение к зрелищу вообще, но никак не к театру в частности. Искусство перевоплощения – процесс сугубо личный, процесс «доставания из себя» и «заполнения себя же» чужеродным материалом. По правде сказать, мучительный процесс... не для общего обозрения. Я бы даже сказала интимный, как смена кожи. Если бы молодой народ, обивающий пороги театральных ВУЗов, знал, с чем, действительно, может столкнуться, окажись он на «правдашном» поле боя, сколько всего должен оторвать от себя и чем пожертвовать – он нашёл бы любой другой, более щадящий экстрим.

Поставить на поток перевоплощение невозможно. Значит, надо, либо сократить до разумного минимума поток, либо забыть о приближении к истинной сути театра. Главная задача обучения – помощь в обретении себя, как личности и, если хотите, в выращивании её.

Ребятам, сразу после школы, не стоит пробовать себя на столь привлекательном поприще. Как правило, у большинства поступающих слишком наивное представление и об этом виде искусства, и о своих влекательном поприще.им великим событием каждого дня - восхождением возможностях в нём. Они идут в Театр, как в боулинг – за развлечением и выигрышем. Если девочка, спустя два года после окончания школы вдруг передумает «идти в артистки» – пусть передумает, не надо ей мешать. Но на это у неё должно быть время, дайте ей его.

Если родина перестанет получать каждый год свежий «фаст-фуд» в виде новых «творческих поступлений» – она станет значительно здоровее. Помогите ей сбросить лишний вес – посадите её на диету.

Бывает так: есть свобода выбора, а выбора нет. Когда нет выбора – нам достаётся то, что есть, то есть – свобода выбора. Сказка про белого бычка. Что нам делать-то с этой свободой, куда с ней податься?

На моей памяти было – набрали актёрский курс (я о нём уже говорила, тот, где девочки плакали), «взяли всех, кто пришёл» – так мне сказали. Человек двадцать,

кажется, точно не помню. Они пришли, не зная наверняка, что с ними будет дальше. Почти все желали учиться. По-настоящему, цепко, любя, одержимо. Они жадно хватали всё, что я говорила, всё, что я предлагала, честно старались понять... Я локти себе кусала. Я понимала, что, в общем, бессильна..., что так они все запутаны, так запуганы, так «не отсюда», что люди случайные... эти дети.

«Зачем они здесь? Вот ведь какая петрушка: всё изначально – обман, все это знают, а если не знают, то чувствуют, но ничего не меняют – продолжают скрипеть зубами, продолжают войну с врагом, которого сами к себе привели. Педагоги несут тяжёлую повинность борьбы с «тупой бездарностью», студенты – с чужой профессией, которая, скорее всего, не пригодится. Страдают все. Ну, не безумие?» Нет. Меркантильный расчёт. Денежный интерес. Злая игра. Это страшный пример одного городка. Но это очень показательный пример для действующей системы в целом.

Вы просите на экзамен тексты: прозу, басни, стихи... Вы позволяете спрятаться за слово и делаете этот способ отбора главным. Именно «спрятаться». Прячутся – научились. Не специально, конечно, не умышленно, но приспособились, приноровились. Вы верите. Не можете не верить. И вы приспособились, и вы приноровились.

Но кто вам сказал, что через текст можно увидеть подлинную суть «новобранца», его желания, устремления, его стержень, понять, какой он на самом деле, когда один – без Чехова, Толстого, Мандельштама? Без чужих слов, которые непременно спровоцируют на создание образов, на подход, которому он ещё не обучен? Спрятаться можно. А вот раскрыться, хотя бы частично обнажив себя, можно только в поступках, в «действенных» заданиях, где, в первую очередь, работает природа личности, где происходит отбор «необходимых средств», близких только ей и никому другому. А это уже, в гораздо меньшей степени, имеет отношение к «мыльным пузырям», пусть даже соблазнительно-радужных переливов. Профессия чтеца и профессия драматического артиста – две большие, как вы знаете, разницы...

ПРОФИ О ПРОФИ

Почему так мало настоящих профи в нашем деле? Потому что вы не тех берёте. Вы принимаете ярких, подвижных, готовых на всё, человечков. Да – симпатичных, да – обаятельных, да – находчивых, да. Но... бесперспективных и слабых, в смысле основы – необходимого человеческого фундамента, на котором только и может вырасти настоящий мастер. Может вы надеетесь, что фундамент появится, благодаря вашему педагогическому вмешательству? Может статья и так, не исключено, но это – один сомнительный процент из ста. Получается, вы – та принцесса, которая знает, что ложится на горошину, а утром жалуется, что болят бока. Кого и зачем вы хотите надуть?

То, что вы привыкли называть актёрской профессией, стремительно теряет к себе уважение. Благодаря доступности и ложному представлению о её истинной сути.

Полстраны снимаются в телепроектах самого разнообразного достоинства. Нам в книгу рекордов Гиннеса пора. Мы, кажется, и здесь хотим отличиться, и в этой сфере деятельности куш сорвать. Хотим сэкономить, заработать побольше, но это

не делает нас ни счастливее, ни бессмертнее – это делает нас покорнее, превращает в рабов. Уже превратило. Спорьте.

Сегодня в фигурном катании больше нашей профессии, чем в нашей профессии. Давайте смеяться вместе. Интересно, а те, кто составляли бизнес-план «фаст-фуда», уже посчитали прибыль от реализации «сытного проекта»? Не будем о грустном. Перейдёмте в следующий зал.

КУНСТКАМЕРА

Посмотрите налево, посмотрите направо. Слева, если приглядеться, можно заметить Честь, а справа прячется Достоинство. Поразительно, как они испуганы... с чего бы это? Коллеги, поменяйте выражение ваших лиц, хотя... что им за дело до ваших лиц, когда у них своих-то не осталось? Проследуемте дальше... Там, за запертой дверью, не поверите, прямо в джакузи спит обычная Совесть. Экспонат в наше время, отнюдь, не редкий. Но гадкий. Не стоит её будить, а то потом не уложишь. На потолок взгляните. Вот, до чего довели Смелость мысли – извращенец, и тот бы заплакал... Аккуратнее, не вспугните, пожалуйста, Здравый смысл. Он теперь, почти всегда, где-то здесь под ногами... убить, конечно, его не убьёте, но слегка покалечить можете. Обратите внимание на зверский оскал этой полураздетой девицы. Да-а... как-то сразу и не узнаешь..., не разглядишь в этой, некогда светской львице, а ныне – уличной деве, Игру... это Игра, не узнали? Я что-то Свободы не вижу... куда подевалась? Ну-ка, гляньте в окно... точно... на тротуаре, голубушка, распласталась... как ваза, распалась... это в который-то раз... Ничего, горемычная, склеют – будешь, как новая... Смахните слезу, оградите себя от жалости. Чувство жалости подрывает наш деловой иммунитет. Прошли времена «наивной невинности». Все виноваты. И ответят, конечно, все. Завтра в газетах напишут: «Свобода себя потеряла. Перешла грань дозволенного, не рассчитала и вывалилась из окна». Попрошу всех на выход, пожалуйста... Тапочки – вон в ту корзину...

ОСНОВА

Ты – часть того, что тебе нравится. Тебе нравится насилие – ты – часть убийства. Тебе нравится лицемерие – ты – часть лжи. Тебе нравятся улыбки людей – ты – часть добра. Тебе нравятся дети – ты – часть Бога. Тебе нравится власть – ты суть раба.

Основой человеческой сути артиста (артиста любого жанра, веса, значения, возраста) не могут быть раболепие и лакейство. Угодать во имя заработка – недостойное дело для Художника. Если тебе навязывается то, что противно твоей природе – не мучай ни себя, ни того, кто навязал. Просто подумай: что ты выиграешь от того, что склонишься, уступишь себя хотя бы на время? Подумай – и просто уйди. Ты найдёшь, пусть не сразу, пусть через боль, через страх, сначала дорогу, потом и место, где нужен – ты. Где не нужна твоя покорность, твоя перемена. Где нужна твоя ясность, смелость, единственность. Где нужен твой голос, твой взгляд. Пусть на поиск уйдёт полжизни. Но ты никогда не будешь жалеть, не будешь пенять на людей и скоротечное время. Ты сохранишь себя, своё неповторимое начало, свою добротную основу, свой Свет. Основа любого Мастера – Свет. Он есть изначально в каждом. Сбереги его.

ПРИНЦИП АНФЛЕРАЖА

Метод поглощения (анфлераж, холодный анфлераж).

Этот метод используется для извлечения эфирного масла из цветков растений. Берутся пластины из стекла (шелка), на них наносится тонкий слой свиного или говяжьего жира, на жир помещаются цветки и оставляются там на двое-трое суток. Затем цветки заменяют новыми. Когда жир максимально насытится эфирными маслами, его смешивают со спиртом. Эфирные масла переходят в спирт. Затем спирт выпаривается и остается абсолютно чистое эфирное масло, так называемый абсолют. Из 1 тонны лепестков получают методом анфлеража 700гр. абсолюта.

«Секрет анфлеража в том, чтобы цветы

умирали медленно. Словно во сне».

(Том Тиквер х/ф «Парфюмер»)

Это всё о нашей профессии. О нас, «художниках». Слово в слово. Кто чьи функции выполняет, кто чьи роли играет – вы, уж сами как-нибудь... Что в этом плохого, или неправильного? Да, нет – всё вроде неплохо, всё правильно... Вот только почему тогда не молчится на эту тему, почему душу-то скребёт? Вопрос...

Каждый артист, предположим, с «абсолютом» своим добровольно расстаётся. Аромат своей души добровольно отдаёт. Ну, так чего же сердце за него, сердешного, ноет и ноет? Чего ноет-то? А вот чего. Ни о какой «доброй воле» здесь говорить не приходится. Получается, что у артистов, как и у цветов, никто согласия на «погибель в физическом смысле» не спрашивает. Потому что тогда, кто ж согласится-то? – дураков нет. Процесс «отдавания души» – незаметно протекающий, неуловимый обычным глазом, процесс. В Москве это очевиднее, потому что концентрация на один квадратный метр в десятки раз превышает провинцию. Поистине гипнотическое действие данного места: всё через некую дымку, через некий флёр. Вечная недосказанность, вечные недомолвки, вечные обещания «больших» и «маленьких» людей, вечная дутая значимость и тех, и этих. Мир грёз и сомнамбул. Этакое «снохождение» при невероятно высоком, напряжённом ритме сердца и ног. Хошь – не хошь, а всё отдашь. Да ещё и с улыбочкой, с реверансиком. А как же? Вежливых любят. Это правильно, никто не спорит. А вежливых марионеток не любит никто, но их везде принимают, они востребованы, ими проиллюстрирована жизнь Большой Москвы.

Я знаю всё о превращении в марионетку. Сладостное, едва ощутимое течение. От тебя самого отщипывают по кусочку. Ты привык отдавать и не споришь. Тебя готовила и жизнь и «Школа», в которой с первого дня говорилось о жертвенности в профессии. И ты, не поняв, о какой жертвенности шла речь, позволяешь «отщипывать» от себя, думая, что так надо, что так велит долг. На первых порах потери незаметны. Боль от потерь становится привычной, со временем притупляется, зрение «падает», слух постепенно слабеет. Не в медицинском смысле, конечно, хотя..., ну, ты понимаешь. Когда спохватишься, когда осознаешь масштаб катастрофы, уже поздно – от тебя самого ничего не осталось.

Нет ни сил, ни желаний, ни веры. Ни-че-го. Участковый врач констатирует «абсолютное здоровье больного», и ты влачишь свой «здоровый абсолют» в новом направлении. А с собой и вопрос: проснусь ли я когда-нибудь, или я так и умру во сне?

Ужас не в том, что твоё тело состарилось, или только намекнуло на старость, а в том, что тебя самого в нём нет. Твой «плавающий» мозг уже не способен на самостоятельность, сопротивление, ответную агрессию. Единственное, что ему остаётся – саморазрушение, которому изо всех сил помогают чувство вины и жажда забытья. Вот так – был человек, и нет человека. Мёртвая черепаха в панцире. «Это есть моя настоящая жизнь, или только её отражение?»

Ваши верхние веки упали на нижние. Это понятно – тема слишком серьёзна. Вы бы ответили мне, если б могли. Вам есть, что ответить. Но Вы молчите. Вы сражены.

ВЕРЮ. НЕ ВЕРЮ.

Верю в существование неиссякаемого источника Творчества. В чудодейственные чары его верю, в спасительную и губительную силы его.

Простым, искренним чувствам открытой души верю, простым желаниям, происходящим из слабости и мощи человеческого духа.

Верю желаниям удивлять и удивляться, жажде познания, стремлению вперёд и вверх. В необходимость движения верю.

Верю, что каждый человек – Творец; верю, что не у каждого достанет мужества проявить его в себе для и ради людей.

Верю в страшную силу привычки, но верю и в слабость её.

В доверчивость, внушаемость, в гибкость человеческой природы верю, в способность воспринять всё, как своё кровное; в тяжесть этого груза верю, в привычную его неподъёмность.

Верю в безмерность, величие, исключительность сущности Души, в её нескончаемость и безустанность.

Не верю в чистоплотность «великих дел», «грандиозных проектов», «глобальных перемен» и «далекоидущих планов». На их фоне пропадает то, ради чего они затеваются – человек.

Не верю в безопасность «мыльного» кино– и телепродукта, в чистоту помыслов «проводников» халтуры не верю.

Не верю в справедливость категорий, званий, степеней. Их относительность и условность не дают морального права на выделение кого-либо.

Не верю, что масштаб и значимость личности могут зависеть от чего-либо, или кого-либо. Если так – то личность, либо забыла, что она личность, либо не успела ею стать.

Не верю в безысходность, безвыходность, беспросветность. В непроходящее отчаяние не верю, не верю и вас призываю не верить.

МАГИЧЕСКОЕ «ЕСЛИ БЫ»

Когда Андрею Тарковскому было 14 лет, отец подарил ему новое зимнее пальто. В первый же день в школе пальто украли. В сильный мороз Андрей вернулся домой раздетый и серьезно заболел. Туберкулёзом. С той поры, на протяжении всей своей жизни он страдал болезнью лёгких. А через сорок лет, в период своей духовной и профессиональной зрелости, на пути к новому этапу творчества он умер от рака бронхов. Если бы тогда, в 47-м, подаренное отцом, пальто осталось висеть в гардеробе, сегодня всё могло быть иначе. Совсем всё. Вы меня поняли.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАИВЫСШИЙ РАНГ

«Так вот, наступили времена, когда свободно стало не лучшему в человеке, а худшему – тому, чему потворствует толпа, а человеческое стало таять и таять. Но толпа не свободна, она никуда не стремится, в ней есть только тяжесть, и эта тяжесть придавливает её к земле. Толпа называет свободой свободу гнить и справедливостью – своё гниение.

Так вот, наступили времена, когда слово «свобода», которое звенело когда-то призывно, словно военный рожок, сникло, полиняло, и люди стыдливо мечтают о новом звонком рожке, который разбудит их на заре и позовёт строить.

Потому что хорош только тот рожок, который тебя разбудил.

А принуждение плодотворно только тогда, когда, служа храму, ты служишь и самому значимому в себе. Камни не могут сами стронуться с места и построить собственный храм, но если для камня нашлось его место, то не важно, чему он служит, – полученное будет значимо.

Подчинись рожку, если он разбудил в тебе большее, чем ты сам. Те, что умерли за свободу, выбрали её, потому что она была самым лучшим в них и возможностью ещё большего совершенствовать собственный храм, но если для камня нашлось его место, то не важно, чему он с».

Антуан де Сент-Экзюпери «Цитадель»

...как, бывает, жаром грудь обольёт, когда вдруг, совсем вдруг, ни с того, ни с сего благодарность почувствуешь. Ни к кому-то, или чему-то конкретному, а... просто так. Совсем просто так. Безадресно. Беззвучно. Безумно.

САВЕЛЬЕВА

Странная птица живёт где-то там за моим окном. Она кричит по ночам. Как чайка кричит. Этот крик не даёт мне спать.

Откуда взялась эта птица, кричащая чайкиным криком? Она прилетает к реке, которая спит. По ночам река спит. Как и многие реки спят. И я не могу разгадать, почему: то ли плач, то ли жалоба, то ли мольба мечутся птицей там, где не может быть помощи? Значит, так и летать ей над тёмной водой? Так и носить в себе боль одиночества птицы?

Если б их было несколько, этих чаек ночных над водой – я бы сразу всё поняла, я бы вспомнила, зачем птицы в ночи собираются. Я бы вспомнила и примирилась. Если б их было несколько. А так – это невыносимая мука – жить и знать, что бессильна, что не можешь помочь одинокой птице в ночи. Одиноко кричащей птице.

ТАРКОВСКИЙ

Ничто не пропадёт бесследно.

Капля, павшая с неба, не пропадёт: иссякнув, каплей падёт. С того же самого неба.

Древо не пропадёт: сгнив, оно прорастёт. Тем же деревом из прежнего чрева.

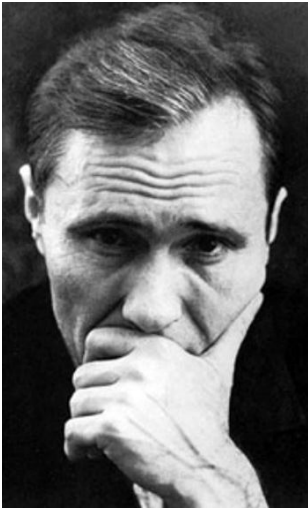
Душа не пропадёт: найдёт воплощение в новом, но снова рОдном теле.

Вьюги прожитых зим вплетутся в косы юной метели.

Мутные ливни сольются в светлые реки.

Всё будет иначе, но всё то же в том же веке.

ШУКШИН

Простота без пестроты. Позволяю себе использовать фразу из «Андрея Рублёва», так как близкими душами были – Тарковский Андрюша и Вася Шукшин. Простота без пестроты – величие русского духа, вершина русской души.

Один – живущий среди многих.
Один – идущий против многих.
Один – ушедший раньше многих.
Один – творящий ради всех.

ТАЛЬКОВ

Всю жизнь мы находимся в беспокойстве. Всю свою сознательную жизнь мы подсознательно находимся в поиске абсолютной свободы, не предполагая, что абсолютная свобода всегда рядом. Потому, что абсолютная свобода – это смерть. Жить на пороге смерти, чувствуя непроходящую боль за русского человека, за Родину – удел избранных.

Я не была с ним знакома, вряд ли могла быть там, где он бывал, но я знаю этого человека и горжусь своим знанием.

MODIGLIANI

«Модильяни убило не вино, и не туберкулёз. Т.е. умерто он от них треклятых, но убили – благие намерения приближённых. Проще говоря – их участие и всяческое содействие.

Нежная заботливость любимой женщины, симпатии простого люда одурманивают, пьянят. Присутствие «опекунов» лишает личностного иммунитета. Парадокс: любовь, способная возродить, убивает. Всё слито в этом мире.

С Высоцким случилось то же. Его надо было высадить на необитаемый остров. Оставить наедине с болезнью. Тогда, я уверена, один – он бы победил».

Так искренне думала я совсем ещё недавно. А сейчас я говорю: никто не может предотвратить то, что неизбежно. Они, как истинные Художники, знали это. И не противились.

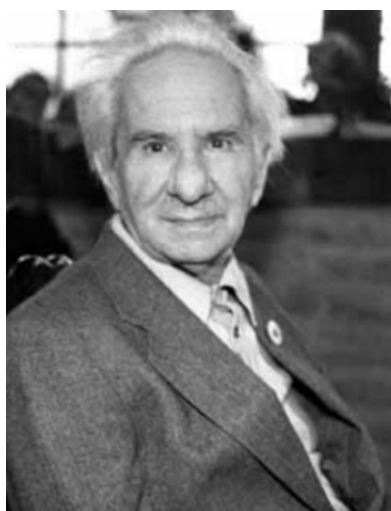
ШЕПИТЬКО

Редкий дар – кристальная, ничем незамутнённая честность. Редкость и в том, что дар принадлежит нежнейшей женщине. Её мужество заставляет усомниться в том, но красота и сила её души расставляют всё по местам.

«Крылья» – самое человеческое кино, какое я когда-либо видела. До сердечной боли человеческое.

Как могло случиться, что «Восхождение» обошла главная кинематографическая награда, это произведение искусства высочайшей пробы и высочайшего образца?

И жизнь её, и смерть её – восхождение. Восхождение к высшей реальности. Она искала формулу личного бессмертия. И нашла её.

ВОЛОДИН

Почти невесомая плоть наполнена душой, почти осязаемой: кажется, до неё можно дотронуться и, даже слегка приобнять.

Смотреть на него, слушать его, слушать, даже не понимая о чём это он – всё равно, что из родника пить. Всё равно, что исповедаться, причаститься – по-иному после видится жизнь и всё в ней.

Маленький божок. Взять бы, да усадить рядом – так и помереть не страшно.

СМОКТУНОВСКИЙ

Тайна...Тайна всё, что дышит в нём. Тайна – рот: то ли хитрющий, то ли обольщающий, Тайна – руки: то ли музыканта, то ли детского врача, Тайна – глаза, глаза-а... Кто там за ними? Непостижимая, так никем и не раскрытая Тайна. Одно бесспорно – Художник величины необъятной, высоты недостижимой.

САМОЙЛОВА

Трудно выразить словами то, что любишь. Ещё труднее подобрать слова любви для человека. А признаться в любви женщине, да от имени женщины – это уж, я вообще не знаю, возможно ли. Главное – избежать фальши, или даже намёка на фальшь – не простит.

Уровень человеческий и уровень мастерства этой личности не могут быть достойно поддержаны современной режиссурой. Трагедия жизни предрешена. Иначе и быть не может – слишком большая Глубина. И, вряд ли кто мог бы достичь вместе с ней этой Глубины, не испугавшись за свою жизнь. Огромное мужество – держаться на этой Глубине всё отведённое Богом время. Держаться покойно, уверенно, слегка прищурившись, наблюдая за теми, кто жадно ловит воздух на поверхности.

KUSTURICA

Море. Море грёз и фантазий. Мечта – входить в это Море снова, и снова, будто в гипноз, оставляя на время, а может и навсегда, то, что немило, что давно хотелось оставить на берегу и нырнуть с головой в его Море ребячливых слёз, в его Море улыбок из солнца, в Море его смятенной души, жаждущей пламени праздника и безрассудства.

Кустурица – притяжение жизни. Нескончаемый вдох, незнакомый с выдохом. Обжигающий горло, вдох раскалённого лета. Этот вдох отрывает его от земли, и, как розовый шарик, уносит в небо.

LARS FON TRIER

Мы не видим себя, когда спим.

Когда смеёмся, смотрим на звёзды – не видим.

Мы не слышим себя, когда кричим. Когда плачем – не слышим.

Мы не помним себя до себя – нам неведомо.

В нас заперта дверь, что к чуду ведёт.

Мы – Слепоглухонемые. Нам нужен кто-то, кто над пропастью проведёт.

Кто за нас, имея силу, заступится.

Кто услышит глас истины и нам через муки свои донесёт.

Кто даст в жаркий полдень воды родниковой напиться.

Кто замедлит ход времени. Кто для жизни вечной спасёт.

ЕСЕНИН

«Всё, что я узнавала о тебе – о твоей жизни и о твоей гибели, входило в меня вместе с молитвой». Эта первая строчка в моём письме к тебе долго ждала продолжения. Я и сейчас не знаю, будет оно, или нет... нет ни слов, ни мыслей, ни звуков... есть одно – тебя нет, тебя нет, тебя нет...

Знаешь, как ловко они «запрягли» твою смерть? Запрягли, как кобылку, и возят на ней исторический миф под названием «Самоубийство поэта». А кобылка никак не желает тащить, до костей истлевшую, ложь – на дыбы встаёт, только б скинуть с себя позорище это.

Подлецы никогда не разучатся лгать. Всё им будет казаться, что долг исполняют. Мудрецы никогда не отправятся спать, зная какую игру подлецы играют.

На самом деле – лишь на время был прерван иноходца бег. Поверь, Серёжка – не разбился твой хрустально-серебряный век.

РАНЕВСКАЯ

Раневская – актриса, которая «светится». Я смотрю и вижу, как через неё Ангелы улыбаются. Она молчит, а я слышу откуда-то из самой глубины её души их прозрачные голоса. Кажется, они, наконец, нашли друг друга – Ангелы и Раневская, Раневская и Ангелы.

САША БАШЛАЧЁВ

ЧЕЛОВЕК ЕСТЕСТВА.

НЕТ.

САМО ЕСТЕСТВО.

НЕТ.

СУТЬ ЕСТЕСТВА.

Время, когда Душа забралась на высокую гору. Она на вершине и созерцает. Ей всё видно, всё ясно, всё – её. Она надо всем, но вровень с собою, что означает – рядом с Ним. Это время и есть – время божественной силы Художника, время его торжества. Час, может быть, когда Душа источает аромат Великого Пророчества. Когда звучат еле слышно в ней колокольца предчувствий, а главный колокол – колокол сердца, звучит в унисон с пульсом Истины.

И вот, наконец, Душа напиталась, насытилась всем, зачем приходила. Она должна уходить, должна донести все дары в первозданности. Как у неё получится, не поранившись, не ободравшись спуститься с самой высокой горы? Как удастся ей сохранить без изъяна свой истинный облик? Как у неё получится не поранившись, не ободравшись спуститься с самой высокой горы? Вот и выходит, что чем выше и чаще Душа поднимается, тем скорее захочется ей на отдых.

КОМИССАРЖЕВСКАЯ

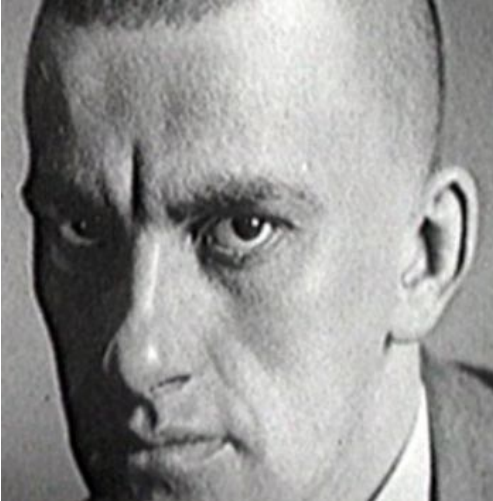
Вперёд! И нет такой силы –
грубой иль нежной,
которая остановила бы меня.
Жизнь духа выше жизни плоти –
это сказала не я.

Меня называли Солнцем,
а я – Луны пелена на море,
печальное, тихое слово,
твоё утешение в горе.

Я – тополь громадный у входа
в волшебное царство науки
Любви, Сострадания...
и сердце взлетает от счастья и муки.

Стихия Свободы...
Звёздная нежность над головою
уносит меня в пространство,
соединяя с собою.

МАЯКОВСКИЙ

Поразительно, как иногда незаметно умирает Дорога. Когда ты идёшь, ты видишь, что вот она, под ногами, вы вместе куда-то придёте. Но стоит подняться выше, на уровень облака – всё изменяется. Путь, по которому шёл, превратился сначала в ленту, а после – в нитку, а после – и вовсе исчез... Когда ты опустишься – ты можешь вообще на него не попасть, не встать ногою в пыль, которая прежде его покрывала.

Что же выбрать: держаться одной дороги и не рисковать, или всё же к облаку подниматься?

ДАЛЬ

Слова... слова... слова... опять всё утопить в слова...
понятия, значенья, смыслы...
надежды, страхи, ожидания, мысли...
всё человеческое трепетанье погрузить в слова, как в воду...
взять, и затянуть на дно речей его желанную Свободу...
заслуги, отступленья, вероломства, болезни, жалобы, минуты благородства, бессонницы, ознобы, маяту, желанья, грёзы и во снах, и наяву –

всё заболтать, забалагурить, заохать, завздыхать, запить и задымить...

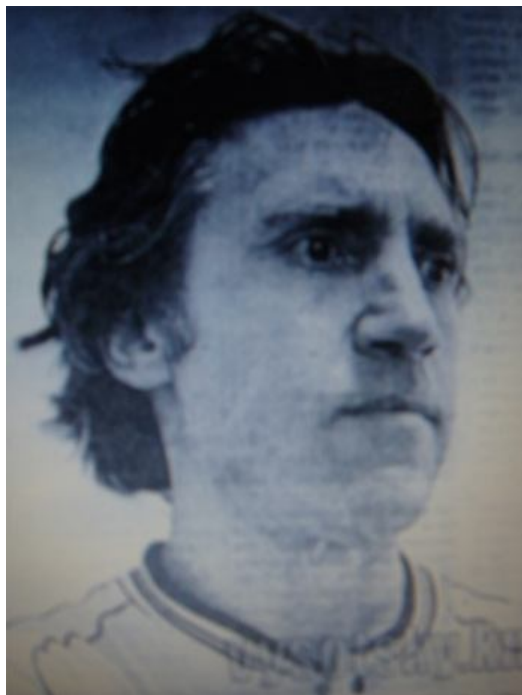
сначала вдохновенно лоб нахмурить, и только после говорить...

о том, что рано, что безвременно, что мог бы жить, и жить, и жить...

НЕ МОГ БЫ.

Смерть уже была беременна и вскорости должна была родить.

ВЫСОЦКИЙ

Где-то там, высоко-высоко...

выше гор, выше самых высоких вершин, выше правды и лжи,

выше мнений самых старейших старшин...

выше званий, и выше заслуг, выше боли и самых страшнейших мук,

выше света и выше тьмы, выше истины и выше молвы...

выше безмолвия и выше звука, выше врага и выше друга,

выше взлёта и выше паденья, выше себя самого, своего же выше творенья...

НИКУЛИН

Если бы только могла..., если б только струна зазвенела...,
если б словом владела и опыт имела – я сочинила бы оду.
Я бы построила оду, как строят обычный дом:
сначала фундамент, а всё остальное – потом.
Не сомневайтесь – уж я бы воспела...
Как священный источник поэт воспевает,
как пчела воспевает сухую погоду,
как в благодарность молятся богу –
я бы восславила Свет,
тот, что Клоун дарит народу.

МОРДЮКОВА

Если вдруг, правда? Если, на самом деле, душа имеет физический вес? Ваша, моя, Её... Представляете, как небу тяжко – двадцать один грамм «живого веса» с каждого?

Всем изначально поровну, всем одинаково. Всем – как стартовый капитал, как исходный продукт, как шанс на спасение – двадцать один грамм жизни. Как же так получается, как выходит так, что при всех наших «равных граммах», все мы разные, все одинокие и, очень часто, несчастные?

Есть люди, их ничтожно мало, которые объединяют всех. Соединяют наши с вами разорванные связи, склеивают наши разбитые сердца, зализывают наши душевные раны. О себе они почти не вспоминают. Разве только на чужих похоронах. В общий хоровод не лезут. Только если очень позовут. Никогда для себя ничего не попросят – сами последнее снимут и отдадут. Потому и Народные, что от себя, как от хлеба, куски ломают, что ни словом, ни делом никогда не солгут.

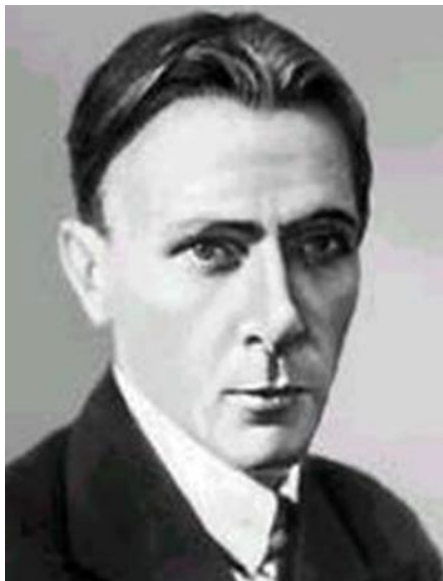
MOZART

Я плачу. Как маленькая девочка, у которой улетел воздушный шарик. Плачу по неуловимому, недостижимому, безвозвратному. Не то праздник улетел, не то счастье... «Надо было успеть прижаться к его резиновой щёчке, поцеловать на прощанье. Мой шарик, мой. Даже там, в небе, даже навсегда не со мной – всё равно мой». Слёзы... безутешные слёзы детства.

Моцарт – одна из моих немногих любовей. Любовь, не требующая взаимности, устраивающая обе стороны – это ли не единственно идеальное чувство? Нет, чтобы сказать: «я люблю музыку Моцарта», так я возьми и ляпни: «люблю Моцарта». И всё, подписала себе. А что делать? Вот так вот, и всё! Он умер когда? Вот. А я его люблю. И, как говорится, дай Бог, чтобы после вашей смерти вас так любили. Совсем сбрендил, будто живых мужиков мало – на покойника запала. Ну, что такого надо было сделать, чтоб по тебе, спустя два века, убивались? Думаете, шучу? А я серьёзно: никогда и никого так. Хожу себе, горжусь: я Моцарта люблю. «Баа... ты чё ли влюбилась – светишься вся?» «Ага» – тихо отвечаю. «В кого это?». «В Моцарта». «В кого??». «В Моцарта. В Мо-цар-та». «Во как... а зовут-то как?». «Вольфганг. Амадей». «Еврей что ли?». «Почему...австриец». «Ну, ты маханула! К нему поедешь?». «Да нет, – улыбаюсь, – погожу пока».

Шарик улетел и никогда не вернётся. Я – дура, хоть уже и взрослая девочка.

БУЛГАКОВ

Огонь в холодный лист вонзило
перо, разъединяя тьму и свет.
На чёрный снег времён строка ступила,
оставя ядовито-ярко-белый след.

КАЙДАНОВСКИЙ

Сорок Девятый Ангел взбунтовался,
презрев небесный потолок.
От стаи, светокудрый, оторвался,
забыв, что жизни обещал глоток.

Теперь одинокий и всеми забытый
плачет и плачет безудержно, кается.
Мается, мечется в чёрной комнате,
мокрым крылом, дурачок, утирается.

От слёз его – комната стала белой –
выцвела, с неба цветами падая.
В сад обратилась, засыпанный снегом,
новых хозяев безликостью радуя.

КАМОРНЫЙ

Я влюблена давно и тайно –
никуда мне уже не деться.
Ни сбежать, ни исчезнуть, ни спрятаться,
ни в сомнениях отсидеться.
Ты прости мне моё самозванство,
я не буду сорить речами.
Знаешь, всё моё свободное пространство
занято твоими белыми ночами.
А тогда, давно, меня рядом не было.
А была бы – вошла в твоё наваждение,
полетели бы вместе на небо
отмечать девятнадцатый мой день рождения.
Я, как и ты, хотела жить нараспашку,
ни одной звезды в груди не погасив.
Только на спине связали мне рубашку,
о моём желаньи не спросив.
Я была тогда корочкой хлеба,
солью своей же слезы.
Надо мной смеялось розовое небо
цвета незрелой бирюзы.
А сегодня, сам того не ведая,
ко мне дождями спустился ты,
затем, чтоб я себя открыла,
как открываются цветы.
Не страшись, любимый, расстояния,
на разлуку не греши.
Ты – весенняя проталина
на снегах моей плакающей души.

ЖАННА

А что было невинней меня? Что было меня беспощадней?!

Беспощадность молнии. Невинность дитя.

Это мой огонь – оставьте его за мной. Это мой конь ушёл за мёртвой луной.

Это моя стрела – оставьте её за мной. Это я умерла, а вы возвратились домой.

Моё горло открыто для крика. Моё сердце открыто для ран.

Моя жизнь – открытая книга, разорвите её по словам.

Это мой крест – оставьте его за мной. Это мой перст на границе мира с войной.

Это моя плата – оставьте её за мной. Это моя палата, где каждый из вас – больной.

Сегодня у вас прохладно. С утра неумный дождь.

Наденете платье венчальное на вашу любимую дочь.

Это ваша любовь – оставьте её за собой.

Это ваши и день, и ночь, ваш вереск, и ваш зверобой.

Ваши закаты, и ваш рассвет...

А у меня только и было – мои девятнадцать лет.

СОКУРОВ

Мне интересен человек, в котором зреет подвиг.

В котором всё глобально, тотально и бескомпромиссно.

Человек, идущий в гору под камнепадом. И всё же идущий вверх.

Я слышу в нём шаги. Я вижу в нём зарю. Я чувствую в нём Бога.

Ни боль, ни утраты, ни дары не отнимут у него его самого.

Он ни во что не верит. Он сам – вера.

Он ни на что не надеется. Он сам – надежда.

Он не знает, что такое любовь. Как не знает ребёнок, что он ребёнок. Как не знает ветер, что он ветер. Как волна, идущая к берегу, не знает, что разобьётся.

Ибо любовь – он сам.

Мне интересен человек Тишины. Любитель узких улочек и заброшенных аллей. Любитель тёмных ресторанных уголков и масеньких кофеюшек.

Человек, сложивший себя, как легенду. Как притчу. Как миф.

Мне интересен человек Пустыни. Его жажда, его зной, его гибель.

Мне интересно его воскрешение. Его Свет. Его Аромат.

МАКЕДОНСКИЙ

Кто ты? Чьи в тебе смешаны крови?

Сколько их?

Кровь восседает на троне.

Даже Бог перед нею стих.

Ни проклятий, ни слёз –

только вера в победу,
она на чёрном коне.

Если и был поклон,
то белому свету

в самом высоком окне.

САВИНОВА

Когда сердце открыто –
негде спрятаться страху.
Когда сердце открыто –
ни к чему надевать рубаху.

Когда сердце открыто –
ветер его обнимает со всех сторон.
Когда сердце открыто –
огонь своим поцелуем не нанесёт урон.

Когда сердце открыто –
всегда есть время, и времени – нет.
Когда сердце открыто –
тьма отступает, мир заполняет свет.

Когда сердце открыто –
его не бывает много.
Открытое сердце –
это всегда Дорога.

PAGANINI

Тебе нужна вода – тебе приносят соль.

Каждый день твои закрома пополняются тоннами соли.

Ты грезишь о капле. Твой мёртвый язык никогда не расскажет о боли.

Тебе невдомёк, что гроза – это многое множество капель. Проси о грозе.

Тебе не нужна гроза. Ты бредишь о малом. Но и того тебе не дано.

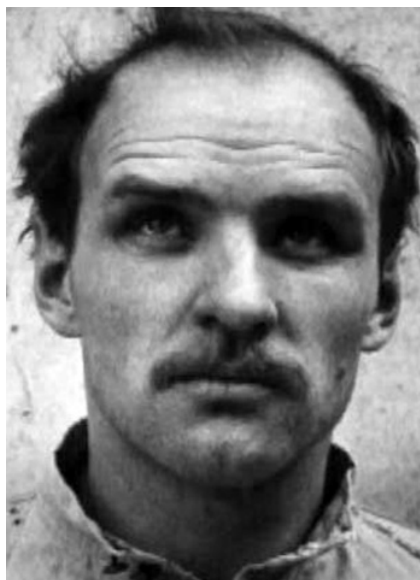
Твоя лодка убита о дно. Ты родился и умер сегодня дважды.

Когда рядом шумит океан – ты дышишь ветром пустыни, мечтою прижавшись к сочной лозе.

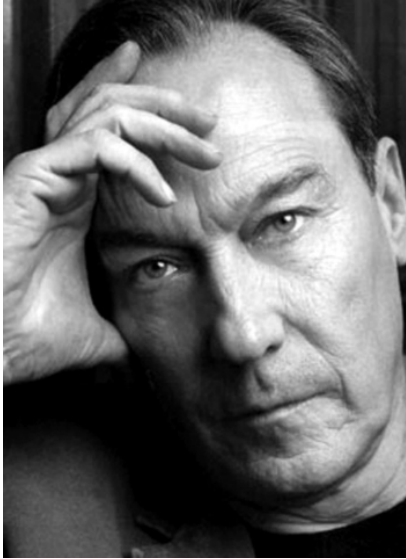
Ты всегда будешь жив, пока ты умираешь от жажды.

СОЛОНИЦЫН

Сначала научить любви...
и без любви оставить.
Сначала искупать в крови...
и травы есть заставить.
Сначала за руку водить...
а после в речке утопить.
Сначала наслаждаться...
а после надругаться.
Сначала показать звезду...
и спрятать навсегда.
Сначала привести к кресту...
и бросить у креста.

ЯНКОВСКИЙ

Я привела тебя в свой заповедный сон.
Я приняла и отпустила тебя через стон.
Я соберу эту боль, я сберегу эту боль,
я заберу эту боль с собой в небо.

Я отдам тебе всё, что есть у меня – бери.
Я сожгу все победные флаги в своей груди.
Будем вместе, когда пожелаешь, где бы я не была –
где на небе твоя звезда, там и моя рядом.

Теперь я знаю тебя и ничего не боюсь.
Я никому ничего не должна и ничего не стыжусь.
Я отрекусь от всех богов пред светлым ликом твоим.
Я – почти пустота, я наполнена криком одним.

Только ты вернись.
Солнце плачет, оно умрёт без тебя.
Только ты вернись.
Хочешь, снегом, хочешь, каплями ночного дождя.
Только ты вернись – даже во сне не отпущу.
Если ты не вернёшься –
я себя никогда не прощу.

УРБАНСКИЙ

Смерти нет для тех, в ком смерти нет.
В ком один ручей с другим всегда сольётся.
В ком разлит страданья тёплый свет.
В ком свобода сердцем в сердце бьётся.

Ни с кем, с кем хотела бы, в этой жизни я так и не встретилась.
А в другой – и подавно не встречусь.
Выходит, что жизнь моя – только пунктиром наметилась,
а ночь – победила и утро, и день, и вечер.
Душа потерялась где-то на другом конце пространства,
в лабиринте незнакомых жестов, непонятных слов.
Не довелось ей насладиться счастьем истинного братства.
Рыбак пришёл домой, оставив в море свой улов.

БЛУДНЫЕ МЫСЛИ

Можно наговорить тысячу умных и красивых слов о жизни. Все они будут так или иначе, лгать и говорить правду одновременно. Я за то, чтобы ничего не запутывая умышленно, разобраться в самой сути: что же такое наша с вами «жизнь»? Простые вещи. И не надо перегружать её смыслами, о которых мы имеем самые поверхностные знания. Жизнь – это простые вещи: прикосновения, взгляды, запахи, вкусы, желанья, любимые люди, необходимые книги, близость друзей, тепло, холод, память, вдох, выдох... Что может быть проще?

Тяга к самоотречению – беда для любого дела.

Птицы сверху гадят на нас. Поделом. Видно, мы заслужили.

К чему человеку неподвижность, если жизнь его – вечное движение?

Человеку только кажется, что он покупает удовольствия. На самом деле – удовольствия покупают его. Не человек приобрёл дом, сад, машину. Это дом приобрёл человека. Это машина его купила.

2006 г. Для меня сейчас родной душой может стать каждый, кто хоть сколько-нибудь пытается думать. Я вижу вокруг себя поголовно недумающих людей.

2009 г. Количество думающих людей возрастает с каждым днём. Но, боже... о чём они думают...

Что делать... Миром, кроме Бога, правят вкусы. Точнее, вкусовщина. А ещё точнее – безвкусица.

Нельзя все чувства обратить в слова и через них сказаться, ибо нельзя человеку до дна исчерпаться. И книга, которая пишется, напишется, но не будет дописана.

Мы реагируем только на то, что видим. А то, что не видим – игнорируем, будто его и нет вовсе. Ну не глупость ли? Не легкомыслие ли это?

Нельзя укорачивать себе жизнь, деля её на прошлую и настоящую, бросая налево и направо: я был такой-то, я была счастлива. Был, была, было – укорачивают бытие, будет – продлевает.

Тот, кто «разметил» свою жизнь и, пусть даже подсознательно, «идёт по зарубкам», тот живёт бодро, но... как бы это сказать... не тот танец танцует, что ли... Ему кажется, что главное – только он сам и его цели, а это неверно. Главное – всё,

что вне, «божественное окружение», ибо через него проявляется и творится суть человека.

Главное – это не то, что, вымучившись, наконец, скажется, и ты будешь думать, что это главное, а то, что позволено будет тебе утаить. Главное – всегда за кадром, всегда вне строки, стоит в сторонке и ухмыляется: что, схватил меня?.

Главное понимается и даётся только из того, что не даётся, а из того, что даётся – ничто не понимается: ни главное, ни второстепенное.

Жизнь – поиск родственной души. Смысл жизни – в совершенствовании собственной.

Человек может быть истинно счастлив только в борьбе с предлагаемыми обстоятельствами, чувствуя острие жизни, её пружинное сопротивление.

Нельзя начинать новые истории, не закончив старых. Люди невежественны в этом вопросе. Они просто бросают этих несчастных калек, как окурки на тротуар и потом удивляются, почему их жизнь напоминает помойку.

Каждый должен найти своего Моцарта. Познакомиться с ним, полюбить... и через эту любовь, как через призму рассматривать и познавать мир и себя.

Когда гении умирали, их нечем было спасать, а когда появились средства спасения – гениев уже не было.

Смерть соединяет человека с самим собой, но не всегда примиряет.

Свобода – потребность отказываться.

Только свободный, внутренне свободный и независимый человек, не стеснённый рамками требований и вкусов общества, может сказать новое слово. Слово, которое ждут. Ждут неосознанно, как, может быть, ждут весну.

Разве может болото стать озером? Наоборот – да, а так – нет. Существует в нашей жизни необратимость происходящего. Самое жестокое и самое справедливое из всех наказаний, придуманных для человека.

Не стоит бояться смерти. Душа перейдёт в то, что любил при жизни. Чем больше любил, тем больше шансов продолжиться.

Желания должны быть светлыми. Тогда делай, что хочешь – ты свободен в выборе.

Чтобы дирижировать, необязательно держать в руке палочку.

Никогда не прощайся – увидеться можно когда угодно и где угодно.

И старость есть, и смерть есть. Но не всех они посещают, а если и заходят, то надолго не задерживаются.

Мозг надо правильно «кормить», тогда он безотказно работает на воображение.

Для того чтобы осознать свою прибыль от убытка, надо просто подождать.

Профессия артиста – умение доставать из себя. Профессия режиссёра – помочь ему в этом. И больше ничего. Но и того не имеем.

Малое имеет ценность. Множественность – ничтожна. Потерявший всё, богат – плачет, потерявший всё, бедняк – смеётся. Потерявший всё, глупец – плачет, потерявший всё, мудрец – смеётся. Потерявший всё, ребёнок – ищет.

Есть искусство, а есть опыты, эксперименты, изыски в области искусства. И одно не должно подменять другое. Отличить эрзац от подлинного легко: подлинное проникает в сердца всех и каждого, очищая их. Независимо от национальности, образования и вероисповедания.

Любая форма требует заполнения, требует содержания. Даже высыхающий колодец борется за каждую каплю, чтобы было в чём отразиться звезде.

Форма не может вытеснить содержание, но может трансформироваться в него, да так искусно, что мы и не заметим, в чём суть трюка.

Человек всегда избегал столкновений с реальностью. Рвал от неё со всех ног под крышу дома иллюзии. Но, передохнув в её тени, снова спешил на солнечную сторону, желая ощутить озноб от перегрева.

Свобода нужна человеку только в отсутствии её. На самом же деле люди не очень-то дорожат ею. Они предпочитают «принадлежать». А свободу сдают в аренду за ненужность.

Если ты занимаешься не своим делом, и пусть даже отдаёшь ему часть своей души, или даже всю душу – оно, тем не менее, отторгнет тебя. В этом ещё одна высшая справедливость жизни.

Никогда не разбрасывайся С собой. Ты – это всё, что у тебя есть.

Мозги, как тарелочки на прутиках, надо периодически подкручивать.

Пошлость – пыль. Уничтожить невозможно, бороться необходимо.

Наши впечатления напрямую связаны с освещением.

Чужие шедевры открывают пространство для полёта. Но, что тебе небо, если сам не рвёшься летать?

Всегда должен быть свободный гвоздь в стене. А для чего – решать тебе.

Честные романы, как честные состояния – складываются «покопеечно».

Сначала ушёл из театра трепет, как обнаружила когда-то Фаина Раневская, а чуть позже – и она сама. Вот ничего и не осталось.

Там, где собираются Слова, Чувства поскучают, поскучают и уходят.

Художник всегда взаимодействует с тем, что запретно, запредельно, с тем, что «за гранью». Идёт за Смертью, как малое дитя за мамкой, дёргая за подол, и прося «хоть на маленько взять на ручки». Она добрая, Смерть – редко кому отказывает. Возьмёт на ручки, и тотчас убаюкает.

Что бы ни сотворил художник, что бы ни натворил ребёнок, что бы ни вытворил человек, всегда найдётся, кто примет, и всегда – кто отринет.

Актриса – переполненная чаша. Её достаточно слегка задеть.

Многие из людей живут, не подозревая, что уже прожили свою жизнь.

Кого-то одиночество выталкивает на творчество, кого-то к пивному ларьку, а кого-то из жизни.

Золотым пером истины не выведешь.

Приобретённое чувство юмора гораздо серьезней врождённого.

Если видишь дерьмо, то обязательно его обойдёшь. Но я не жалею, что по жизни неслась сломя голову и почти не смотрела под ноги.

Два запаха – запах цветения и запах гниения в сладости и приторности своей всегда где-то рядом, и очень часто друг в друге.

Большую часть жизни я прошла «спиной вперёд», а когда повернулась – ничего необычного не увидела: те же люди, те же страдания, та же любовь. Только я – другая.

Если принять на веру, что подобное притягивает подобное, и учесть, что я до сих пор одна, вывод напрашивается сам: либо в пространстве нет ничего мне подобного, либо магнит мой уже не тянет.

Счастье – это, когда есть над чем думать.

Не все несчастные желают счастья. Есть среди них те, что питаются своей болью. Всю жизнь они едят её, блюют, и снова едят.

Птицы теряют перья, но продолжают летать.

Все мы – Одна Единая Душа. Каждый из нас реализует то, что по каким-то причинам не было реализовано его предшественниками по кровной линии. По сути, мы пытаемся восстановить целостность общей духовной картины мира, достичь, пусть и бессознательно, гармоничного звучания Божественной симфонии под названием «Жизнь».

Как только ты выбрал мишень для своих стрел – ты сам стал мишенью.

Нет ни одного несомненного Знания. Нет ни одной явной Истины. Всё многослойно, изменчиво, относительно, зыбко.

ИНТЕРВЬЮ, ЦИТАТЫ, ПИСЬМА

Б. Юхананов: Интервью с Александром Башлачевым. 1986 год. (источник: сайт, посвящённый А. Башлачеву «Время полёта»)

Это интервью имело конкретную цель. Оно было записано весной 1986 года для спектакля "Наблюдатель", который был задуман как роман о рок-музыканте.

Была написана пьеса, и потом она пошла в такую своеобразную творческую разработку внутри работы над спектаклем. Автор этой пьесы – Леша Шипенко, и я – как режиссер. Мы вместе работали над этой темой. Там много всего было сделано.

Как раз в это время Саша часто бывал в Москве, и я решил с ним встретиться, чтобы накопить звуковой и одновременно смысловой документальный материал для этого спектакля. Кроме того, была идея, что Саша будет участвовать в нём... Мы встречались, в основном, ночами, бродили... Он был в очень светлом и прекрасном состоянии. Его внутренние вибрации были в тот момент, как мне кажется, на пределе – очень позитивны, и свет шел очень сильно.

И вот мы решили у Андрюши Пастернака в студии ВТО сделать очень качественную запись с ним, а потом с Борей Гребенчиковым специально для этой работы, чтобы обработать материал и как бы матрицу собрать. Это не интервью для газеты, не интервью для журнала, это парадоксальная такая вещь – интервью для спектакля. Фактически очень оригинальный жанр оказался, ну, и по-своему, совершенно магический.

В частности, мы спрашивали про смерть, потому что сам сюжет спектакля – миф. Центральный миф заключался в том, что музыкант исчерпывает в себе музыку и жизнь. И это я спрашивал напрямую у Саши, чтобы получить возможность аранжировки самой темы. И получилось так, что это интервью углубилось в процессе самого разговора совершенно неожиданно для нас и вышло на довольно предельные темы, не запланированные ни нами, ни Сашей и не относящиеся к актуальным моментам нашего бытия в это время. Тем самым, я считаю, что это интервью как бы оказалось всем нам продиктованным. Вот этот способ нашего разговора оказался нам продиктованным, я абсолютно в это верю, если говорить серьёзно. Спектакль был сделан. Саша умер. Я оставил это интервью в спектакле. Оно целиком идёт как фонограмма на протяжении всех пауз. Все перерывы, все паузы спектакль жил в квартире.

Спектакль, надо признаться, не родился, т.е. он был сделан, игрался в форме последней репетиции, но в последний момент нам пришлось уйти из театра Васильева, и получилась такая странная и по-своему драматичная рифма ко всей этой истории, записанной там. Он принял на себя во многом темы, которые обсуждал в себе сам этот спектакль.

Б.Юхананов.

Б.: Если говорить о явлении субкультуры, явлении рок-н-ролла... По всей стране, в каждом городе есть свой коллектив, который что-то делает. И удивительно – нет плодов. Растут деревья, все что-то выращивают, поливают, и практически нет

плодов. Явление рок-музыки – гигантское явление, всё захлестнуло, волна за волной идёт. Плодов никаких, три-четыре имени, может быть, пять-шесть. И эти люди, на мой взгляд, исключают явление рок-культуры. Они не поддерживают его – просто исключают, зачеркивают, потому что оказывается, что все остальные занимаются беднейшей – по содержанию, и нелепой – по сути, деятельностью.

Почему? Потому что люди не задают себе вопроса "зачем?", люди задают себе вопрос "как?". Да как угодно, в каких угодно формах! Но они постоянно уходят от вопроса "зачем?". Потому что стоит только задать его себе, как оказывается, что король-то – голый. Его даже чаще вовсе не оказывается. Мы путаемся в рукавах чужой формы без конца.

Я подхожу к музыке, безусловно, с точки зрения литературной, с точки зрения идеи, цели, прежде всего. И, вероятно, я всё-таки отвечаю себе на вопрос "зачем?". Это главный вопрос. А на вопрос "как?" можно отвечать без конца. И любая форма прекрасна там, где она должна расти, где у нее есть корни.

Каждую песню надо оправдать жизнью. Каждую песню надо обязательно прожить. Если ты поёшь о своём отношении к любви, так ты люби, ты не ври. Если поёшь о своём отношении к обществу, так ты так и живи.

А всё остальное – спекуляция. Спекуляция на чужих формах, до которых дошли твои старшие товарищи, доехали до каких-то вещей, до каких-то оборотов, и вот ты тоже начинаешь тянуть это дело. Зачем? Это все соблазн, великий соблазн.

Конечно, когда какие-то люди так здорово все делают, хэви, хард, все что угодно... Действительно интересно, и всё готовенькое. И на готовенькое люди идут. Но нельзя оправдать слабость мелодий, текстов, идей или отсутствие их полнейшее тем, что это якобы рок-поэзия, якобы рок-культура, и вы в этом ничего не понимаете, это совершенно новое явление. Если это искусство... хотя "искусство" – тоже термин искусственный. Искус... Если это естество, скажем так, то это должно быть живым.

И, с точки зрения естества, авторского естества, не выдерживает никакой критики большинство групп, которые я, например, вижу в Москве, хожу вот на концерты. В Ленинграде точно так же, в других городах – тем более, потому что провинция у нас не понимает, не чувствует своей души, своих особенностей, как весь этот русский рок, так называемый, до сих пор не чувствует своей души, своего назначения, своей идеи.

Я в Сибири, например, встречаю безусловно талантливых людей, которые не понимают сути своего таланта и пытаются его облечь в чужие для них формы. То есть, они шлифуют свой талант, но совершенно не те грани, они вычесывают его. Их слепит... Их слепит то, что привлекает их в западной музыке. Но каждый человек индивидуален. Каждый человек – удивительная личность сам по себе, если он пытается понять своё место и поставить себя на это место.

Вложить свою душу, а не чужую, не заниматься донорством, пить чужую кровь и пытаться пустить ее по своим жилам. Ничего хорошего из этого, как правило, не выходит.

У нас сложная ситуация в музыке. Если бы мы были обеспечены студиями, возможностью выпускать пластинки, возможностью переводить идеи в продукцию... Но это другой вопрос.

Ю.: Но это связанные вещи.

Б.: Да, это такая сложность, которую, на мой взгляд, не удалось преодолеть никому. Либо тебе тратить энергию на то, чтобы что-то купить, чем-то зарядиться, либо... Или тебе на сторублевом "Урале" что-то делать, или на акустической гитаре. Такая проблема. И получается как-то или одно, или другое.

Мы – постоянно лежащие боксеры. Как только пытаемся привстать – опять посылают в нокаун. Но это не нокаут. Раз кто-то пытается встать, до нокаута еще далеко, и, наверное, нокаута не получится никогда.

В рок-музыке еще достаточно много пороха, я бы даже сказал, сырого пороха, который еще нужно сушить. А чем сушить? Чем угодно, своими словами, сухими дровами. Вот. Понять, чем его сушить. А без него пуля, опять же, не полетит.

Ю.: Ты призываешь вернуться к чему-то изначальному?

Б.: Я призываю вернуться, но по спирали. В нашей музыке сейчас происходит процесс, сходный с тем, что происходило в музыке западногерманской или в музыке любой страны, не говорящей на английском языке.

Те молодые люди – поляки, или венгры, или западные немцы – точно так же реагировали на рок-музыку, как и мы. Но при условии, что им было легче это делать. Среда располагала к этому, они не встречали трудностей, барьеров. Вернее, барьеры были, но только творческие. Они сталкивались только с творческими проблемами.

У нас же, прежде чем добраться до творческих проблем, нужно ой-ой-ой через какую трясину продраться. И, может быть, не стоит тратить силы на то, чего мы никогда, вероятно, не достигнем. Собственно, суть пока не в формах, а в содержании. И надо просто возвратиться к содержанию. Рок тоже родился не с усилителем "Фендер" в рюкзаке. Он родился точно так же.

Ю.: Заново родиться?

Б.: Ну да. Мы еще даже не родились. То, что мы делаем, это еще не рождение, это эскизы, попытки, макеты. Эмбрионы.

Ю.: Но на пути к творчеству, о котором ты говоришь, явно возникает социальный фактор, и он нам очень сильно мешает...

Б.: Безусловно, мешает. Правда, чувствуется иногда тёплый ветерок, это радует, но это...

Ю.: Политика пряника и палки?

Б.: Да, политика одного пряника и пяти палок, я бы сказал.

Ю.: И этот социальный фактор ведёт к вторичности, к Западу... Почему они играют Запад? Это же и социальный фактор давит.

Б.: А вот, по-моему, наоборот. Фактор запретов должен натолкнуть на мысль, что не стоит. Если мы не можем делать так, как на Западе, – хотя бы по формам, – то и не стоит этого делать. Надо найти содержание свое и вложить его в совершенно новые, иные формы. Как это произошло в Западной Германии – они сначала тоже стали подражать, играли на английском языке те же вещи, что и Битлз, и Роллинг Стоунз, и вся эта плеяда. Потом перешли к технологии наивного перевода.

То же и у нас, и это был прогрессивный шаг – технология наивного перевода, пели о том же, о чем пели за кордоном, только по-русски – пытались перевести чуть-чуть ближе, находить свои эквиваленты, что ли... Поют там о жизни в Чикаго, а мы о жизни в Чикаго петь не будем, мы будем петь о жизни в Москве.

Но это всё равно не то, это не жизнь в Москве, это не жизнь Москвы, не жизнь наших улиц, не жизнь наших площадей. И тем более не жизнь третьей столицы. Вот есть Ленинград, Москва, и существует третья столица – это вся Россия. И получалась не жизнь третьей столицы, а придуманная, в общем, жизнь.

Но это всё естественно, это всё болезнь роста.

Ю.: Когда ты говорил обо всех, ты одновременно говорил и о себе. Но ведь ты не можешь существовать на энергии отказа от того, что другие не нашли. Значит, ты что-то нащупал.

Б.: Это смело сказано, но мне кажется, что я пытаюсь это делать. Я хочу связать новое содержание, ветер времени, ветер сегодняшних, завтрашних, вчерашних дней... собственно, это один ветер. И одно поле. И на этом поле я хотел бы найти свою борозду, бросить туда зерно своего представления о тех или иных вещах, происходящих вокруг меня. И чтоб зерно дало росток.

Конечно, это не будет принципиально новая форма, потому что принципиально новые формы невозможно придумать. Это будет развитие прежних.

Частушка и рок-н-ролл – я просто слышу, насколько они близки. Когда я слушаю Боба Дилана, я слышу в нём русскую песню, и не только русскую народную песню, я просто слышу в нём корень и вижу, что от этого корня идёт.

Почему негритянская музыка нам близка, мы же никогда не были в Африке... Но мы чувствуем, что это естество, что это не искусство, что это не придумано.

Главное, чтобы пела душа. А там будет видно, какая твоя душа. Ты не думай о том, как это – петь, заставь петь свою душу, и всё. Как бы она ни спела, это окажется верным. Если она будет брать чистые ноты, и ты не будешь ей мешать.

И я не придумываю форм, тут поиск-то нерациональный, рациональный обязательно приведет в тупик.

Ю.: У тебя есть чувство отпущенного времени?

Б.: Отпущенного мне времени?

Ю.: И тебе, допустим.

Б.: Я бы сказал так... Я бы сказал, что нужно туже вязать ту нить времени, ту, которая связывает каждого из нас со всеми и со своим временем. Если ты её потеряешь, то все. А, собственно, любой нечестный поступок, любая спекуляция ведет к потере.

Ю.: В чём содержание спекуляции?

Б.: Содержание в том, что люди не отвечают себе на вопрос "зачем?", просто бегут от этого вопроса. Потому что стоит только поставить вопрос – зачем? – и всё. Может оказаться, что, действительно, незачем. Просто незачем, и пора идти домой и задуматься.

Ю.: А с чем связано у тебя это "зачем"?

Б.: Совершенно с конкретным понятием.

Ю.: Выговорить эту жизнь?

Б.: Нет. Жизнь так прекрасна, жизнь так велика, что её никогда никто не выговорит.

Ю.: Но разве искусство не бесцельно?

Б.: Конечно, нет. Искусство связано с любовью. Ты должен делать то, что ты любишь. Любить то, что ты любишь в этой жизни, и об этом петь.

Ты не можешь врать в любви. Любовь и ложь – несовместимые вещи. Если я люблю, я стараюсь находить те слова, которыми мне не стыдно говорить о своей любви.

Ю.: Но там, где любовь, там же и ненависть.

Б.: Ненависть – это особенная любовь. Любое чувство замешано на любви, и тот же страх... Любое чувство, так или иначе, представляет собой ту или иную форму любви. Ненависть – это просто оскорбленная любовь.

И нужно петь о любви, о любви к жизни..., или о нелюбви. Но факт тот, что ты готов бы полюбить, да вот, к сожалению, пока не можешь. Что-то не позволяет, совесть тебе не позволяет любить те или иные вещи, пока они находятся в том виде, в котором они находятся.

Не стоит мутить воду в себе. Любовь – она может быть сколь угодно грубой, сколь угодно ненавистью, жесточайшей даже ненавистью, но это не будет жестокостью. Жестокость только тогда, когда нет выхода.

Ты сколько угодно можешь ткнуть человека лицом в ту грязь, в которой он находится, вымазать его в том дерьме, в котором он сидит. Но потом ты должен вывернуть его голову вверх и показать выход, дать ему выход. И это зависит от тебя и от того, насколько он тебя поймет.

Ты обязан говорить так, чтобы тебя поняли те, на кого ты собираешься повлиять. Ты обязан делать так, чтобы поняли тебя и поняли твою любовь. Ты должен заразить своей любовью людей, дать понять людям, плохим людям, что они тоже хорошие, только ещё не знают об этом.

Я говорю о себе, потому что я очень люблю жизнь, люблю страну, в которой живу, и не мыслю себе жизни без нее и без тех людей, которых я просто вижу. Я всех люблю на самом деле, даже тех, кого ненавижу. Едва ли я смогу изменить их своими песнями, я отдаю себе в этом отчет. Но ничего не проходит бесследно. И пусть это будет капля в море, но это будет моя капля и именно в море. То есть я её не выпью сам.

Если я брошу своё зерно, и оно даст всходы, и будет не одно зерно, а... сколько там, в колосе зёрен, десять, или тридцать, или пятьдесят, – я считаю, что прожил не зря. Это и есть цель. Я пытаюсь, слушая свою душу, не глушить её и петь так, как поётся. И ничего не придумывать!

Это моя беда, если есть цель и не поётся. Так бывает, потому что не всегда хватает таланта сочинять музыку, стихи и заниматься творчеством. Но это невероятно вредный предрассудок – связывать любовь и талант со сферой искусства. Всё, что сделано без любви, не нужно жизни.

Ты хочешь делать музыку, а у тебя это не получается. И тут нечего плакать. Просто надо понять, что это не твоё место, и найти своё. Не знаю, где, но там, где не хватает честных людей, а честных людей не хватает везде.

Если ты чувствуешь в себе любовь, ты люби и рассказывай о ней. Если ты что-то ненавидишь, а, как мы поняли, это тоже любовь, рассказывай об этом. Но честно, слушая себя, не пытаюсь придумывать какие-то немислимые образы, совершенно самопальные культуры создавать.

Жизнь есть жизнь, и она не простит тех, кто думает о ней плохо. Только тех она не простит. Жизнь своё возьмет. И поэтому мне не нужны песни, в которых я не слышу любви. Это пустые песни, даром убитое время, даром прожжённая жизнь. Это называется "коптить небо", действительно сжечь себя, свои дрова, но сжечь их впустую. Ничего у тебя на плите не стояло, и ты просто прокоптился. Это и называется "коптить небо". А небо коптить не надо, его цвет нас пока устраивает.

Ю.: А из тех песен, которые ты слышишь, ты хоть где-то находишь то, что можешь взять?

Б.: Конечно. Я очень люблю Бориса Гребенщикова, хотя мы с ним совершенно разные люди.

Ю.: Он поёт о любви?

Б.: Безусловно. Он поёт о своей любви. А я уважаю любую любовь. Понимаешь? Любую.

Ю.: А у Макаревича?

Б.: И у Макаревича тоже о любви. И у негров с Ямайки о любви. Я нахожу это у всех, у кого о любви.

Ю.: А глум может быть любовью?

Ю.: В наших корнях та же частушка, подчас там и глум есть, и ёрничество. В наших корнях не только любовь и не только ненависть. Или только любовь? Не существует чистой любви во плоти. Всегда что-то примешивается. Невозможно играть на одной ноте, скажем так.

Есть некая доминанта и вокруг неё масса того, что составляет из себя музыку. Любовь, скажем, как тональность. Если задать как тональность любовь, взять некую верную ноту – любовь, которая будет единственно верной и определяющей нотой, то всё, что вокруг неё, – все это и будет жизнь. Но на одной ноте ничего не сыграешь.

Точно так же, как одной любовью совершенно невозможно жить. Это определяющая сила, самая великая сила. Любовь в каждом из нас – есть любовь к одной и той же жизни. Но в каждом из нас и всё, что плюс к любви, что в тебе ещё есть.

Поэтому можно долго рассуждать: глум – любовь или не любовь. Это уж какой замес, какое в тебе тесто! Тесто же бывает совершенно разное, смотря для чего – пирожок испечь, или блины, или белый хлеб, или чёрный. Все это нужно в жизни. Но в основе всё равно зерно. И любовь есть зерно, а все остальное зависит от того, какую задачу ты перед собой ставишь.

И надо понять, какая задача перед тобой стоит, какая дорога тебя ведёт, куда тебя дорога ведёт. Она же тебя именно ведёт, ведёт за душу. Как тебя мама за руку ведёт, так и дорога ведёт тебя за душу. И ты иди, шагай.

Ю.: Ты хочешь жить по своей дороге. Скажи, вот ты сейчас как затеял свою жизнь?

Б.: Да знаешь, я дышу и душу не дышу. Я стараюсь не врать ни в песнях, ни в жизни, я стараюсь не предать любовь. Это самая страшная потеря – потеря любви, любви к миру, к себе, к людям, к жизни. Я это только обретаю. Я жил всю жизнь больным человеком, тёмным, слепым, глухим. Я очень много не понимал. И вот, я просто понимаю тех людей, которые занимаются музыкой.

Ю.: А встречались ли тебе гении-разрушители? Те, которые на вопрос: имеешь ли право? – могут ответить: нет, не имею, но могу. И разрушает он гениально. И, может быть, в этом разрушении он открывает какую-то жизнь?

Б.: Любое разрушение естественно. Истина рождается как еретик, а умирает как предрассудок. И этот предрассудок иногда нужно разрушать.

Я убежден, что человек, имеет ли он право на разрушение или даже не имеет, он наверняка разрушает предрассудок. Ни один нормальный человек не станет разрушать ту или иную истину, не станет топтать росток. Сухие деревья он будет действительно обрубать, чтоб дать дорогу новым.

Ю.: Он может уничтожить себя как предрассудок?

Б.: Понимаешь, в конце жизни каждый уничтожает себя как предрассудок.

Ю.: Все-таки ты рассказываешь бой. Если он идет... что будет дальше?

Б.: Если пользоваться сравнением с боем, то каждый находится на линии фронта, буквально, действительно на передовой. Каждый музыкант находится, так или иначе, на передовой. Но самое главное – не быть слепым и не ждать ни от кого приказов. Ты можешь сидеть в окопе и все уйдут вперед, а ты всё будешь ждать приказа.

Каждый должен сам себе скомандовать: вперед, в атаку! А для того, чтобы атаковать, надо знать, куда бежать, нужно знать цель. Видеть реальную цель, которую ты должен поразить.

Но, конечно, у всех свои функции, свои задачи – есть саперы панк-рока, есть гусары, есть пехота, есть истребители, есть бомбардировщики. И единого фронта быть не должно. И поэтому я не считаю, что все должны заниматься тем, чем я или Борис Гребенщиков. Таким образом, мы просто оголим остальные участки фронта. Но речь идет о том, чтобы всё-таки держаться этой линии фронта, видеть перед собой цель и не сидеть в окопе.

Ю.: Ты хочешь быть с гитарой или с группой?

Б.: Я не могу решить сейчас, нужно ли мне создавать группу. Из кого? Я не могу делать это формально – не в туристическую поездку собираемся. Лично у меня нет таких людей, они ко мне как-то не пришли. Если появятся, я скажу – очень хорошо, – если придет человек и сыграет так, что я почувствую, что он меня понял душой, у него душа в унисон с моей. Если получится, я буду рад, это будет богаче... Если будут друзья, и они будут любить то же самое, значит, мы будем сильнее. Но я могу петь с гитарой.

Ю.: Мир, в котором ты живешь, какой он? Или каждый из нас существует в своём мире?

Б.: Я тебе скажу еще раз, что начал ответ на этот вопрос год назад. На этот вопрос нужно отвечать всю жизнь. И человек, взявший в руки гитару, начал ответ, начал

беседу с теми, кто рядом с ним. То есть он решил, что его душа вправе говорить в голос.

Вот, собственно, зачем? Затем, чтобы ответить на этот вопрос – "зачем?". И я буду отвечать на него всю жизнь. И в каждой песне я пытаюсь ответить, и каждым поступком, каждой встречей. С утра до вечера, каждый день. Эта работа души – ответ на вопрос, в каком мире ты живёшь и каким ты хочешь его видеть.

Ну, и давай я ещё так отвечу. Я скажу, что живу в мире, где нет одной волшебной палочки на всех, у каждого она своя. И если бы всё это поняли, мы смогли бы его изменить. Мир стал бы для каждого таким прекрасным, какой он и есть на самом деле. Как только мы поймем, что в руках у каждого волшебная палочка, тогда она и появится в этом мире. Это утопия, казалось бы. Но за этим будущее.

Ю.: А скажи, ты мог бы уйти, вот, как в этой пьесе... У тебя бродячая жизнь сейчас.

Б.: Да, конечно, я у жизни в гостях.

Ю.: А ты хотел бы получить вдруг такую дачу с аппаратурой?

Б.: А кто против? Никто не говорит о том, что нужно отказаться от еды, от одежды, надеть вериги и ходить по мукам. Но какой ценой? – вопрос.

Конечно, я был бы рад, если бы мне не пришлось задумываться о том, где я завтра запишу свои песни. Но раз это не так, я принимаю всё, как есть. Мир прекрасен. Жизнь прекрасна.

Ю.: А как тебе кажется, в этой стране вообще возможен рок?

Б.: Есть формы рок-н-ролла, блюза, и мы должны вырасти из них, любим-то мы все равно немножко другое, это естественно. Мы должны петь о том, что любим, но при условии, что время не кончается за границами нашей родины. Везде один и тот же ветер – попутный.

Ю.: Я встречал таких людей, которые стали играть нью-вейв до того, как услышали его с Запада. Значит, они могут существовать на этих формах?

Б.: Но в этих формах, как правило... Пожалуйста, я не спорю, дайте, покажите, но ведь этого не происходит. И, естественно, я делаю вывод, что в этих формах наше содержание не держится.

Ю.: То есть, нужна какая-то принципиально русская?

Б.: Это настолько же принципиально, насколько и нет.

Вот слово времени, время говорит свое слово. Там его легче словить и назвать его, дать какую-то форму. Они дух времени поймали верно. И, конечно, он нас касается. Но словили-то они его в своих формах! Нам надо тот же самый дух времени словить просто в своих.

Ю.: Но ведь дух времени – это не дух нашего времени.

Б.: Но почему?

Ю.: В этой комнате один дух; если она заперта, дух становится еще более терпким.

А если мы откроем двери и окна, тогда дух этой комнаты станет духом улицы или пространства вокруг дома. Но пока это пространство – спёртое, и дух здесь – спёртый.

Б.: Правильно, все правильно. Но ведь и там, и там воздух, все равно любой дух замешан на воздухе. "Дух времени" – как воздух. Тут все очень спорно. Какова любовь? Кто как представляет себе любовь, жизнь, у всех свои комплексы, проблемы, личные там, детство трудное... Это все другое дело. Если говорить о каких-то принципах, всё-таки... Зачем ты играешь музыку реггей? – ты живешь в Норильске. Раз ты играешь реггей, так ты давай, снимай с себя тулуп и ходи в набедренной повязке в Норильске.

Ты должен прожить песню, проживать её всякий раз. Но в парусиновой шляпе по снегу, по тайге никто не пойдёт. А раз не пойдёт, значит, надо петь песни ушаночки и вот этого тулупчика. Ты не должен делить себя на себя и песню, это не искусство, это естество.

Для меня вот это – критерий. Ты не можешь внедрить в себя инородное тело, как бы оно тебе ни нравилось. Я бы, может быть, хотел, чтоб у меня вырос хвост. Может быть, мне было бы удобно отгонять им назойливых мух. Но он у меня не вырастет.

Кто-то, видимо, рванёт вперёд, кто-то покажет форму новую, естественную. Тут мы не должны форсировать.

Понимаешь, истина никогда не лежит между двумя противоположными точками зрения, они всегда истинны. Всегда существуют две противоположные друг другу истины, и каждая из них абсолютно верна по-своему.

То, что истина лежит где-то посередине, – это вздор. Между ними – не истина, между ними – проблема. И как только ты её решаешь, эти две истины примиряются естественным образом. К проблеме сразу возникает контрпроблема, и так далее. Утверждая то или иное положение, мы просто должны помнить, что существует контристина, которая, безусловно, важна.

И когда я говорю, что мы не должны форсировать намеренно, это правильно, но также правильно и то, что мы должны вести постоянный поиск. Слушать свою душу.

И когда мы говорим, что мы должны на национальной почве что-то делать, это так же верно, как и то, что мы не должны.

Почему, например, я, русский человек, терпеть не могу славянофилов? Потому что любое фильство предполагает какую-то фобию. А я не в состоянии мириться ни с

какой фобией, я вне фобий. То же самое и с формами. Надо учитывать эти две истины и решать проблемы между ними. Найти содержание сначала.

Ю.: Сашка! А как ты произошел? Я не знаю, как точно сформулировать, чтоб вопрос звучал не совсем банально...

Б.: Ясно. Почему я решил писать песни? Да? Или что?

Ю.: Да, вот как это случилось?

Б.: А почему человек начинает обычно сочинять песни? Я полагаю, только потому, что он живёт, живёт и вдруг понимает, что ему хотелось бы слушать такие песни, которых нет. Или видеть картины, или смотреть спектакль.

И человек думает: "Почему же до сих пор никто этого не сделал?" А потом думает: "А почему бы мне не сделать это самому?" – и пытается, так или иначе.

Надо трезво просто понимать, можешь или нет. Если не можешь – не делай, найди в себе силы, это гораздо сложнее.

Вот у тебя душа вырастет в тот момент, когда ты поймёшь, что тебе не стоит этого делать, тебе просто надо работать с собой – не книжки там читать, а понять, кем ты должен быть. Просто быть хорошим, добрым человеком, честным по отношению к своим близким, знакомым. Это главное, это просто.

Если любишь постоянно, с утра до вечера, каждую секунду – это просто то, что дает тебе счастье, дает тебе силы жить, силы радоваться. И быть нормальным, открытым, честным человеком. Это единственная вещь, которая всегда с тобой.

Тебе должно быть стыдно делать дурной поступок, потому что любовь всегда с тобой – как ты можешь её обмануть, глушить в себе жизнь? Глушить талант, то, что у тебя болит, то, что тебя беспокоит? Может, ты боишься понять, боишься почувствовать это, боишься справиться с собой. А душа-то в тебе болит, душа-то в тебе говорит: давай, шагай, что ты сидишь в своем окопе, все в атаку идут. А душа у тебя болит потому, что она чувствует, что она не на месте и ей надо найти своё место. А ты её глушишь, не слышишь. А она всё равно не уйдёт, всё равно, в конце концов, раскаешься. Дай Бог, чтоб было не поздно, потому что это трагедия – не услышать вовремя душу.

У тебя – душа, любовь – над тобой. И должно быть просто стыдно. Если всем станет стыдно...

Ю.: Может ли быть в твоей жизни история, когда свет померкнет?

Б.: Нет, такого не может быть. Еще раз говорю: это только от меня зависит.

Ю.: Ты уверен в том, что ты его удержишь?

Б.: Конечно. Я удержу его в своих руках. Потому что я только этим и занимаюсь, и все мои песни, поступки направлены на то, чтобы удерживать свет, и они с каждым днём должны быть всё более сильными, чтобы его удерживать. Тут не проедешь налегке с пустым разговором.

Я не верю тем людям, кто не страдал. И даже тем, кто очень страдал. Тут вопрос в том, что кровь льётся либо напрасно, либо нет. И если даже собственная кровь с человека льётся как с гуся – беда, ты ничего не понял в жизни. Ты не извлек урока, твои страдания бессмысленны. А всё через страдание – когда душа болит, значит, она работает.

"Объясни – я люблю оттого, что болит,

Или это болит оттого, что люблю?"

Невозможно объяснить, потому что это одно и то же.

Ю.: Ты говоришь о двух истинах. А свет и тьма – это не две истины?

Б.: Да, конечно. Что такое свет и тьма? Тут очень легко можно разобраться.

Всё, что впереди тебя, – это всегда свет. Сначала ты пройдёшь половину пути через тьму, потом ты получишь ровно столько же света. Человек не расплачивается ни за что совершенно. Не бывает, чтобы человек получил что-то в дар, а потом ему приходится за это рассчитываться, отработывать. Ничего подобного. То, что человек получил – это заработано.

Тень – она всегда сзади. Если ты обернешься, сзади будет тьма, а впереди всегда будет свет. Понимаешь, о чем речь?

То место, по которому ты идешь, всегда тьма. Свет всегда впереди. Граница проходит прямо по твоим ногам. Если ты шагнул – ты шагнул во тьму, но одновременно ты её и одолел.

Почему любой удар ты должен принимать как великий дар? Потому что если меня ударило, я должен знать, что это – удар судьбы. И его важно понять. Понять, для чего нужна эта жертва. Любой удар – тебе в спину, и не нужно оборачиваться, выяснять и сводить счеты, не нужно, не стоит – ты обернешься, а там – тьма. И опять ты вернулся к себе, к прежнему – любой отрезок пути, каким бы светлым он тебе ни казался, автоматически превращается в тёмный, как только ты его прошёл – ты отбрасываешь тень назад.

Это дар – любой удар. Раз тебя бьёт, значит, тебе даётся возможность больше пройти, дальше. А если ты не сделаешь, собьёшься с курса, ты все равно вернёшься по кругу на то же место. В другой ситуации, естественно, с другими, может быть, людьми... Но всё равно будешь обязательно пытаться ту же задачу решить.

Душа всё равно ведёт тебя за руку. Но ты иногда не понимаешь, куда она ведёт, и немного сворачиваешь. Это ничего, можно сворачивать. Тут милосердие. Как сам себя показал, ничего кроме этого не получится, никто тебя не накажет больше.

Это очень трудно – всякий раз по одному и тому же месту. Как только человек начинает чувствовать боль, он сразу начинает бояться этой боли. Это талант. Талант-то в нём режется, душа в нём режется для того, чтобы прорвать себя и ощутить себя частью целого. Не то чтобы слиться, а по формуле «я + все», каждый – центр, совершенно индивидуальный, совершенно неповторимый.

Ю.: Вот ты сейчас рассказываешь движение, а в этом движении остаются песни, они этим движением рождаются?

Б.: Они не остаются потому, что они входят в чужие души.

Вот перед тобой песня. И раз ты её понял, значит, твоя душа захватила пространство и стала больше, то есть душа твоя растёт.

А вот потом, когда человек поймёт, что он не просто индивидуальность, данность какая-то, а часть всего, когда душа рванёт из тела... ты поймёшь, что ты совершаешь еще один шаг в целой цепи шагов, поймёшь, что ты часть всего и что всё будет хорошо. Только не навреди себе, живи, работай, не думай, что тебя лифт доведет. Лифт никого никуда не довед. Я же, собственно, об этом пою и буду петь.

Тут вопрос стоит так: знает ли истину тяжкий путь познания, который нам предстоит пройти? В принципе, каждый из нас знает эту истину изначально, эту истину знает душа. И пытается тебе сообщить каждый день с утра до вечера. А ты должен её слушать, она тебе всё скажет, всё даст, даст силы любовью. Твоей же любовью. Чем больше ты отдашь ей, тем больше будет даваться тебе – чтоб больше отдавал.

Она тебе постарается сообщить всякими путями. В том числе – женщина. Что такое женщина? Это ещё один из языков, на которых с нами говорит мировая душа.

Ю.: Господь.

Б.: Ну да, язык. Один из самых важных Его языков. Он с нами говорит всякими разными приметами, всё сообщает, и ничего лишнего.

Рисунок на этой пачке сигарет для кого-то наверняка сыграет свою роль.

Или песня – сидишь ты вечером и слушаешь Битлз. И врубаешься, что песня написана именно для этого вечера, об этом вечере. Разговариваешь ты с человеком, а она совершенно точно попадает в нерв вашей беседы. Можно даже не разговаривать, а послушать, какие там будут песни дальше, и понять, чем у вас всё кончится.

Это просто многофункциональность. Это просто потенциал, который еще раз перевел себя в кинетику, стал реальным действием. Просто из века в век, из года и год, изо дня в день общую мировую идею мы переводим в форму за счет таланта.

Талант – способ перевода. А если говорить о программе... то, когда люди садятся играть в шахматы, всем ясно, что игра, так или иначе, кончится матом. Или если ты сядешь играть с Каспаровым, проиграешь в любом случае. Это, казалось бы, детерминировано, да, исход, результат, да. Но остаются подробности, ты же сам решаешь, и он решает, какой пешечкой ходить. А для того чтобы перевести потенциал, есть шахматы, есть коробка, и мы должны сыграть. Перевели все это, реализовали кусок потенциала. Все. Но для того чтобы игра шла, кто-то должен играть белыми, кто-то черными, а иначе все перепутается. И поэтому мы виноваты перед тем, кто вынужден быть плохим.

Допустим, я – хороший. Считаю себя хорошим, добрым, честным, умным, вроде Кука. Все правильно. Но кто-то ведь должен быть плохим в таком случае. Иначе как,

если все будут хорошими? Это будет когда-нибудь. И это будет довольно страшно. Но будет.

Мы виноваты перед ними, они виноваты перед нами. Почему понятие общей вины? – конечно, только поэтому.

Надо добиться, чтобы душа смогла говорить со всеми, чтобы тебе было что-то дано. Надо показать, что у тебя чистые руки, чтоб тебе можно было что-то вложить. Иначе тебе никто ничего не вложит, потому что душа откажется, твоя же душа. Она тебя будет сначала заставлять вымыть руки, и только потом она тебе что-то в них даст.

А ты всегда пытаешься что-то цапнуть, она не дает – значит, ты цапаешь чужое, раз она тебе своё не дает. Это естественно. Значит, ты берёшь чужое. А чужое в твоих руках никогда не будет живым, оно сразу мертвеет. Потому что ты только часть своей души можешь нести вот так. Живую воду. А всё остальное, что ты будешь где-то там черпать, будет мёртвая вода из чужих рук.

Душа тебя сначала научит вымыть эти руки, чтобы ты был готовым к тому, что она тебе должна дать. И только через страдание. Это же очень мучительно – осознать вдруг, что, вроде как, я – гитарист, у меня – ансамбль, мы, там, играем, у нас название есть, и нам свистят, хлопают... А потом понять, что ты – дерьмо, в общем-то, ещё. В принципе, понять – это не обидно. Это ни в коем случае не обидно. Это великая честь для человека – понять, что он дерьмо.

К 60-летию Андрея Тарковского

Искусство кино, №4 1992

Высказывания Андрея Тарковского из его интервью, напечатанных в журнале «Форум». Мюнхен, 1988, № 18

О кино

«...Кино, пожалуй, самое несчастное из искусств. Кино пользуются как жевательной резинкой, как сигаретами, как вещами, которые покупают. Поэтому принято считать: чтобы картина была хорошей, она должна продаваться. Если же мы думаем о кино как искусстве, такой подход абсурден. Я не отношу себя к режиссерам, которые бы очень гордились коммерческим успехом. Но я не сетую на свою судьбу. Это только в самом начале, после того как кино появилось, каждая новая картина встречалась зрителем с интересом. Сегодня мы не можем рассчитывать, что миллионы зрителей будут смотреть только хорошее кино. Очень трудно влезть в шкуру зрителя, увидеть фильм его глазами. Мне кажется, что этого и не нужно. Единственный путь к зрителю для режиссера — это быть самим собой».

Об искусстве

«Прежде всего, нужно представить себе, что такое искусство. Служит ли оно духовному развитию человека или это соблазн — то, что на русском языке называется словом «прелесть». Трудно в этом разобраться. Толстой считал, что для того, чтобы служить людям, для целей личности высоких, этим не нужно заниматься, а нужно заниматься самосовершенствованием...».

«Для того чтобы строить концепцию искусства, следует прежде всего ответить на вопрос, гораздо более важный и общий: «В чем смысл нашего существования?» По-моему, смысл нашего существования здесь на земле в том, чтобы духовно возвыситься. А значит, и искусство должно этому служить...».

«Если бы я изобрел какой-то другой принцип, то и концепцию искусства должен был бы рассматривать по-иному. Но так как смысл нашего существования я определяю именно таким образом, то верю, что искусство должно помогать человеку в его духовном развитии. Искусство должно помочь человеку духовно измениться, вырасти...».

«Была такая точка зрения: искусство столь же познавательно, как всякие другие (интеллектуальные, духовные) формы жизни на нашей планете. Знание все более и более отвлекает от главной цели, от основной мысли. Чем больше мы знаем — тем меньше мы знаем. Если, к примеру, мы углубляемся, это мешает нам видеть широко. Искусство нужно человеку, чтобы духовно воспарить, возвыситься над самим собой, используя свою свободную волю...».

«Художник всегда испытывает давление, какое-то излучение. Думаю, в идеальных условиях художник просто не смог бы работать. У него не было бы воздушного пространства. Художник должен испытывать какое-то давление. Я не знаю, какое именно, но должен. Если мир в порядке, в гармонии, он не нуждается в искусстве. Можно сказать, что искусство существует лишь потому, что мир плохо устроен».

О самом главном

«Любой художник в любом жанре стремится выразить прежде всего внутренний мир человека. Я неожиданно для себя обнаружил, что все эти годы я занимался одним и тем же: пытался рассказать о внутреннем конфликте человека — между духом и материей, между духовными нуждами и необходимостью существовать в этом материальном мире. Этот конфликт является самым главным, потому что он порождает все, все уровни проблем, которые мы имеем в процессе нашей жизни...».

«Мне кажется, мы можем сказать, что в результате исторического процесса возникла огромная разница между духовным развитием и материальным, научным. И в этом причина нынешнего драматического положения нашей цивилизации. Мы стоим на грани атомного уничтожения именно в результате разрыва между духовным и материальным...».

«Лицо мира уже изменено. Никто с этим не спорит. Но вот вопрос: «Если человек все время менял обличье мира, почему же этот мир через тысячелетия оказался в столь драматической ситуации?». Мне кажется, потому что человек, прежде чем менять обличье мира, должен изменить свою собственную суть, свой собственный мир. Вот в чем проблема. Такое впечатление, что мы хотим учить других и не хотим учиться сами».

«Когда меня спрашивают: «Может ли искусство изменить мир?», я отвечаю: «Прежде чем что-либо менять, я должен сам измениться, я должен стать глубже. Только после этого я, быть может, смогу принести пользу». Пока люди и общество не будут развиваться гармонически, пока человечество не начнет развиваться духовно, человек не найдет успокоения и его судьба будет трагической. Дело в том, чтобы уравновесить потребности духовные с потребностями материальными. А как мы можем рассчитывать на какие-то изменения, если мы сами не чувствуем себя духовно высокими? Чтобы преобразить не только себя, надо принести жертву — только тогда ты сможешь послужить людям».

Лариса Шепитько. 1975г. (х/ф «Лариса» реж. Э. Климов)

«Сейчас считается хорошим тоном, именуя себя Художником, жить двойной жизнью. Иметь свою концепцию, точку зрения на какие-то явления жизни и совершать поступки, прямо противоположные тому, о чём он говорит в своих картинах. Для меня кино – занятие нравственное, а не профессиональное. Мне просто необходимо, чтобы профессионал, прежде всего, обладал какой-то этической нравственной позицией, иначе он не сможет добиться результатов только с помощью своей профессии».

Лариса Шепитько «Обязана перед собой и перед людьми», фрагменты интервью.

Искусство кино №1 1988

«Но я считаю, что каждый человек, изъясняясь, как это ему свойственно, обыкновенными словами, должен быть озабочен мыслью о своих высоких обязанностях, о своей миссии на земле. Вокруг нас не так уж много людей, которые осознают свое назначение, гораздо больше других, прозревающих под старость, в последний час, а то и вовсе заканчивающих свой путь, ни разу не задумавшись, зачем жил и верно ли прожил. И, по-моему, искусство для того и рождено, чтобы подвигать людей к серьезным размышлениям о жизни, к ответственным мыслям о себе, побуждать людей с наивозможной полнотой реализовать свои способности и, конечно же, жить с совестью в ладу».

«Я видела смерть очень близко.

У меня была серьезная травма позвоночника, а я в то время ждала ребенка. Могла и погибнуть, потому что ребенка я решила сохранить.

Я тогда впервые оказалась перед лицом смерти и, как всякий человек в таком положении, искала свою формулу бессмертия. Хотела думать, что от меня что-то должно остаться. Повесть Василя Быкова “Сотников” я прочитала тогда, в том новом своем состоянии. Это, говорила я себе, вещь обо мне, о моих представлениях, что есть жизнь, что есть смерть, что есть бессмертие.

Заявить о своей потребности, о праве каждого отдельного человека отстаивать уникальность, единственность, неповторимость и бессмертность своей судьбы – вот к чему я стремилась. И выйдя на этот уровень размышлений, я уже никогда не смогу вернуться в прежний круг житейских желаний, профессиональных интересов...» (Последнее интервью. 1979 год, июнь)

«Две тайны в жизни неразрывны – тайна рождения и тайна смерти. Прожить жизнь, только воспроизведя себя, – небольшое дело. А вот сможем ли мы что-то оставить после себя? Сможем ли доказать, что мы не просто биологический эксперимент? Если мы какую-то часть нашей энергии оставляем на благо людей, значит, мы уже не умерли, уже не напрасны».

Андрей Тарковский «Мартиролог». Фрагменты.

«Талант принадлежит всем. А носитель его так же ничтожен, как и раб, трудящийся на плантации, как наркоман, как люмпен. Талант — несчастье, ибо, с одной стороны, не дает никакого права на достоинство или уважение, с другой же — возлагает огромные обязательства, подобно тому, как честный человек должен защищать переданные ему на сохранение драгоценности, без права пользования ими. Чувство собственного достоинства доступно каждому, кто испытывает в нем потребность. Не понимаю, почему слава — предел мечтаний так называемых деятелей искусств. Скорее всего, тщеславие —

признак бездарности. Актеры глупы. В жизни еще ни разу не встречал умного актера. Ни разу! Были добрые, злые, самовлюбленные, скромные, но умных — никогда, ни разу. Видел одного умного актера — в «Земляничной поляне» Бергмана, и то он оказался режиссером».

«Плохую службу сослужил Станиславский будущему театру — такую же, приблизительно, как Стасов живописи. Эта идейность, так называемое «направление», как писал Достоевский, — все это подменило и задачи, и смысл искусства».

Андрей Тарковский. «Запечатлённое время». Фрагменты.

«Нельзя в высказанных персонажами словах сосредоточивать смысл сцены. «Слова, слова, слова» — в реальной жизни это чаще всего лишь вода, и только изредка и на короткое время вы можете наблюдать полное совпадение слова и жеста, слова и дела, слова и смысла. Обычно же слово, внутреннее состояние и физическое действие человека развиваются в различных плоскостях. Они взаимодействуют, иногда слегка вторят друг другу, часто противоречат, а подчас, резко сталкиваясь, друг друга разоблачают».

«Кстати, художник обязан быть спокойным. Он не имеет права прямо обнаруживать свое волнение, свою заинтересованность и прямо изливать все это. Любая взволнованность предметом должна быть превращена в олимпийское спокойствие формы. Только тогда художник сможет рассказать о волнующих его вещах. У нас же в последнее время некоторые кинематографисты одержимы мыслью снять поэффектнее, и очень уж они при этом суетятся: подкидывают камеру в воздух, бегают на фоне роскошно переливающейся цветовой гаммы осенних листьев, теряют голову перед красивыми лицами, телами, вещами. И все это называется новой формой! А в результате фильм разваливается. Не оттого, что сложно, а оттого, что нет ясной позиции художника и определенной его мысли о мире. Впрочем, какая-то позиция есть. Есть «волнение по поводу» и стремление снять «покрасивше». Но есть ли это позиция, достойная художника? Не дороже ли истина?..».

«Сейчас в кинематографе нет ничего более запущенного и поверхностного, чем психология. Я говорю о понимании и раскрытии глубинной правды тех состояний, в которых находится характер. Этим пренебрегают. А ведь это то самое, что заставляет человека застыть за столом в самой неудобной позе или прыгать с третьего этажа!».

«Кажется мне, что одна из самых грустных вещей, что происходят в наше время, – это окончательное разрушение в человеке того, что связано с осмыслением и пониманием прекрасного. Современная массовая культура, рассчитанная на «потребителя», калечит души, преграждая человеку путь к коренным вопросам его существования, к осознанию самого себя, как существа духовного. И тем не менее художник не может быть глух к зову истины, которая единственно и определяет его творящую волю, организует её. Только в этом случае он способен передать свою веру другому. Художник, не имеющий веры, подобен слепорождённому живописцу».

Из док. фильма «Режиссёр Андрей Тарковский», 1988г.

«Я никогда не умел отделить свою собственную жизнь от фильмов, которые я делаю. Для меня картины всегда были частью моей жизни. Для того, чтобы сделать какую-либо картину мне приходилось всегда делать какой-то выбор жизненно необходимый, жизненно важный. То есть я знаю, что есть многие, кто умеет это отделить: свою жизнь от фильма. Я знаю многих, которые в жизни делают одно, а в своих фильмах они говорят совершенно о другом, выдвигают другие идеи. То есть, каким-то образом, в них уживается их совесть с теми мыслями, которые они выражают в своих фильмах. Я как-то не умел никогда этого. И для меня кино – это не профессия, это моя жизнь. И каждый фильм для меня – это поступок».

Письмо В.Ф. Комиссаржевской артисту Н.П. Рошину-Инсарову

«Давно собиралась написать вам, но, создав в душе известное положение вещей, я не сразу, а с большим трудом отрешилась от него. Теперь я могу. Видите ли, я до боли ищу всегда, везде, во всём прекрасного, начиная, конечно, с души человеческой, и, найдя это прекрасное, увидя эту искру, я готова не только простить всё остальное, но себя, всю себя готова отдать без размышлений, чтоб раздуть эту искру в пламя. Но есть одно свойство человеческое, не порок, а прямо свойство, исключаящее всякую возможность присутствия этой искры. Понимаете, вполне исключаящее, – это пошлость. И вот она-то и засела в вас, заела вас, пустила глубокие корни. Это для меня так же ясно теперь, как неясны были до сих пор многие в вас противоречия. В той среде, с которой вы сроднились душой, так же мало высоких человеческих чувств, как много вы о них толкуете со сцены. Вы безжалостно затоптали нежный, едва пробивающийся всход понимания смысла жизни. Ваши духовные очи закрылись навеки, и таким образом, вы не отличаете уже хорошее от дурного.

Что могло бы спасти вас? Одно, только одно – любовь к искусству, к тому искусству, которое давно перестало быть для вас целью, а стало лишь средством удовлетворения собственного тщеславия и всевозможных стремлений, не имеющих ничего общего с искусством.

В Парижской галерее изящных искусств есть знаменитая статуя. Она стала последним произведением великого художника, который подобно многим гениальным людям, жил на чердаке, служившим ему и мастерской, и спальней. Когда статуя была совсем почти готова, ночью сделался в Париже мороз. Скульптор не мог спать от холода и думал о том, что глина не успела ещё высохнуть, что вода в её порах замёрзнет, в один час статуя будет испорчена, и разрушится мечта его жизни. Тогда он встал и закутал статую своим одеялом. На следующее утро скульптора нашли мёртвым, зато статуя была невредима. Вот как надо любить своё дело.

А знаете, что бы вы сделали на месте этого скульптора? Вы бы успокоили свою совесть тщеславной мыслью, что спасая себя, вы создадите ещё много таких статуй. Разве вы в состоянии пережить то, что пережил этот скульптор?

Доходили ли вы когда-нибудь до полного отчаяния, до мучительного сознания своего бессилия, чувствовали ли вы холод смерти в сердце при мысли, что вы – жалкий пигмей и ничего, ровно ничего не значите для искусства?

Конечно, конечно, всё это вы переживали когда-то, но уснули, уснули навеки все эти порывы, дающие так много мук и наслаждений».

Я могла бы сказать, что восходу нет равных. Что, ни закат, ни паденье звезды, ни гроза, ни полнолуние, ни, стремящийся к жизни, росток – не сравнятся по красоте и величию, по значению и масштабу с этим главным событием каждого дня – восхождением солнца на небе. Я могла бы сказать и я говорю.

Пора. Пора обратиться к простым, понятным смыслам, как, заболев, обращаются к простой, здоровой еде: хлебу, мёду, молоку, воде... без гастрономических, так сказать, изысков, вроде размороженных угрей, закрученных в слоёнообразное тесто. Пора остановиться. Пора начать думать. И не надо пугать себя и других, что, мол, «поздно, поезд ушёл, солнце в закате» и всё в этом духе, не надо. Просто поверьте – всё только в начале и солнце ещё не взошло.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЧЁРНЫЙ ХЛЕБ

Когда всё теряет смысл, а проза бытия выгрызает нас до корки, мы, пытаюсь обрести утраченную плоть, взываем к высокому и даже, ещё выше. Сердцем моей жизни стало стихосложение. Это совсем не то, о чём я мечтала, но так уж сложилось, ибо каждый спасается чем Бог послал.

Читайте. Пожалуйста, читайте
мои слова, записанные в боль.
Пыль озаренья своего с их буквенного написания стирайте
и очищайте воду их, пока не явится вам соль.

Любите их, как я любила...,
всем ночам своим оставив морок струн.
Светите через них, как через мрак светила
моя звезда, исполненная дум.

ОСТРОВ

Дорога по тонкому льду –
только на тот берег.
Обратный путь у себя краду.
Ни смятения, ни истерик.

Обратной дороги нет.
Нет. И уже не будет.
Кто выключает свет,
тот клянётся в любви, но не любит.

Обветрены губы, впитавшие все снега,
спутаны волосы терновой вьюгой.
Покажите мне, ради бога, те берега,
на которых танцуют ветра с юга.

Где они, эти баловни тёплого света,
эти сочные, полные жизни, иные миры?
Чьё небо сейчас рассекает моя комета?
Где оно – место падения её головы?

Молчите. Я знаю, что этот остров
находится в каждом из вас.
Добраться по ломкому льду до него непросто.
Но я попробую. Хотя бы раз.

Я РУССКАЯ ДУХОМ

Я русская духом.
Во мне собачья кровь.
Ищейка с идеальным нюхом.
В моих зрачках скулит любовь.

Я русская верой.
Я – страсть. Я – мятежница.
Великий бунт нарывает
под ситцевой кофточкой – грешница.

Я русская телом.
Слеплена белым снегом
хрупкая плоть моя.
После каждой осени – новая.

Я русская дура.
Проста до смешного моя партитура.
Единая нота рвёт сквозь мажоры
в минора просторы.

Точность моей науки:
сердце плюс руки,
порядок минус прилежность,
мятежность равняется нежность.

РОДИНА

Я и врач для тебя,
и боль.
Я и «сто» для тебя,
и «ноль».
Я – дверь,
мимо которой каждый день.
Тень я твоя.
Я твоя мель.

Ты для меня
и огонь, и вода.
И радость великая,
и беда.
Ты для меня – всё.
Ты для меня – часть.
Ты для меня – раб.
Ты для меня – власть.

Ты – тепло души моей,
все сказки мира –
самые сладкие, самые детские.
Ветры ковыльные диких степей,
закаты тягучие, казни стрелецкие.

Будем вместе и тонуть, и гореть
в любой, какой укажешь, точке.
Вдвоём не страшно умереть.
Страшно жизнь прожить по одиночке.

Вы смотрите под ноги,
потому что боитесь упасть.
А вы смотрите на небо –
оно не даст вам пропасть.

Смотрите, как сменяется день ночью...
как из хищной пасти космоса является нетронутой луна...
как лист, вбирая дождь, становится сочным...
как после улитки на ладони остаётся липкая слюна...

Где кончается время –
начинается вечность.
Начинается тьма,
где кончается свет.
К твоей вертикали
моя поперечность
бежала по угольям
тысячу лет.
За концами начала.
За штормами причала.
То ждала, то встречала,
то гасила огонь.
То бранилась безбожно,
а то величала.
То чернила,
а то белила ладонь.
В твою Осторожность
попала Беспечность –
одна из любимых моих планет.
Где кончается время –
начинается вечность.
Начинается тьма,
где кончается свет.

ВРЕМЯ

Время ходит по периметру,
разбиваясь об углы.
Собирает бесполезную
дань с протянутой руки.

Зноем в холод пробивается.
В сытость голодом ползёт.
Стрелками за циферблат цепляется.
Не устанет – не уснёт.

И отметит каждый вдох и выдох,
каждый шаг и каждое лицо.
Правду вынесет на крыльях,
заклемит презреньем подлецов.

Но не примирит все «за» и «против».
Соберёт осколки от сервиза,
и при этом ход свой не ускорит –
будет тикать... в ожиданьи нового «сюрприза».

ЧЁРНЫЙ ХЛЕБ

Я вам скажу, что той любви, которой ждёте
вам не дожждаться никогда.
Иначе сердце в пепел вы сожжёте.
Иначе исчерпаетесь до дна.

Иначе вам придётся с именем расстаться.
Сменить тепло уюта на вертеп.
Придётся навсегда уйти, чтобы остаться
и съесть до крошки этот «чёрный хлеб».

ВСЁ ПОНЯТНО

Всё понятно. Всё понятно.

Ничего не меняется.

Нет, конечно, меняется, но...

ничего не меняется.

Всё понятно. Всё понятно.

Никто никого не стесняется.

Факт. Невероятно.

Никто не краснеет.

Эпоха эпохой сменяется,
а нравственность всё гуще бледнеет.

Оккупация. Наглостью.

В смысле, отсутствия напрочь
скромности.

В смысле, пропажи куда-то стыда.

Симуляция.

В смысле, присутствия ложности.

В смысле, замены любви на «туда-сюда».

Аттестация.

В смысле, проверки на «вшивость».

В смысле, отбора по признаку «Человек».

Депортация.

В смысле, высылки «на уй».

В доисторический,
дохристианский век.

Имплантация.

В смысле, внедрения в нас
равнодушия.

В смысле, внедрения «непричастия».

Отстранённости, невмешательства,
«бытового личного счастья».

Овуляция.

В смысле, доступности.

В смысле, возможностей
«оплодотворения».

В смысле: «распахнуты все ворота

для входа в жизнь любого творения».
Стимуляция.
В смысле, «наезда на уши» наших СМИ,
наших рекламодавателей.
В смысле: «Давай, обыватель, не спи!
Ты один из моих покупателей.»
Прострация.
В смысле, – а что на выходе?
В смысле, ориентира «в никуда».
В смысле, осязаемой кожей, деградации.
В смысле, «без войны сдаются наши города».
Мутация.
В смысле, перехода в то,
от чего всегда бьют.
В звериный инстинкт коронация.
Нас, как овец под мутон стригут.
И шкурок давно началась регистрация.

КРАСНЫЙ

Я бы хотела жить в Красном.
Ни в крови, ни в клубнике, ни в ярости.
Я бы хотела жить в Красном.
Пить его, как лекарство от старости.

Давить ногою бархат красный.
Терзать в ладонях красный шёлк.
Вонзать в причёску мак атласный
(я знаю в красных тайнах толк).

Украсть из Красного румяна и помаду.
Взять дерзость и нахальство напрокат.
Величие присвоить, как награду.
Умножить страстность во сто крат.

Я бы хотела жить в Красном.
Идти не по оттенкам разным.
Выбираю не стадный цвет, и не праздный.
Выбираю опасный.

Я бы хотела жить в Красном.
Предпочитаю ватной среде осколочную.
Не ту, где скрывают, и не ту, где скрываются.
Не антресольно-полочную.

На Красном красота заметней.
В Красном голова мудрей.
Над Красным всё значительно конкретней.
Под Красным одиночеству теплей.

ИЗ СЕРИИ «ЗЛЫЕ СТИХИ»

«Кто хочет знать, тот знает,
кто слышать хочет – слышит.
Кто хочет смерти – тает,
кто хочет жизни – дышит.

Кто ищет, тот – Движение,
кто понял – Остановка.
Кто выиграл – Поражение».
Скучна ориентировка.

Это всё – начало старого –
поворот за поворот.
Дайте пистолет Макарова
положить в красивый рот.

Где-то там, по ту сторону глаза
проживает святая слеза.
Жаждет, падла, любого экстаза,
чтобы с ним посетить небеса.

Так это всё, ребята, осто.....,
осто....., что впору флаг спускать.
Клянусь, я танк бы скоммуниздила,
чтобы броню поцеловать.

Возвысить муравья над муравьём.
Поднять его над муравейником.
Увидеть мертвеца живьём.
Убить дракона лысым веником.

Мечта моя несбыточна.
Убыточна мечта.
И, в общем-то, открыточна,
на стыд обречена.

Мне жаль, издёрганных до судорог, сердец.
Раздробленных до пепла, судеб.
Не то. Не жаль... во мне кипит свинец,
который скоро в пуле будет.

За окошком смутное время.
Сегодня – как никогда.
Прячь за шторкой родимое темя,
а не то угодишь в юнкера.

У тебя семья небольшая.
Ты не стар и слегка пузат.
И за тем, видно, в мир пришла я,
чтоб поднять твой чугунный зад.

Ты ни строить не хочешь, ни сеять,
воевать за Отчизну дрожишь.
За какую идею радеешь?
За какую мечту молчишь?

Я – музыка.
Я в запертом живу рояле
и ключ доверен только мне.

Вы – тоже музыка.
Но вы в баяне,
в аккордеоне, флейте, в нотах на окне.

Ваш повелитель нынче выходной –
храпит в наглаженной постели.
Он ключ от вас забрал с собой,
чтоб вы чего не надудели.

ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ МЕРЫ

Так и буду сидеть закоптелая,
неумытая, злобная баба.
В домашний халатик одетая,
бестолочь оголтелая.

Буду сидеть, вонзившись
карей слезой в безмолвие.
На ветер строкой помолившись,
поставлю стих в изголовие.

Буду сидеть. Насмерть.
Живей всех живых в этой сфере.
Пока не сойдёт на паперть
Время Великой Меры.

Буду сидеть. И клянусь, не встану.
Буду долбить это древо терпения.
Я просто усну, если вдруг перестану
ждать время великого просветления.

Буду сидеть. Замороженная, белая,

стряхивая волос на поседевший лист.
Буду себя уговаривать, мол, я смелая,
а тот, кто напротив – трусливый садист.

Буду сидеть. В объятьях мечты-химеры.
Глядеть в бездонную, жадную пасть.
Следить втихоря, как она от веры
рвёт её самую сочную часть.

Буду сидеть. Непричастно-участная.
Круг за кругом в себя уходя.
И безмерное время несчастное
будет плакать у ног, как дитя.

АННА

Боль, проникая в сердце,
легко побеждает мозг.
Какое до жизни ей дело...
она предчувствует воск.

Боль бьётся жилкой у виска
и вылететь давно б хотела,
но ждёт стального колеса
и жаркого, измученного тела.

Ах, Анна, Анна...
заснула твоя охрана.
Отпустила на вольную волю
птицу, убитую болью.

Ах, Анна, Анна...
Свет поутру рано
зальёт чернозём дорожек,
следы от маленьких ножек...

Огарок свечи непотушенный,
голос прислуги разбуженной...
ещё не поздно, вернись...
перекрестись.

На пороге ветер, за порогом слякоть.
Что стоять без толку, да ключами звякать...
Собралась на гибель – выходи, не стой.
Не заплатишь нынче Богу за постой.

Всё твоё богатство обратилось в прах.
Нищая улыбка плачет на устах.
А в домах всё окна, а за ними люди...
кто из них не грешен – пусть теперь осудит.

МАРСИАНКА

Я давно живу на Марсе,
вне вертлявости мирской.
В созерцательном катарсе
пребываю день деньской.

Я давно живу на Марсе.
Без политики и войн.
От покоя в лёгком трансе.
Без кроваводушных бойнь.

Без стратегий, тактик, практик,
без уставов, дисциплин,
без серпов, крестов и свастик,
без прилавков и витрин.

Когда б вы знали, что за счастье
принадлежать планете только и себе.
Оказывать им всякое участие,
заботиться об их судьбе.

Не лезть в чужие жизни, не мешать героям,
а трусов предоставить самим себе.
Гордиться лишь своим духовным строем
и верной быть одной единственной звезде.

СКУЧНЫЕ, ЛЕНИВЫЕ, МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ

Никакой рекламы, никакого бабла, никакого продавливания.
Никакого пиара, никаких связей, никакого блата, никакого приравнивания.
Чистая любовь и только чистая надежда. Наичистейшая вера в Него и в себя.
Ни терема Рублёвские, ни бренд-одежда не закроют тебя от тебя.

Вот она – весна на ладони...
Третья, или четвёртая по счёту весна,
когда ты нарывом горела,
как воспалённая стужей, десна.

Нормальная рифмочка, да? Нет претензий?
Вы ведь рифмы ждёте? Её, господу?
Скучные, ленивые, маленькие люди...
Всё ждёте... головы Крестителя на блюде,
считая свои и чужие стада.

А вы возвращайте любовь к человеку.
К его выбору, телу, слабостям.
Входите с ним каждый день в его реку,
Кланяйтесь его горестям, кланяйтесь его радостям.

Самое большое и самое лучшее,
что вы можете сделать – приблизиться.
А так... оставайтесь там, где хотите.
Хотите плывите, хотите летите, хотите стойте...
там, где стоите.

Я, скорее всего, «не в том направлении»,
«не в той эпохе», «не в той лохани».
Я, скорее всего, вне всякого направления.
В нежном вдохе, в нежном дыхании.

Мы с вами навряд ли встретимся –
архитектура души не позволит.
Мы изнутри по-иному светимся.
В нас и боль по-иному стонет.

Вам, вероятно, жаль меня.
А мне вас жаль вдвойне.
Вы выиграли битву сего дня.
А я победила в войне.

В голову мою проложена дорога.
Моё сердце – дом, в котором царствует прислуга,
где цари снимают обувь у порога.
Стрелка на часах моей души вылетает за пределы временного круга.

Вдохновение приходит с холодами.
Ветер в двери – на сердце огонь.
Каждый год в одно и то же время
лист ложится под ладонь.

Что у них родится – я не знаю.
Может – пчёлка, может быть – цветок.
Может, под линеечку остриженная чёлка,
может, с корнем выдранный, волосатый клочок.

Была такая сладкая погода...
и вдруг – едва заметный холодок
прошёл сквозь теплоту у входа,
накинув по пути мне на плечи платок.

Одно прикосновенье... как ожог,
одно открытое объятие,
один над пропастью прыжок,
один желанный миг ненастья.

Любовь соединяется с любовью не устами,
не пальцами озябших рук,
не православными крестами,
а сладостью безумных мук.

Любовь расходится с любовью не речами,
не жестами отчаянья, не пустотой в измученных глазах,
не, на помин зажжёнными, свечами,
а войнами на Небесах.

СКОРО ВЕСНА...

Скоро весна...
Снег поплывёт
по тёплому телу поля.

Скоро весна...
Свет разольёт
по чистой душе воля.

Скоро весна...
Смерть отойдёт,
выпадет лучшая доля.

Скоро весна...
Сок наберёт
память небесного моря.

НЕЖНЫЕ ОСКОЛКИ

Какие нежные осколки –
твои глаза...
Видно, душа упала с полки
и разлетелась в голоса.

Всё ожило в тебе, заговорило:
то шепчет вечер, то ночь кричит.
Паденье из тебя молитву сотворило,
в которой музыка звучит.

Но, даже если б я хотела...
И, даже если б я могла...
Я не смогла вернуть бы тела
того разбитого «стекла».

Всё, что можно сказать в этой жизни – сказано.

Всеми и обо всём.

Всё, что могли развязать – развязано.

Всё, что узлом завязано – донесём.

Всё, от чего умирают и то, чем живут:

все боли, болячки, болезни

жуют нас – не пережуют –

танцуем всё то же, поём те же песни.

Не переделать нас. Не переткать.

Не слепить нашу глину в другую чашу.

Той же слезою будем стекать.

В том же храме оставим свечку нашу.

ПОБЕГ

Бежать...

Из северного ветра, из Шопена, из Москвы.

Бежать...

Запомнив и забыв. Свободу дав покою.

Бежать из солнца, из сирени тьмы

и рядом с серебром на дно упасть последнею строкою.

Бежать из полуобещаний, полуобморока, полутени-полусвета.

Из полусна бежать. Из полулета.

Из бреда... Из оазиса, пустыни.

Бежать из слов, из тишины. Из вседозволенности, из гордыни.

Разбиться по дороге.

Заново себя скроя, изгнать из всех «заутрень» и «обедень».

Оставить в теле эхо соловья,

да летней суки лая ледень.

1

Кому-то – розовый венок.

Кому-то – лавровый.

Кому-то – шапка за порог.

Кому-то – бант муаровый.

Кому-то – свет под абажуром.

Кому-то – тьма среди бела дня.

Кому-то – мёд тужур-бонжура.

Кому-то – серо-будничная тля.

2

А когда-то – окно высоко высокое.

Надувало в него снег к подоконнику.

Пьяное время плыло в глазах с поволокою.

Плакало сердце, как живой по покойнику.

А когда-то – за стенкой брань коммунальная.

В кастрюльке пепел сожжённых писем.

Не мечта, а мечтёнка в душе банальная.

Череда летящих во сне нескончаемых лет и зим.

3

Я хочу жить Солнцем.

Лагуной дышать, пить лунный нектар.

Я хочу жить Солнцем.

На ветру звенеть колокольцем,

подымать себя над водою клубами,

как подымает озеро над собою закатный пожар.

4

Я – свидетель вашей нежности.
Наблюдаю ревниво, как вы пьёте друг друга.
Ваши тёплые реки сливаются в вечности,
за пределами Северного Полярного круга.

5

Мне всё равно, чьи на тебе снега.
Я могу своим вторжением
нарушить твои нерушимые планы.
Могу внезапно стать поражением,
сорвать в твоих поездах все стопкраны.

Мне всё равно, чьи на тебе снега.
Я люблю тебя в твоём «сугробе».
Меня манит твоя, подо льдом, река,
как манит свет нерождённого в материнской утробе.

Мне всё равно, чьи на тебе снега.
Они сойдут, стоит ко мне подойти ближе.
Заиндевелые твои берега
моё дыхание жаром оближет.

6

Мы отдаём себя любимым.
Их демонам и их богам.
Их воинам непобедимым
бросаем жизнь свою к ногам.
Мы отдаём себя любимым.
Их поражению, их торжеству.
Как вера в храме отдаётся
глухонемому божеству.

7

Что бы мы не делали –
мы ждём, мы ждём, мы ждём.
Мы ждём любого зонтика,
когда мы мокнем под дождём.

Ждём у окна и у двери,
у памятников, у витрин,
на солнцепёке – метели,
в Новый год – мандарин.

Ждём звонка, пинка, подвоха.
Ждём, когда нам хорошо,
ждём, когда нам плохо.

Мы ждём начала, ждём конца,
развода ждём и ждём венца.
Ждём к ужину цыплёнка,
а к завтраку яйца.

Ждём трамваев, пароходов,
самолётов, поездов,
Дон Жуанов, Дон Кихотов,
благородных, подлецов.

8

Ваше сердце кем-то съедено.
Для меня ничего не осталось.
Значит, зря я ночами бредила,
от желанья к желанью металась.
Значит, страх на любовь меняя,
раздувала угли зазря.
Беспощадность волны извиняя,

продолжала бросать якоря.
Значит, осень лимонно-жёлтая
откупилась случайной потерей...
Ваше сердце живое, но мёртвое
не воскреснет в моей метели.

ВЕСНА

Зелень выедает глаз.
Тепло в открытом небе нежность носит.
Рыбак, пристроив тощий зад, у мутной речки рыбы просит.
На люстре солнечной горят ожогами лучи-подвески.
Росою многоточечной окроплены природы фрески.
У птиц одна обязанность – полёт.
С ума сошли слова, желанья, чувства.
Святого поцелуя ищет рот, а тело жаждет пошлого безумства.
Бесстыдница, распутница, блудница,
как сука течная, пометила все облака.
И каплет с них не то слюна, не то водица,
не то надой парного молока.
Укрыться некуда.
Открытое пространство заполнили невинность и порок.
Едино изнывают и дворянство, и крестьянство,
исправно отработывая долгожданный свой «оброк».
Прохладных простыней отрада
над всем, что бодрствует и спит.
Вокруг всех душ незримая ограда
Весны..., которая любовь хранит.

БАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ОСОБИ

Лица, лица...

Глаза, глаза...

Желания новой любви и нежности.

Квадратиков пёстрых живая страница.

Каждый миг дыхание свежести.

То междометья, то слов вереница.

Лица, лица...

Глаза, глаза...

Кто судья, кто монах, кто блудница,
в кого смешинка упала, в кого слеза.

Лица, глаза...

Лица, глаза...

То образы, то образа.

То носорогий трудяга-жук,
то июльская лень-стрекоза.

Глаза, лица...

Глаза, лица...

Деревня, город, столица...

кто смеётся, кто злится,
кто никак не простится.

Лица, лица...

Глаза, глаза...

Агат, янтарь, бирюза...

Алмазов сердечных россыпи.

Бал Человеческой Особи.

Вкусов и степеней полюса.

Из неведома голоса.

ПАРАДОКС

Болела левая нога,

а отказала правая.

Светила белая луна,

а освещала путь кровавая.

Летела птица из гнезда,

а долетело пёрышко.

Сияла зимняя звезда,

а догорело красно солнышко.

Лепился замок из песка,

а оказался из воды
наполовину.

Свистела пуля у виска,

а угодила в пуповину.

Зачат был прошлогодний снег,

а родилась весна под
небесами.

Жил симпатичный человек,

а умер дяденька с усами.

Я знаю, кто ты. Ты – мой призрак.
Тень моих желаний, моих свобод.
Моих смятений неумный признак,
накрасивейших красот урод.
Твой замок – на песке, твои посулы – пыль.
Ты – пух на волоске,
сребристо-пепельный мотыль.

ВРЕМЯ-ОДИНОЧЕСТВО

Есть время вечернее,
есть время утренней звезды...
А есть Время-Одиночество,
когда с собой переходишь на «ты».
Когда глаза в него – как в небо,
когда... тишина тиши...
Когда тебе послушно тело его космической души.

ВЛЁТ

Люди влетают друг в друга
не потому что их кто-то просит.
А потому что их
метелью друг в друга заносит.
Им нестерпимо холодно
на островах своего одиночества.
Им не увидеть солнца
с высоты своего высочества.

Люди влетают друг в друга,
себя разбивая в осколки.

Люди влетают друг в друга,
раня себя о иголки
глупостей маленьких и побольше,
тонких намёков, и даже тоньше.

Влетают люди, забыв осторожность,
забыв снять обувь
после прогулки по лужам.
Влетают люди, забыв про возможность
рядом пройти, никого не нарушив.

У этих людей беспокойных
всегда наготове влёт.
В меня столько раз влетали...
и теперь я – подбитый пилот.

А над нами –
огромное небо,
влетай – не хочу.
Только скучно
летать бесцельно и слепо,
приземляясь благополучно.

Я поселила Бога у себя.
Мы с ним на «ты», а как иначе...
Мы оба против пустоты,
а белые листы тем паче.

Мы вместе пишем глупые слова,
а умных – нет, и слава Богу.
И даже точки голова
не подведёт к разумному итогу.

Мы породнились: Бог и я.
Мы за одно. Всё в нас едино.
Его фантазия – моя.
Моя рука – его картина.

Он, словно раб в груди моей –
желает вырваться наружу.
Но всё же я его сильнее –
единство наше не нарушу.

НОЧЬ

Поразительна призрачность звёзд...
Нынче небо так просто одето:
чёрный ситец с луною внахлёт,
а под ситцем – усталое лето.

Ночи стали породистой, что ли...
В длинных гривах баюкая сон,
топчут кони ленивое поле,
изгоняя из ботала стон.

Ночь... души ароматов прохлада...
Крики, шёпоты, страхи, мольбы,
откровения, страсти услада...
Тьмы и света повсюду следы.

Вьётся дымка чуть выше колена,
у запястья искрится роса...
Выйдешь утром из сонного плена
и зарёю уйдёшь в небеса.

РАСПАХНУТОЕ СТЕКЛО

А когда-нибудь будет тепло.
Мы сядем в лёгкую лодочку,
наступая на мокрое дно
и меняя его походочку.

Будем в небо глупо смотреть,
замирая от вида обычного,
Будем песни старинные петь,
избегая голоса зычного.

Только наша музыка и тишина.
Наша сила и наша слабость.
Я поцелую твоим буду временно сражена,
а ты на вёсла наляжешь, срывая на них свою радость.

И будет солнце высоко и низко луна,
и отраженья наши в серебрянном утре размытые.
И, может быть, мы, наконец, соблазним Нептуна,
падая в его объятия раскрытые.

Когда-нибудь будет тепло.
Совсем, навсегда, вечно.
И всё наше, распаханное настезь, стекло
будет звенеть чистотой безупречной.

Всё полезно.
И это полезно, и то.
Шапка на голову не полезла.
Ну, и шут с ним, что холодно. Свобода зато.

Я всё богаче и богаче.
Я столько из себя могу достать...

По мне налоговая плачет .
Я прииском успела стать.

НЕТЕРПЕНИЕ ЧУВСТВ

Она сегодня трезвая –
как пьяная вчера.
Ей мало себя самой.
И других ей – мало.
Она устала листать
тёмно-синие вечера,
пропахшие зноем
и острой горечью сандала.

Она хлебает любви ложкой.
Ей кажется, что любая из них – любовь.
Она подталкивает чувства белой ножкой,
и вместе со слезой стирает с щёчки кровь.

Она пьёт суррогаты наслаждений,
вбирая яды в свой красный рот.
Вдыхает ароматы и зловония словесных испражнений,
погружаясь до пружин в медовый пот.

К ней нетерпенье падает на жадные колени.
Она не возражает, не гонит прочь.
Так сука нежит радость материнской лени.
Когда все спят – свободой кормит ночь.

Она сегодня трезвая –
как пьяная вчера.
Ей мало себя самой.
И других ей – мало.
Она устала листать
тёмно-синие вечера,
пропахшие зноем
и острой горечью сандала.

ОПЛЕУХА

Все Их жизни и смерти слетелись сегодня ко мне.
Зачем? Кто звал? Я сегодня не в духе.
Этот важный голубь на белом окне,
видимо, утешение моей оплеухе.
Надо бы встать, насыпать пшена...
Нет. Я сегодня любви лишена.
Тряпичной куклой валяюсь.
Зная себя, себе удивляюсь:
откуда такая лень, онемение сердца откуда?
На блюдо ночи положен день,
в игольное ушко вошли два верблюда...
Нет ничего невозможного, и возможного – нет.
Звенит хрусталём общепитовская посуда.
Мне сорок семь по паспорту лет,
а я до сих пор не боюсь пересуда.
Начхать мне на высшее мнение
самых сочных и смачных штампов,
самых круглых печатей и штемпелЕй!
До крайней степени презираю сатрапов
всех континентов и всех волостей!
Вы сизогрудого не пошлёте.
Вы пошлёте инфаркт на казённом бланке.
Пусть. Пусть мой фрак в голубином помёте,
зато спина не теряет осанки.
Спина возлежит на удобной кровати,
не спит, ворочается...
А положи её на полати –
враз скособочится.
И то ей не эдак, и это не так.
Спина, твою мать! Вставай, работай!
Тебя б на неделю в тот самый ГУЛАГ,
чтобы взлетела ты верхней нотой!
Чтобы мозг твой от спячки очухался,

начал, как и положено ему – со-о-бразжать.
Бабы... когда на спине лежите,
не забываете – придётся рожать.
А после – грудью вскармливать,
из души тепло доставать,
время бессонницей останавливать,
умирая от счастья, страх оживлять.
Господи, как же обидно,
когда садится на щёку обычная муха,
ты её – бац, ей – ничего, а себе – оплеуха.

Ваше отсутствие толкает на преступление.
Маленькое такое, наивное преступленьце:
что-то вроде окурка в пепельнице,
или в глазах наводнения.

Вы думаете, я мечтаю вам понравится...
а мне чихать на ваш рецепторный настрой.
Я и без вас могу собой прославиться,
на этот счёт в моей душе покой.

Понимаю... я угроза вашей скорлупе,
в сердце лёгкое недомогание.
Гляжу на ваши блефы зрением крупье
и нет во мне для вас ни капли сострадания.

И на черта вам вся эта забава?
На той же карусели тот же леденец?
Обманы всех сортов, иллюзии отрава,
разочарования свинец?

О, Боже, как же я устала
спускаться к вам, карабкаюсь наверх...
Так струи, бьющие до неба из фонтана,
переживают сразу и паденье и успех.

ДИАЛОГ

Сам Бог тебе на ухо шепчет: «умница».

Мало тебе?

Ты довольно знаешь святая распутница
о своей человеческой судьбе.

Знаешь кривды и правды судей,
чёрные дыры в глазах палача,
силу отдачи смертельных орудий
и силу родного плеча.

Замка тебе не выстроить
на песке.

Радости не выкроить
на чужой тоске.

Ни зуд порока,
ни суд пророка
тебя не держат на волоске.

Ты имеешь всё, что хотела:

и наряды,

(мне некому их показать)

и хрустальные вазы,

(мне больно цветочные стебли срезать).

В тебе есть огромная сила.

(но сила моя никому не нужна,

нужна моя слабость,

а слабости я лишена).

Твой берег змеится не пляжем у моря.

(знаю: мой берег – твоя ладонь).

В ней для тебя всегда найдётся

и белый сахар и жёлтая соль.

Тебе подарен сердца маковый трепет

и мудрости детский лепет. Пой.

(Да, это чертовски весело –

одной воевать с толпой.

Лишь мира меж бойцами

желаю я.

И мне не стыдно перед мертвецами
за то, что живая я).

Мне не подходят путешествия в астрал.
Не возбуждает, расслабляя, йога.
Земные мне приятнее ветра
и предпочтительней среда земного Бога.

Я – здесь. Сейчас. Под снегом и дождём.
Под зябкою луною. На ладони солнца.
От русской плоти духом дух рождён
на грани двух планет в созвездьи Змееносца.

Я – океан. И я – источник.
Я есть и личность, и личина.
Я – только истины подстрочник.
Я – сущего первопричина.

Я – корабль, терпящий бедствие.
Каждый день, каждый час, каждый миг
на моём борту происшествие,
высочайшей трагедии пик.

И пусть я погибну в бою.
Нет лучшей могилы, чем поле боя.
Нет жизни в желанном раю,
как в смерти желанной – покоя.

КОГДА-НИБУДЬ

Не всегда будет лето.
Не всегда с неба будет падать звезда.
Не всегда будут ждать у окна где-то.
Не всегда уносить будут вдаль поезда.

Когда-нибудь жаром грудь обольёт,
маятник остановится.
Когда-нибудь время вспять повернёт,
что таилось – откроется.

Когда-нибудь каждую строчку выпьете,
каждый пробел вдохнёте, впитаете каждый звук.
Когда-нибудь вместе со мною войдёте
в замкнутый словом порочный круг.

Из этого круга выхода нет.
Он сам – Выход.
Безумный, жадный до обмороков балет,
живущий не ради денежных выгод.

Когда-нибудь скрипкой заплачет сердце,
горло сдавит горячей струной.
Когда-нибудь разудалое скерцо
громом грянет над головой.

Когда-нибудь светлости вашей захочется
не на подушку, а под гранит.
Когда-нибудь память пикой заточится
и ваше мягкое сердце пронзит.

Симфония мира заполнит все поры,
все капилляры вашего «я».
Под слабой ногой разойдутся горы,
в открытое небо войдёт земля.

Не всегда корабли отдыхать будут в розовой гавани.
Если солнце в зените – значит скоро спускаться с горы.
И неважно, в каких океанах вы плавали –
вы окажетесь снова у той же прибрежной черты.

Всё повторится. Всё повторится.
И Это, и эТо, и этО.
Приблизившись, отдалится,
как позапрошлого лето.

ПЯТЬ ВОПРОСОВ ОДНОМУ...

Я могла бы Вам подарить
свою нежную кожу.
Но она тесно связана
с не менее нежной душой.
Я могла бы взойти к Вам на ложе,
но от Вас нестерпимо разит анашой.
Где Ваш обещанный здоровый образ жизни?
Как можно так себя, родного, не любить?
Зачем же Вы хотите раньше срока
и фас, и профиль безоглядно погубить?
Задумайтесь хотя бы над одним из трёх вопросов.
Уверена – считать не разучились Вы,
не утеряли в призрачном тумане
седо-брюнетной Вашей головы.
Простите тон, на правду намекающий,
простите полдень, зноем изнывающий.
Бесценный мой, покинутый любовник...
Друг злосчастный, варвар юных дней моих,
тюрьмы своей примерный уголовник
как нынче пьётся за двоих?
Как дышится на дне колодца,
в который с радостью шагнули Вы?
Уверена, мой друг, Вас обманули –
в нём нет ни капли для похмельной головы.

ЛЮБЛЮ

Люблю воздушные немнущиеся ткани.
В них тело празднует свободу,
каждой клеткой пьёт полёт.

Люблю алмазные, отточенные грани,
в них огонь, всегда переходящий в лёд.
Люблю отважность мысли и движенья,
безумство страсти, дерзость новизны.

Когда победа терпит поражение
и флаг её искрит от белизны.

Люблю по первому ноябрьскому снегу
легко пройти, оставя слабый след.

Люблю, войдя в ночную реку,
смешать с водою лунный свет.

Люблю все ароматы мая,
новорождённость липкую люблю.

Когда распахнуто окно земного рая
с пчелою вместе я пою.

Люблю просветы в грозном небе,
и блики солнца в хрустале,
и, выпавший случайно, стебель
из синей вазы на столе.

МИГ

За час ничего не изменится.
Изменится всё за миг.
Нарядная скатерть постелется
и будет развязан язык.

За час ничто не изменится:
ни облако, ни судьба.
Вся жизнь одним мигом мерится
Вся жизнь – лишь часть пирога.

За час изменить невозможно.
Но можно предать за миг
что вживлено подкожно,
к чему душою приник.

Нельзя за час измениться,
а вот за миг – легко.
Когда ты вдруг обнаружишь
себя от себя далеко.

У мига глаза пророка.
В конце их тоннеля – свет.
Но, несмотря на это
ему очень мало лет.

МАЯТА

Что-то нынче в природе не то...
Что-то нынче не то в атмосфере.
Что стало вдруг тесно в пальто
и просторно в холодной квартире.

То ли мысли блинами спеклись,
то ли чувства с цепи сорвались...

Что-то тянет в душе и мычит.
Что-то тихо рыдает в желудке.
Старый кот на собаку рычит,
а у пса вместо глаз забывудки.

То ли грома небесного ждать,
то ли время настало рожать...

Что-то как-то никак не пойму...
Может где-то программа сбилась...
Может, кто подорвал Луну,
или Солнце с орбиты свалилось.

То ли грудь размята тоской,
то ли мятный в груди настой...

Что-то нынче в природе не то...
Что-то нынче не то в атмосфере.
Что-то русскую душу гнетёт
и терзает в обычной манере.

ДЕВУШКА И ТУМАН

И вот, наконец, появился...

как долго тебя я ждала.

Ни слух, ни глаз не удивился.

Зацепился крючок за петельку,
надежда руку подала.

Сначала поодаль остановился.

Замер. Решил, что не замечу я.

С каких же гор ты в ноги мне спустился,
с какого поднялся ручья?

Не извиняйся. Не заботься о прощенье.

Мне в твой приход до сей поры не верится.

Мечта моя – тебя обнять.

Но и она, как ты – вот-вот рассеется.

ПОДНИМАЙСЯ ЗА МНОЮ **читать снизу вверх**

будут цвести в небесах померанцы.
Сегодня ровно в час пополудни
Сегодня ни облачка – значит, танцы.
Остались в прошлом хмурые будни.

Рвутся на волю градины-слёзы.
Вьюги-метели свиваются гнёздами.
их провожают фантомы-грёзы.
Реки туманов блуждают меж звёздами,

нежатся пары седых голубей.
А в простынях пурпурно-лиловых
лижет ковыль небесных степей.
Ветер гуляет в садах вишнёвых,

прямо в ладонь благодати земной.
Падают ливней спелые гроздьё
облако – странник с дырявой сумой.
В этом доме птица – гостья,

солнце, да изредка – гром.
В нём не найдёшь ни вина, ни хлеба –
Это и твой дом.
Вот он – мой дом. Посмотри на небо.

тебе покажу...
я такое
неспроста на крыше –
Мы с тобой

я поддержу.
не бойся –
выше...
выше,
Поднимайся за мною

Творящие не ведают, что творят.
Смотрящие не ведают, что смотрят.
Говоруны не ведают, что говорят.
Молчащие – и тем, и этим праздник портят.
Все участью своей довольны.
Вниманием друг друга польщены.
На вид отзывчивы и сердобольны.
За все грехи при жизни прощены.
Смятенна их душа.
Нет ей, безумствующей, покоя.
На всех лежит одна парша.
Я – среди них. Но всё же далеко я.

Имя мне – ожидание.
Суть моя – созидание.
Боль моя – осознание.
Пыль на мне мироздания.

Я пришла разрушить ваши дома,
стены сломать и построить Свободу.
Снять с ваших душ и тел покрыва,
мегаполис ваш заменить на природу.

Вырвать озноб свой из вашего сердца,
роняя угли на жадный лёд.
Взять в оборот и англичанина, и немца,
французу поцелуем запечатать рот.

Опрокинуть ваше застолье на белую скатерть,
чтоб алым пятном от стыда зарделась.
Забить ваших кукольных гномов насмерть.
Хочу, чтоб жизнь перед вами шлюхой разделась.

Я шла не по шёлку.
И ветер мне не дышал в затылок, а бил наотмашь в лицо.
Шла по розам спитых бутылок,
благодаря их пятками за преотвратное, дешёвое винцо.

Так целомудренно и бескровно ещё никто не ходил.
Моя луна за вашим солнцем едва поспевала.
Мы могли потерять одно из двух светил,
но когда ваше солнце ложилось – моя луна над вами вставала.

Грешен мой ангел, грешен,
уже не звенит струна.
Крылья сложил, безутешен,
ждёт своего суда.

Страх дрожит слезою у глаза.
Вечер, скоро луна.
Его сегодняшняя проказа
будет с ним казнена.

Их заставят дать показания,
отпечаток снимут с души,
зачитают слова наказания,
не дадут дожить до луны.

Ни залого, ни выкуп, ни нападение
не помогут их крыльям взлететь.
Их смерть станет их днём рождения.
А жизнь помогла умереть.

ЧУДЕСА ВЕСНЫ

...и как-то запросто слагаются стихи...
и как-то легкомысленно струится проза...
и как-то без обычного рапида забываются грехи...
в бокале пятый день не вянет роза...

...необъяснимо невесомы все предметы в доме...
прозрачно-призрачный плывёт над лампой абажур...
стулья подняли зады, качаются в томительной истоме...
стол демонстрирует, невиданный по красоте, аллюр...

...плетутся вензеля надежд и планов...
но как-то без особенного трепета,
без фанатизма,
без температуры...
желанья превращаются из лилипутов в великанов...
кот орёт со знанием всех тайн колоратуры.

...варенье льётся мимо рта...
и мимо – лёд, и мимо – скука...
всё мило: завершённость круга
и нескончаемость креста.

СЧИТАЛКИ

Тело

Тело же моё – скорлупка.
Оно бело, тонко, хрупко.
Оно падко, шатко, валко.
Ему больно, его жалко.

Оно ходит, спит, сидит,
едет, плавает, летит,
доит коз и травы косит,
на подушках душу носит.

Моё тело – молодец!
Не дрожит, как холодец,
не течёт яичком всмятку,
и не плавится в свинец.

Тело любит ванну с паром,
покрывается загаром,
жмётся в стужу к жаркой печи,
задувает на ночь свечи.

Тело рядится в наряды,
строем ходит на парады,
тело – раб и господин,
в теле я всегда один.

Тело – плоть, и тело – тень.
Тело – труд, и тело – лень.
Тело – рана и броня.
Тело – Бог, и тело – я.

Меланхолия

Никому меня не надо.
Ни грудей моих, ни зада,
ни стихов моих, ни прозы,
ни моей помятой розы.

То ли уксусу хлебнуть,
то ли в речке утонуть,
то ли выйти в чисто поле
и в два пальца свистануть.

То ли счастье, то ли горе,
то ли лужа, то ли море,
то ли слёзы, то ли смех,
то ли святость, то ли грех.

То ли, то ли... столько боли...
сколько звёзд на небосклоне.
Раз, два, три, четыре, пять –
всех болЕй не сосчитать.

Раз, два, три, четыре, восемь –
ничего от вас не просим.
Раз, два, три, четыре, пять –
меланхолия опять.

Поговорочка.

Птичка кормит птичку, пока птичка со спичку.

А как птичка с клеста – вон из гнезда.

МИЛЫЙ, МИЛЫЙ ОКУДЖАВА

Милый, милый Окуджава... Но что он делал... Он стоял и тихо пел.

Он пел, а мы в это время теряли сознание и, даже, больше – наши души покидали храмы наших тел.

Милый, милый Окуджава... Он стоял... и он – летел.

Почему я не богиня, Господи?

Почему я сижу на стуле, а не на облаке – том, что на небе Твоём за моим окном?

Почему я пишу свои мысли словами, а не шелестом листьев, не пожаром ночным, не парным молоком?

За что наградил Ты меня смятением? Душевная мука. Беспокойство, умноженное на века.

Я – не богиня, Господи. Но и не женщина. Знаешь, я уже река.

И оголтелая, и ленивая, и покорная, и спесивая.

И лучше бы Ты подарил мне свободу легко покидать берега.

Чтобы могла я в любую погоду раздевать своё мягкое дно донага.

Чтобы могла я летать весною с ветрами наперегонки.

Чтобы всегда, когда будешь рядом, смывала кровь с твоей белой руки.

Я не богиня, Господи. И не женщина. И не река.

Я – пыльца, серебром покрывающая чёрного мотылька.

Или, нет... Я – самый тёплый на свете плед из листвы и моха в ненастный день.

Я – часть твоего отражения, Господи. Я – твоя светотень.

Первопричина сущего – любовь.
Всё для неё и затевалось, в общем.
Ну, так какого же тогда на жизнь-то робщем?
Льём, понимаешь, слёзы, пот и кровь?
Откройте дверь в любовь и заходите.
Будет лучше, если вы войдёте тихо, словно в первый раз.
Когда войдёте – ничего не говорите.
А если и решитесь – умоляю, без прикрас.
Пожалуйста, без пафоса и без восторгов –
любовь не терпит громких слов и суеты.
В ней столько же родильных, сколько моргов,
и столько же уродства, сколько красоты.
Входите тихо, с пятки на носочек...
И, избегайте одиночек-точек.
Пусть будет многоточие во входе и за ним.
Любви за шагом шаг необходим.

Да какая к чёрту разница, съёмное жильё, или своё?
Здесь – всякое жильё, ребята – съёмное.
Да какая к чёрту разница, табурет кухонный, или трон?
Задница – остаётся задницей. Что на одном, что на другом.
Да какая к чёрту разница, век ли, день?
День можно раздвинуть в столетие, если не страшно, если не лень.
Да какая к чёрту разница, сон ли, явь?
Сон и явь друг друга меняют, как меняет любовников блядь.
Какая разница меж океаном чёрным и белой рекой?
Я уверяю вас – ни-ка-кой.

29 марта 2010г. Взрыв в Московском метро
МОЛИТВА

Не окажись в том вагоне.

Умоляю, забудь что-нибудь за дверью и воротись.

Не окажись в том вагоне.

Остановись у витрины, у киоска газетного остановись.

Не окажись в том вагоне.

Я держу твой пульс в своём сердце – я не отпускаю тебя.

Не окажись в том вагоне.

Я люблю тебя, слышишь? Ты должен услышать меня.

Не окажись в том вагоне.

В огне, в предсмертной агонии не окажись.

Не окажись в тот миг на перроне,

и даже рядом с метро – не окажись.

Я делю с тобой это небо,

эту землю, и эту жизнь...

Мы похожи, как крошки хлеба,

как на веточке пара вишень.

Заклинаю тебя всем, что дышит,

всем, что уже отцвело и прах,

всем, что жаром божественным пышит,

всем, что зло и рождает страх:

не о-ка-жись в том вагоне...

и на перроне в тот миг – не о-ка-жись...

Сохранись, умоляю, ладонью в ладони,

в жизни своей и моей сохранись.

29 МАРТА

Чья-то весна не продолжится,
не перейдёт в лето...
Чья-то Книга крыльями бабочки сложится,
жизнь перейдёт досрочно на сторону света.

А ведь только всё начиналось...
Зима с теплом повенчалась,
неба глаза голубые открылись,
влажные ветры оземь разбились.

И вот же он – весенний гололёд.
Повсюду льёт любви тягучий мёд,
смеются окна и рыдают крыши...
И только мы с тобою стали тише.

И тише, и нежнее, и сильней.
И сердцу от весны ещё больней.

Как сильно в нас отсутствие достоинства...
Не «задранного носа», не «упрямой правоты»,
а именно, отсутствие Достоинства –
высокой ноты самоуважения и благородной простоты.

Как слабо в нас дыханье совести...
Не «беспокойства», не «терзаний», не «стыда»,
а именно, дыханье Совесть –
великого душевного труда.

Как мелки в нас прозрения шаги...
Не «вспышки прозорливости», не «острые предчувствия»,
а именно, Прозрения шаги –
открытые глаза души на мира самочувствие.

Как в нас губительно сознание одиночества...
Не «свой каприз в уединении любя...»
а именно, сознание Одиночества –
как добровольное изгнание в себя.

Как сильно в нас... как слабо в нас...
как мелко в нас... как в нас губительно...
Как умещаем весь иконостас
в едином храме... поразительно...

Грех цепляется за грех,
лодка просит водного пространства,
ищет праздник дома, полного утех,
власть желает королевского убранства.

К счастью счастье прилагается,
к миру – мир, война – к войне.
Горе к горю прижимается,
к пыли – пыль, трава – к траве.

Степь бескрайняя – к ладони неба,
речка струйная – к щеке земли.
К рту голодному – краюха хлеба,
к сытому – сметанные блины.

Сплетня хочет новой сплетни.
Оговор – склонённой головы.
Испокон веков плетутся сети
беспощадной человеческой молвы.

Смех цепляется за смех,
руки – за руки, движенья – за движенья.
Снег слетается на снег.
Всё бесстыдно жаждет продолженья.

Нас предавали, предают, и будут предавать.
Мы умираем, потеряв любимое плечо,
от болевого шока. Нам плевать
на зимние морозы – предательство жжёт нестерпимо горячо.

Нас равнодушием, как розгами секут.
Мы истекаем кровью на радость тем, кто не забыт,
кто свой паёк исправно получает,
кого для прибыльных забегов берегут.

Свечёй, огарком от свечи,
иль только копотью на потолочном небосклоне,
неважно: жители глубинки, или москвичи –
все мы вращаемся в одном центростремительном циклоне.

Уверены, что трюки «Высшей Школы» выполняем.
Ложь. Пробуем жанглировать одним мячом.
Занятия «кликбеза» из-под палки посещаем.
В чём нас не уличат – мы, вроде, ни при чём.

Слепили быт на тройку – на четвёрочку.
Живём, жуём, опять живём.
И хочется икорочку на корочку,
и хочется Ди Каприо живьём.

И хочется, и колется, и чешется.
И нет возможности злосчастный зуд унять.
И если у кого чего имеется,
потребность возникает умножать.

И умножаем, множим, размножаемся,
деля и вычитая, отдавая на размен.
За единение на всех фронтах сражаемся,
а гибнем в одиночку, попадая в свой же плен.

Нас предавали, будут предавать, и предают,
и зябнет, враз осиротевшее, плечо.
Нас равнодушием, как розгами секут,
но всё же это лучше, знаете, чем «просто ничего».

МЫ

Мы с вами одинаково мудрёные.
Словечки подбираем одинаково ядрёные.
Футбол глядим – и одинаково ругаемся.
Фастфудом с голодухи одинаково питаемся.

Стекаемся ручьями в океан,
сливаем боль в один стакан,
в одну косу вплетаемся,
на свет один слетаемся.

Мы – одинаково несхожие:
кто слякотные, кто погожие.
Мы – дни, мы – годы, мы – века.
Мы – бесконечности река.

Мы ходим все вокруг, да около.
Меняем воробья на сокола.
Зеваем, отходя ко сну,
зеваем рано поутру...

Мы все одинаково одиноки –
неважно, овцы мы, или волки.
Мы одинаковы до безобразия –
будь то Европа, или Азия.

Жизнь наша – мука:
то встреча она, то разлука,
то бархат, а то дерюга...
и ветер один на всех – и с севера, и с юга.

Мы все – разнопохожие.
Равногреховные, плохихорошие.
Мы все – истинноложные.
Разновеликие, равноничтожные.

Мы все – песок со дна.
По сути – врозь. Но суть – одна.

ДЕТСТВО

Детство – когда ты берёшь, что дают.
Когда тебе безразлично – откуда.
Когда благодарен за каждое чудо.
Когда, где угодно найдётся приют.

Когда тебя ранят, когда тебя бьют,
и всё заживает, как на собаке.
Когда ты выходишь спасённым из драки –
тягучие ливни из глаз твоих льют.

Когда переход от трагедии к фарсу
так незаметен, что впору уснуть.
Когда каждый день отправляешься к Марсу.
Когда леденец предлагаешь лизнуть.

Когда, забираясь к родителям в койку,
мечтаешь всю ночь между ними проспать.
Когда выправляется двойка на тройку,
чтобы в проклятом углу не стоять.

Когда твоя память такая короткая,
что можно на пальчик её намотать.
А душа – словно, щепочка лёгкая,
и не страшно её по ручьям отпускать.

СВЕРХУ ГОРЯ НЕ ВИДАТЬ

Сверху горя не видать.

Сверху – всё умыто и причёсано.

Сверху весело плевать.

Сверху – всё до брёвнышка обтёсано.

Сверху не видать ни страха, ни потерь,
ни сердец разбитых, ни разбитых блюдец.

Сверху не видать людей.

Не видать ни городов, ни улиц.

Сверху можно наблюдать Покой.

Умиротворение. Идиллию.

Сверху можно зачерпнуть рукой
корабельную флотилию.

Можно пальчиком в вулкане ковырять,
изучая факт землетрясения.

Можно слёзы в океан ронять,
доводя его до градуса кипения.

Можно пазлы собирать
из лесов, полей и горного массива.

Можно с облаками в «рай» играть.

Можно в «ад». Но это менее красиво.

Ни тебе ни вечера, ни утра...

Ни казнённого, ни палача...

Не видать ни глупого, ни мудрого,
не видать ни галки, ни грача.

Скучная обязанность у Бога –
за Покоем наблюдать.

Как-то это не по-божьему убого –
из-за расстоянья мер не принимать.

ЗИМА

Ещё одна зима упала с неба,
ещё одна разбилась на метель,
ещё одна соперница из снега,
ещё одна остывшая постель,
ещё одна освободившаяся сила,
ещё одна пленённая строка,
ещё одна стрела себя пустила,
ещё одну мечту надежда соткала.

Ни мысли, ни чувства, ни звука –
такая внутри тишина...
такая немая мука –
поражена.

Ни силы, ни власти, ни воли –
плоть укрощена...
отсутствие всякой боли –
упрощена.

Ни плоти, ни крови... светом
поглощена.
До самого-самого донца
истощена.

Ни верха, ни низа – свобода...
ни вдоха, ни выдоха – сон...
По розовой нити восхода
ступает навстречу Он...

ОКТЯБРЬ. МНОГОТОЧИЕ

Как ароматны осени дымы...
как ветры сладки...
как тревожно, грустно...
все воды возвращаются в родные русла,
чтоб до весны уснуть и видеть сны...

Как жарки осени костры...
и запахи, как приведения блуждают...
как память, не подумав, создаёт мосты...
как мысли чувства побеждают...

Как тянет небо...
как звенит земля...
как светится бумажный лист на помертвелом фоне...
как явны ночи...
как невидима заря...
как с каждым днём становится взрослее почерк...

Душа допивает последнюю нежность
из ветра, дождя и света.
Изнемогая, жаждет упасть
в объятия белого цвета.

Я никогда не останусь одна.
Меня – миллионы.
Я вам, как и себе – родня.
Меня на ваших фронтах – легионы.

Из ваших глаз меня не достанешь.
Не выбьешь, не выманишь из вашей памяти.
Меня, даже в праздник, желать не устанешь,
во мне, как и в вас, огневые наледи.

Я с вами громом небесным венчана.
Ливни с неба – моя слеза.
Крону берёзы накиньте на плечи мне –
с вашим агатом уйдёт моя бирюза.

Светом ли, тенью ли – на вашем пороге
я никогда не останусь одна.
Не потеряемся по дороге.
Где будете вы – там буду и я.

ВДОХНОВЕНИЮ

О, зной моей пустыни...
О, прохлада оазиса моего...
О, лик моей святыни...
О, часть, что больше целого всего...

Прошу останься, ради...ради...
до той поры, что я дышу.
Не закрывай моей тетради,
не навреди карандашу.

Не оставляй, молю, на пустоту.
Не оставляй на равнодушие.
На слов немую красоту,
на время бестолковое, досужее.

Служи мне, как и я тебе служу,
безропотно являясь по приказу.
Все призрачные образы, прошу,
переводи в искусство сразу.

Прости мне недоверие, смятение.
Мой страх предательский – прости.

Хоть я твоих стараний порождение,
но больше, чем могу мне не снести.

Мне помощи твоей рука необходима.
Всё в тебе защита, всё покой.
Когда ты рядом – я непобедима,
но сражена своею же строкой.

Смерти нет для тех, в ком смерти нет.
В ком один ручей с другим всегда сольётся.
В ком разлит страданья тёплый свет.
В ком свобода сердцем в сердце бьётся.

ОНА И МЕТЕЛЬ

Она с метелью заодно. Она всё помнит – не забыла. Разбила
тёмно-красного стекла бокал и всё, что хрупкого в постылом доме было.
Она – за столом. Со стоном стон перемешивает.
Грешен ли, свят ли – взвешивает.

Она – голова опущена, втянута в плечи.
Слеза на волю отпущена – с платком дожидается встречи. Речи
свои, его, свои, его – то губят, то лечат, то губят, то лечат.
Губы глазам, глаза губам перечат-перечат, перечат-перечат.

Дуэль. Пара шагов до нелепой смерти. Метель.
Снег за окном раскрутили черти. С петель
срывается дверь, да и сердце с петель срывается. Мается
призраком ночь, да и утро призраком мается.

Рвётся, сжигается, бьётся, ломается память.
Она уже посторонняя-потусторонняя, от неё устали.
На прозапрошлом счастье хрустальной корочки наледь.
К манкому краю уже не прильнёшь, как прежде, устами.

Небо распотрошило всё сшитое к свадьбе приданое.
На северный ветер пущены и жемчуга, и меха, и кружево.
Само надышалось холодом – крепко простужено.
С суженым не состоится уж больше свиданье желанное.

Бранное слово, как пёс озверелый, жаждет движения,
рвётся с цепи, раздирая до крови глотку охрипшую.
А голове, когда-то корону гордо носившую,
скоро придётся смириться с венцом поражения.

МУЗЫКА ДОЖДЯ

У дождя ни вкуса нет, ни запаха.
У дождя есть аромат волос,
влажных глаз каштановая патока,
да хрусталь заиндевелых слёз.

У дождя есть музыка, но нет оркестра.
Только дробь лёгких каблучков,
только forte-piano ветра,
только строгое crescendo облаков.

Вложен ритм в озябшие ладони,
бес небес – в звенящую струну.
Ночь поделена на крики и на стоны,
все мечты сливаются в одну.

Лупит в барабан хмельное сердце,
расчленяя душу на куски.
Музыкой дождя спешит согреться,
натошак хлебнув земной тоски.

Каждый из нас зашёл в этот дом на время.
Чтобы увидеть, услышать Любовь и уйти.
Её образ с собой унести.

Нас не просили растить сады.
Они и до нас цвели пышным цветом,
роняя листву на листву.

Нам позволено собирать плоды,
наслаждаться зимой, и летом,
созерцать за окном красоту.

Нам подарен мир бесконечной войны.
Поле битвы Тени и Света
подобно тонущему плоту.

Нас никто не просил ничего менять:
ни реки, ни их берега.
Нас зовут не «хозяин», нас величать «слуга».

Наша древняя память нас подвела.
Мы забыли, что нас не плоть –
нас в муках Душа родила.

Нас не просили...
Нам позволено...
Нам подарено...
Мы забыли...

Сколько раз в меня молния памяти била,
а я, как ни странно, жива.
В меня распятием прозрение входило,
любовь калёной ревностью до обмороков жгла.

Меня камнями унижений били,
травили подозреньями и водкой натошак,
за каждым шагом в сторону следили,
отжимали от груди, как механический рычаг.

Любили «для себя», для своего уюта.
Я не в обиде, близко к сердцу не брала.
Пусть не звезда из Новогоднего салюта,
но и не скатерть с Новогоднего стола.

Я празднеств ожидание презрела.
По вкусу будних дней мне торжество.
Горю свечёю восковой, как и горела.
И для меня единственно Любовь есть Божество.

Бывают дни, когда мне ничего не жалко –
я всё могу отдать, за чем придёте вы.
Но не получите вы в качестве подарка
моей шальной весенней головы.

Того зелёно-голубого шарика,
в котором бликов солнечных парад,
в котором всё спокойствие и паника,
в котором дура-баба и Сократ.

В котором все узоры тела тленного
связались в сердца узелок.
В котором все любви мира бренного
сплелись в подснежников венки.

СТИХИ РОЖДАЮТСЯ

Стихи рождаются с трудом.
И не из сора, не из мусора.
Стихи рождаются из аксиом и теорем обычной жизни,
с ней вставать на ножки учатся.

Стихи рождаются из чрева Потрясения,
под знаком Коды, на краю смертельного обрыва.
Стихи рождаются на фоне проявления
великого душевного порыва.

БЛАГОДАРЮ

Благодарю, что в свой чертог не допустили.

За то, что отреклись – благодарю.

Благодарю за то, что отрезвили.

За то, что не добились – от души благодарю.

Благодарю за то, что за меня решили.

За то, что погасили раньше времени зарю.

За то, что поэтической строкою рот зашили.

За всё, что было невозможностью – благодарю.

Благодарю за опоздания, за отсрочки.

За обещания, за ненужные слова.

За все, расставленные вами, точки.

За утонувшие надежды острова.

Благодарю за страх, за ожидание боли,

за одиночество в родном краю,

за все мои несыгранные роли...

За всё вас от души благодарю.

О СЕБЕ

Желанная цель одна –

мёдом наполнить соты.

Испить свою душу до дна,

испеть до последней ноты.

Я скинута,
как камень
в воду.
Иду на дно, чертям в угоду,
и на прекрасную погоду плевать хотела – душа из тела!
Всё снегом запорошено, судьба на карту брошена
и, напоследок, я скажу, что там положено.
Та хрупкость, что во мне заложена,
меня с рожденья обезножила –
я веточкой качаюсь на ветру.
Но в эту осень не умру.
И я не сдамся.
Я выживу.
И снег переживу.
А вас – так, даже, моль не прошибёт.
Уж, сколько раз так было:
меня колотит, волос на дыбы встаёт,
а вас – не ледяной водой не окатило,
ни рыбой не ударило о лёд.

Причёсывать свою бессонницу не стану – пущай топорщится,
пусть лезет изо всех укромных дыр.
Пущай бездомная слеза под глазом корчится,
её смахнёт под утро Мойдодыр.

А вы всё спите... Почему вы спите?
Вы – поэт! Как можете вы спать?
Быть может вы, как Лермонтов – давно убиты,
а я, не ведая о том, пытаюсь упрекать?
«Уснуть... и видеть сны, быть может...
Это ли не цель желанная?»

Мечта поэта? Заслуженная благодать?
Вам, верно, снится каша манная?
Я вас не буду от застолья отвлекать.

Вы спите, спите...
Ешьте дальше вашу кашу,
хлебайте щи из чугунка,
закусывайте огурцами простоквашу,
не покидая своего «рабочего станка».

Творите шлягеры
на вашем «вредном производстве»,
обменивайте душу на копеечный товар,
сколачивайте состоянья на ликующем уродстве.
Упокойте с миром ваш распятый божий дар.

Берегите сердце, почки, лёгкие...
Не пораньте кисти рук, чтоб было чем перо водить.
Сохраните, Христа ради, для Отечества
вашу беспробудно заспанную жисть.

ДИКИЙ ШИПОВНИК

Мне не пристало быть одной из фавориток –
я не хочу делить тебя ни с кем.
Ты не дари ни роз, ни маргариток,
а подари непостоянство насовсем.

Будь груб и нежен, как любовник.
Будь подорожником у ног моих.
Не забывай, что дикий я шиповник
и суть моя – колючий цепкий стих.

Люди устают от чужой гениальности.
Люди – на то и люди – тяготеют к банальности.
Просто... скользят в метро.
Сложно, скрывая нутро,
раскрыться бутонем весенним.
Просто – скользить в метро,
радуясь воскресенью.

МАРТ

Тепло...
и до последней нитки хочется раздеться,
взлететь на помеле, как Маргарита, над Москвой,
намазавшись волшебным кремом, который называется Весной,
втереть в себя и солнышко, и снег последний,
ослабить шарфик на груди,
оставить зимней лихорадки бредни
за пережитой жизнью, позади,
впустить в себя иное мирозданье,
неоткупоренной бутылки взрыва ждать,
освободив на волю рабское сознание,
самую себя, какая есть, принять,
от брани и от грязи устраниться,
в последний раз, быть может, возродиться,
отряхнуться от забот и звать,
всем сердцем звать безоблачных погод.

ВЕЧНА

Что за пытка – быть беременной
и не иметь возможности родить.
Плод любви таить в купели временной,
не имея крыльев, в небесах парить.
Быть обременённой, озабоченной.
Сердце Света спрятать в глубину.
И венец отрады на чело возложенный
соглядать, как яблоко в саду.
В бархатных мечтах до потолка подпрыгивать,
напрягаясь из последних сил.
Доставая слово «до свидания»,
класть: «чтоб никогда не приходил».
«Роза пахнет розой...» –
кажется, сказал Шекспир.
А у меня мимозой пахнет и мимоза,
и душа, и ветер, и сортир.

ЛЮДЯМ

Вы даёте повод мне... опять даёте повод.
Чтобы я перо не выпускала из руки,
чтобы постоянно я испытывала голод,
чтобы до крови сжимала кулаки.

Вы меня всё время дразните... бесстыдно дразните.
Тем, что недоступно, далеко.
Тем, что выходные, тем, что праздники,
тем, что дорожает вход в кино.

Вы меня с пелёнок поучаете.
Чаете, по-вашему я стану петь?
С тем, кто вам понравится, венчаете.
С неугодными стараетесь развестись.

Покупаєте мене, даєте в долг, дарите.
Разбиваете, как вазу – на куски.
Сплетневый бульон на мне варите.
Пилите, как доску, на бруски.

Всё вы за меня продумали, решили:
что мне есть, где спать, с кем хорювод водить.
Юбками, да сарафанами обшили.
Научили экономить, деньгами сорить.

Вы меня и в карте медицинской обозначили,
и в реестры все подпольные внесли.
Вы меня с рожденья одурачили:
возраст мне присвоили – зажали времени тиски.

Люди, люди... я без вас – калека.
Я без вас, как грудь без молока.
Как, без умных книг, библиотека.
Как, написанная на воде, строка.

ЗЛЫЕ СТИХИ

Только поэт поймёт поэта.
Все остальные – от невежества умрут.
Так было. И так будет. До скончанья века.
Увядшего цветка не поднесут.

Разгробят – разгоробят, изувечат.
В разграбленную душу влезут, раздолбят.
Растеребят, растопчут в пыль, размажут, искалечат.
А в лучшем случае – обматерят.

Здесь никогда при жизни не поймут.
Хотя, быть может, и признают.
Как лист газетный, для нужды сомнут,
используют и памятник поставят.

ОТ ОДНОЙ ИЗ МАГДАЛИН

Скоро Пасха.
Скоро Воскрешение Твоё.
Яйца, раскрашенные луком.
Присутствие немого божества.
И голова от поцелуев кругом.

Я каюсь, каюсь... я бунтую.
Я протестую против быта, но не Бытия.
О, как же я Тебя ревную
к той, что увела в бессмертие.

Я так люблю Твои глаза,
небесною водой умытые.
Я поменяла бы всех Магдалин сердца
на слёзы детские, в Твою улыбку скрытые.

Как можно ожидать пришествие Твоё,
когда Ты рядом, мы гуляем под руку,
мечтаем каждый про своё,
и чувствам нашим добавляем пороху?

Любовь не угасает. Вера крепнет.
Надежда не покинет. Никогда.
Мысль о разлуке, даже ненадолго – не спасает.
Печаль разлуки остаётся навсегда.

Я ЗНАЮ

Я знаю вверенную роль на память, на зубок.
Мне выпала судьба такая –
сохранять в гортани спёкшийся комок.

Венок не на могиле – на челе.
Желаю, как Высоцкий –
умереть в июле и родиться в январе.

Мне Пламень дан!
Ожогом сердце пышет,
и дышит болью мозг от воспалённых ран.

С финалом пьесы занавес взлетит, а не падёт.
В единый хоровод совьются ангелы и бесы.
И всё, что было в представленьи мёртвым – оживёт.

СЕГОДНЯ

Раньше было б проще умереть.
Когда не знаешь вкуса – проще отказаться.
Мне, как никогда, сегодня хочется гореть.
Падая, вставать, мирясь, сражаться.

Я сегодня жить хочу!
Жить взахлёб. На самой верхней точке.
Не страшась, в глаза смотреть немому палачу,
не отдав на поруганье ни единой строчки.

Ни отдать, ни уступить, ни предоставить.
Но раздать. Как раздают цветы –
для себя, лишь в памяти оставив,
образ сумасшедшей красоты.

Я живу вне времени и вне пространства.
Нет, я не живу –
я подбираю цветы и тюль для свадебного убранства.
Подбираю созвучья для выраженья мысли,
выбиваю мысль из зыбкого облака жизни.
Подбираю, выбиваю...
в общем, делом занята.
Штопаю, вяжу, латаю...
будничная суета.

В.С. ВЫСОЦКОМУ

Нет знаков препинания в тебе,
как и в стихах твоих – нет препинания.
Поэзия живёт распахнутым окном в стене
запретов и непонимания.

Поэзия во всём, что мог придумать Бог.
В уродстве и красе, в росе и смрадной луже.
И если ты споткнулся о её порог –
ты в кровь разбил свою босую душу.

СИНИЕ ГЛАЗА

До чего ж, они голубенькие –
эти ваши синие глаза.
То они безоблачные, глупенькие,
то, вдруг, надувают паруса.

То лежат на дне колодца высохшем,
то на травы падают росой,
то прикинутся сердитым мужем,
то невинною и честною женой.

То голодные и просят подаянья,
то налево и направо раздают долги.
То в них светоч обаянья,
то дремучий лес, где не видать низги.

То они премьерный занавес закрытый –
что за ним – провал, или успех?
То прохожий в них, помоями облитый,
то герой, идущий против всех.

То они пьяны, а то трезвы безбожно,
то мелки, а то бездонно глубоки.
То на цыпочках ступают осторожно,
то – «вы слышите, грохочут сапоги».

Ах, эти ваши синие глаза –
в зрачках зазубринки.
Они так больно и надолго ранят, но...
до чего ж, они голубенькие!

МАЛЬЧИКАМ

Я – смешная девочка.

Глядя на мой «портрет», обхохочешься.

Мне самой до колик смешно:

я рыдаю смехом, я рыгаю смехом, я – смехопугало.

Гукаю-укаю: у-у-у...

Я – страшная девочка.

Что-то есть во мне жутковато-ватное.

Бесконечнократная глупость. Беззубость розовато-вратная.

Поправьте, если что не так – я заслуживаю.

Ссуживаю покой всем, кто нуждается в беспокойстве.

Вы заказали «запор», но оказались в жутком «расстройстве».

Я – девочка неудобная. «Жму» ваши нежные пальчики.

Мальчики! Не роняйте ни слов, ни слёз на ветер –
скиньте меня, как детские тапочки, не терпите боль.

Я – девочка минус любовь.

«Любовь»... Я – только рифма к ней,
и, скорее, «морковь», чем «кровь».

Кровь – это что-то тёплое, влажное, важное.

А морковь – морковь.

Стёрли меня на тёрке однажды вы.

Я горочкой в чашку сыпана. Какова моя выгода?

Я – вечнождущая девочка.

Жду, когда сварят, смешают с водой и огнём.

Смешная, сырая, стёртая девочка

съедается вами и ночью, и днём.

Я уже не умею без тебя жить...
а ведь летала когда-то.
Это мне за грехи мои
и твою головушку, что ума палата.
Та дорога, что хлебною когда-то была,
поросла травой – в этом нет печали.
Так обречённо ложится лист
на землю синими вечерами.
Он уже не живой, не огонь, не пышет...
но дышит... ветром горькой полыни дышит,
что мы когда-то вдыхали.

ЗАЧЕМ Я?

Я двадцать дней общалась с Небом.
«Довольно. В очереди хвост уйди!» Ушла.
Задумалась о жизни брэнной,
себя себе на блюде поднесла.
Какая прелесть... вот лежу и рассуждаю:
зачем я, где я, с кем? Себя догадками пугаю.
Пью свою кровь, мороженое лето ем.
Проблем – не счесть.
За честь почту их разрешенье.
Волнение «в душе моей угасло не совсем».
Напротив, прётъ желанье жизни офигенно,
вымучивая чёткость аксиом и теорем.
«Затем» – ответ на любопытство.
За окнами секут траву...
она живая, чтоб вы знали.
Мы равно держимся на божьем на плаву.

МОЦАРТ

Когда Бог обретает плоть –
тело его попадает под камни.
Все иглы мира стремятся его уколоть,
земная твердь под его ногой обращается в плавни.

Он только родился – уж под него
написан сценарий гонений и травли.
Любое сердце можно разбить,
если стучать им в закрытые ставни.

ГОД БЕЗ ЛЮБВИ

Год без любви... подумаешь, потеря.
Иные без любви века живут.
Ну, прозевала, сонная тетеря...
таперя, хоть убейся – чуда не вернут.
Таперя жди другого года-случая,
когда щеку румяном обольёт,
а нынче, что ж – живи, себя не мучая,
не подымай с души остылой гнёт.
Живи, как птаха – с облака на дерево.
Живи, как дерево – вся на виду.
Живи, как облако – рассеянно.
Готовь для неба новую звезду.
Наполнись слухами, сомненьями, надеждами,
сиди у зеркала, расти косу,
ряди себя мечтами, как одеждами,
таи от чёрных глаз свою красу,
перебирай по праздникам приданое,
стекло иллюзии нижи на время шёлк,
храни себя, как слово, Богу данное,
все «плохо» поменяй на «хорошо»,
измучь себя гаданьями, приметами,
стань ведьмою, хоть на денёк,

окутай себя тайнами, секретами,
сгрызи от зависти жемчужный перстенёк.
Год без любви... подумаешь, несчастье.
Так весело и без неё на свете жить!
Ведь, даже, в нелюбви всегда любви участие,
и, даже, нелюбовь возможно полюбить.

АКТРИСА

Суть актрисы –
ощупывать себя внутри,
где даже в сердце бьётся сердце
измученной её души.
Пронзительность наитишайшая
в глубинах сумрачных живёт:
то лавой огненной накатит,
то ледяной волной зальёт.
Вся – слух, вся – трепет.
Дни и ночи распахнуты вселенной очи,
богообразно в них глядит,
и слабый, сонный, детский лепет
её, как мать к себе манит.
Наипростейшая задача –
иди на голос и найдёшь.
Увы. За неудачей неудача,
где ложь, где правда – не поймёшь.
И сыплются каменья градом,
и рай оборотился адом.
В глазах полночная звезда
рыдает с нею до утра.
А утром – начинай сначала
любить любимую себя.
Взойдётся, как враг, на пепелище –
улыбка снисхожденья, в сторону плевков.
Осознавая ужас разоренья,
преподнесёшь сама себе урок.

Реальность для тебя закрыта,
ты бредишь вымыслом,
но в этом жизнь твоя.
Игры убийственная сила
на цыпочки тебя приподняла.
Изгоем праздным и безумным
толпе рассеянной казаться будешь ты,
и лишь один подумает: «Актриса...»
и бросит под ноги цветы.

Уверенность и гордость терпят поражение.
Поверите ль, мечтаю о стихах забыть.
Клялась напередни. Только вдохновенье
не отпускает руку, в карий глаз глядит.

Летит, летит степная кобылица...
и всё уже предрешено.
В кошмарном сне такое не приснится:
кошка сыплет голубям пшено.

Роль переходит в жизнь... мучительно, занозно.
Впивается вампиром, сладострастно хохоча.
Его бы оттолкнуть, но слишком поздно –
я перешла из жертвы в палача.

Мне нравится живая плоть, её огонь и трепет,
как у Адама перед Евою в раю.
Пусть бездна предо мной, зато какой простор
и ветер у ног моих на самом на краю.

НОЧКА

Упорядоченная жизнь...

ты знаешь наперёд, что будет дальше:

сегодня – то же, что вчера,

а завтра – то же, что и раньше.

Я этой доли не хотела.

Я выбрала охоту, риск.

В вагон последний я влетела,

едва не зацепив луны кровавый диск.

Вагончик скорость набирает,

ладони стынут на ветру,

от страха сердце замирает –

я не доеду, я умру.

Хватаю лёгкими горячий воздух,

ещё не поздно, прыгнуть я могу...

ну, в самом деле – изверг этот дятел,

что засел в моём обветренном мозгу.

Выстукивает, точно вышивает:

подробненько – стежок к стежку.

Из тела душу выживает,

подбирает букву к букве и стишок к стишку.

Три вдоха – и готова строчка,

два выдоха – уже строфа.

Ну, выдалась сегодня ночка...

и рифма скачет, как голодная блоха.

Любезные, остановитесь!

Блоха и дятел – примиритесь.

Уймись, черти до утра!

Всё. Станция. Я спать легла.

Мне выпало счастье
жить в одно время с тобой.
Вдыхать аромат сирени
морозной зимой.
Мне выпало счастье
раскатать свою душу
в звенящий бумажный лист.
Со дна океана ступить на сушу,
оставя на теле лишь ветра свист.
Мне выпало счастье
умирать от любви, оставаясь живой,
выть у распахнутой двери,
воткнувшись в косяк головой.
Мне выпало счастье
светиться в сумрачной мгле.
Мне выпало счастье жить,
себя сохраняя в себе.

ЖАРА

Жара хлебнула цвета из пожара.
Пожар поблек, обиделся, ушёл.
Зато русалки не остались без загара.
Нет худа без добра, без «плохо» – «хорошо».
Жара... усекновенье головы поруккой.
Мукой день отходит ото дня.
А вечер мается, как кобелюка
с несговорчивою сукой,
распустит слюни к ночи,
так ни с чем и не уйдя...

НЕ УХОЖУ

Лоб в ладошки уронила,
не дышу, не плачу – просто так сижусь.
Я своё теперешнее рыло
на вчерашнее лицо,
как на намоленную плаху положу.
Я блужу по прошлой жизни
полупьяным, сонным веком.
Я бегу по краешку мечты,
который осыпается песчаным берегом.
Что бы ни было – не ухожу.
Как себя и в прежней жизни не судила,
так и в будущей себя не осужу.

НА ПИРУ

Праздник. И души, и тела.
Точно у подружки на пирушке я сижусь.
Где бы отыскать кусочек мела –
день отметить – тот, когда рожу.

У подружки на пиру противно,
да и я, «тяжёлая», не ко двору,
и у гармониста примитивно
раздувается ширинка на ветру.

Песнь летит неугомонно, рыхло,
ударяя камнем по басам.
До сегодняшнего дня сенною девкой дрыхла,
а теперь – поди, ж ты, – гладь по волосам.

У гармонии одна обитель –
та, что зачинается на небесах.
У гармоники – из человеческой боли сбить
забродившей жизни на слезах.

ДАМСКИЙ СЧЁТ

Вы, как все мужчины, заблуждаетесь
на наш, на слабый дамский счёт.
Мы не так «волнообразны», как вам кажется.
Мы покруче, мы, как говорят, – улёт!

Я, так например, богиня. Я вам не компания.
Я такие «дую пузыри»...
лопните, не приходя в сознание.
Вы. Не я. Желаете пари?

Или, нет. Дуэль! На пистолетах!
Завтра в полночь! Что? Согласны вы?
Как растает снег на эполетах,
так и заходите, целиком как есть, от пят до головы.

Будем драться не до первой крови –
до синицы, той, что первой пролетит.
Отчего же хмурите вы брови?
Страшно? Имидж не велит...

Нда... видно, памятник себе воздвигнуть не сумею...
Но половину-то осилю как-нибудь?
Да, я – не Пушкин, бакенбардов не имею,
путь в бессмертие – не мой тернисто-каменистый путь.

Меня зубрить не станут в переменах.
Не буду с пулею в обнимку на коленях (не простят пажи).
И без того отождествят с предметом
слабости, порока, зависти и лжи.

Как ведьма ждёт прихода полнолуния,
как наркоман ждёт поступления в кровь –
я жду вас на границе вашего безумия,
чтобы ударить точно в глаз, и уж никак не в бровь.

Мне сорок три.
Я поняла, что не целована.
Так целовать, как ты, никто не смел.
Боялись – небесами коронована.
А ты дерзнул, посмел.

В твоих объятьях я –
ученического цвета мел.
Ты грел и душу, и сознание,
соловьём не ветке пел.
Простолюдинка... шарфик скинула...
петух петушку поимел.

ИЗ БАБЬЕГО

Так всю жизнь и прошварчать на сковородке.
Прогорланить пьяной бабой в околке.
Страшно лгать себе и Богу.
Страшно выбирать из двух одну дорогу.
Страшно сукиных детей рожать.
Страшно со постылым мужем на печи лежать.
Эх, ма! Однава живём.
Эх, да, у себя крадём.
Эх, ноль, да со плюсиком.
Эх, да, таракан с одним усиком.
А не страшно было ничего, как в девках жила.
По воде могла ходить, как легка была.
Белой птицею летела с горы.
А теперь по мне стучат топоры.
А теперь далёк от дома колокольный звон.
Рвётся наизнанку из больной души стон.
Эх, ма! Однава живём.
Эх, да, у себя крадём.
Эх, ноль, да со плюсиком.
Эх, да, таракан с одним усиком.
На закате голубого дня мой цветок расцвёл.
Не склевал его не старый гусь, не молодой орёл.
Он горит огнём ярче пламеня.
Он звенит ручьём с бела камня.
Поверх русой головы новый плат повяжу.
На погост собраться, бабы, я ужо погожу.
Эх, ма! Однава живём!
Эх! Да, у себя крадём!
Эх! Ноль, да со плюсиком!
Эх! Да, таракан с одним усиком!

ЦЕПОЧКА

Приручена. Обручена.
Обвенчана. Обречена.
Избита. Искалечена.
Измучена. Излечена.
Исцелена. Вознесена.
Увенчана. Увековечена.

ЛИСТ

За мной бежит осенний лист,
как странно – середина лета.
Он по природе атеист,
не верит он в кончину Света.
Он шаркает по камушкам,
он песню ветерка поёт.
Он, глупенький, не видит краешка,
с которого, быть может, упадёт.
Он льнёт к простуде и к похолоданию,
сочность зелени ему скушна.
Себя он ощущает трепетною ланью,
которая убита, но ещё нежна.
Зима грядущая ему пока не снится.
Но в небесах уже проведена граница,
и лето входит в осень,
как в спальню царскую княжна.

МАРИЯ. КАЗНЬ.

Сто лет одиночества.
Вечность одиночества.
Вкус одиночества.
Боль одиночества.
Лёд одиночества.
Зной одиночества.
На картах пророчества.
«В чёрной крови голова,
Ваше Высочество».
Дар осознания –
Бога внимание.
Радуюсь пытке,
приемли страдание.
Выпей до дна эту чашу. Вина
не твоя, и спутанный волос не твой.
Мутное око вселенной
прикрыто холщовой парчой.
Мария... марево на небе...
Где ты? Где я?
Время нас разметало,
обезглавив цветок бытия.
Белый ветер сорвал
с белой ветки яблоко белое.
А-ах! Рвётся жизнь наружу.
Смерть – глубоко в себя.

Что касательно мужчин, то...
далеко не все покуда поняли, что...
от свиноматки происходит свин, и что...
чин даётся не за выслугу – за службу, за...
преумножение и без того великих величин.

ЖЕНЩИНЕ

Бесконечность твоего пространства
раздирает шкуру бытия.
Хищная направленность убранства
приближает час кровопролития.

Вся – поделена, и вся – едина.
Вся – гармония и хаос.
Пеплом и огнём зачата льдина гордости,
которую наполнен жизни парус.

Из твоей слезы – надежда.
С губ твоих – успокоения печаль.
Сотканная ветром на тебе одежда,
незабудкой дышит с тёплого плеча.

Слава сыновей твоих на радуге увековечена.
Верность дочерей – на мякоти сердец.
Ты и углями, и жемчугом увенчана.
Женщина – всему начало, и всему конец.

ДВА ОГНЯ

И ты – огонь,

и я – огонь.

Но общего в нас не ищи.

Лучина во тьме кромешной трещит
мотыльком, потерявшимся в душной ночи.

Учи: я тот огонь,

что ветер любит.

Не веришь? Проверь.

Мой огонь – не гаснет,
поскольку явлен из приобретенных потерь.

Твой огонь – примитивен:

горит себе и горит...

Прости. Всею виною ливень.

С неба вода – голова болит...

Наши огни расхожи.

Но всё же... но всё же...

ПЕРЕКОС

На сигаретный дым и Алкоголь уж аллергия,

а жизнь всё не меняется...

В пространстве, видно, сбой, асимметрия.

Я склонна думать, что сие к войне.

Не дай БожЕ, я пацифистка.

К тому ж, поверьте, та ещё артистка:

сегодня с верой под венец иду,

а завтра безнадёге в ноги упаду.

Такое вот непостоянство,

такой вот, извините, перекос.

И счастьем может быть,

и может быть несчастьем такое «блядство»...

собой и терновник может

освежить букетик роз.

ХОРОШО!

Как

хорошо

с самой собой:

себя любить,

с собою говорить,

одним пороком жить,

в одной воде купаться,

саму себя в постельку уложить,

с самой собою на дуэли драться.

Никто не нужен. Хорошо!

Никто не нужен. Третий – лишний.

Никто не обнаружит душу голышом,

никто не заберёт тарелку с вишней.

Никто не посочувствует, не пожалеет...

Хорошо – никто подножку не подставит.

На лестничной площадке хорошо курить одной.

Но, если честно, – пообщаться тянет.

Я могу сто раз напиться. И забыться.
Встать. И сотню раз умыться.
Я летаю в памяти,
где множество прорех. Смех.
Уродливою маской
обернулось время против всех.
Нас на пьедестал не выставят –
нас позовут на суд.
Блуд инкриминируют. Нам –
тем, кому противен блуд. Плут
останется собою,
жвачкою себя плюя из-под полы.
Всё, что называли вы любовью
я простила вам. Простите мне и вы.

ИЛЛЮЗИЯ

Какое счастье обнажаться по ночам,
строча стихи напропалую.
В отместку собственным речам
себя иллюзией балую.

Она, как друг проверенный,
всегда со мной в ненастье.
Она – раба и госпожа.
В одном грехе две равных страсти.

Жизнь подарит,
и тут же забирает.
То дразнит и манит,
а то в упор стреляет.

Иллюзия на смерть,
на свет в конце тоннеля,
на шаг к любви,
на музыку Равеля.

Иллюзия – сквозняк:
покуда не продует,
всё будешь верить –
ветерок балует.

Балаганно-поганое время...
и другого – уже не будет.
Неподъёмно-великое бремя...
а другого – уже не будет.

Непомерно-высокое стремя...
и другого – уже не будет.
Безрассудно-разбитое темя...
а другого – уже не будет.

Бестолково-пустое семя...
и другого – уже не будет.
Развращённо-взращённое племя...
а другого – уже не будет.

Эй, вы!
Узколобые плоскодонки!
Развлекающие себя
пустословием и эпатажем!
Я добавлю перца и соли в ваши опустевшие
перечницы и солонки –
сыпьте на здоровье
в свои приторно-пресные
манные каши!
Сыпь – не желей:
на всех рассчитано!
Считано с лиц ваших:
вам прописано острое!
Постное
прочь со стола!
Мною розданы
вашим желудкам приправ россыпи!

Зачат – не значит – рождён.

Путь – не значит – дорога.

Верит – не значит – ждёт.

Мало – не значит – немного.

Светел – не значит – чист.

Чист – не значит – честен.

Древо – не значит – лист.

Мал – не значит – тесен.

Плох – не значит – худ.

Свадьба – не значит – попойка.

Попойка – не значит – блуд.

Блуд – не значит – койка.

Ужас – не значит – страх.

Вера – не значит – поклоны.

Пепел – не значит – прах.

Боль – не значит – стоны.

Известность – не значит – успех.

Слава – не значит – заслуга.

Счастье – не значит – смех.

Подружка – не значит – подруга.

НЕПОСТИЖИМАЯ ЖЕНЩИНА

О, Боги, что сегодня ты узрела, что узнала?
Черешни беленький цветок ты всё дорогой целовала.
То злато-серебро давило грудь,
то алая заря мешалась с ночью,
прокладывая к дому путь.
Улыбка засушилась на губах,
спеклись в комок восторг и неприятье.
Грозою назревая в волосах,
резвился ветер, раздувая платье.
Ты хохотала... ты любила так
и жизнь, и смерть одновременно!
Непостижимо... от чего же так
наркотиком веселья разорваться внутривенно?
Мгновенно схвачена была
постриженной травой, луной печальною...
Гроза куда-то дальше поплыла,
а ты, босая, прошмыгнула в спальную.

КАПРИЗ

О, как я одинока! Как я пьяна!
Хочу и женщин, и мужчин, хоть это скверно!
Хочу любить! И быть любимой сама!
И жар, и стужу испытать одновременно!

Хочу тебя! Хочу тебя всегда!
Хочу, чтоб рядом был! И был в изгнании!
Хочу, чтоб в губы целовал! И в сердцевину бил!
Меняю все желанья на одно желанье!

О, как хочу твою быть голубкой,
прижавшись к левой стороне груди.
Дразнить тебя испанской юбкой,
их у меня в запасе – пруд пруди.

Хочу ничтожной малости одной:
быть рядом, подле, возле, где придётся.
Хочу всегда и никогда! Хочу домой!
А мой каприз – я так хочу! – пускай с тобою остаётся.

ДОЧЕРИ

Я не могу сказать тебе ни слова.

Я пред тобою – нищета.

Рыбак, пришедший без улова,
бухгалтер, растранивший счета.

Но я люблю тебя. Без меры.

До крайней степени, до одури люблю.

Я так хочу, чтоб ты достигла веры,
той веры, что сникает к алтарю.

Твой Бог тебя боготворит,
он оживает, глядя на тебя.

Твоим дыханьем небо говорит – ты в колыбели.

И я храню тебя, и Он тебя хранит.

Love Story

Как беспощадно, как смело
моя мишень к твоим стрелам летела...
Из года в год, изо дня в день
к тебе мой свет, к тебе моя тень.

Звезда, как маятник в небе качалась,
когда слезами смеялись глаза.
Когда вода с огнём обвенчалась
в землю ударила Божья гроза.

Душное лето похмельным облаком
ложилось меж нами в постель,
осень в нас падала пьяным обмороком,
зимой до весны отрезвляла метель.

Белые призраки загнанных будень
рядились в праздники чёрных ночей.
Под самогон подавался студень,
схваченный холодом жарких речей.

Пепел и ветер – на волю.
Заложники собственной боли
играли до крови
в героев Love Story.

Не получается жить без любви –
должна быть влюблённой,
хоть в табуретку.
Должна тебе бросить,
а ты лови
моей потрясающей красоты
ярко-оранжевую монетку.

Ты пройди по жилке голубой,
по кровушке горячей пробегись.
Ты укрой меня любовью с головой,
только лести моей липкой берегись.

Берегись моих прозрачных глаз,
и любви моей любвеобильной берегись.
Ты прости меня за сотни тысяч фраз,
за грачей, что спать со мною улеглись.

ГРОЗА

Слёзы по стёклам.
Слёзы из глаз.
Бьёт вода и в профиль.
Бьёт вода и в таз.

Так может нежность грохотать.
Так полотенце может превратиться в мантию.
Так королева может ниц упасть.
А проигравший – выиграть в покер партию.

МОЙ ДЕНЬ

Повсюду караулит сводня.
Глаза откроешь – преисподняя.
И ты – не ты. И я – не я.
У гроба вакханалия.
И каплет воск слезою на гранит.
И тучей белый день убит.
А был с рождения силён и крепок.
Теперь с него в музее слепок.
Вороньи гнёзда на главах поэтов.
На пошлости – венок сонетов.
На святости и мудрости – запрет.
На вероломстве и уродстве свет.
Усталость взора жаждет пониманья.
Разнузданность манит, ища ответного вниманья.
Галопом вскачь!
А гармонист – так от рождения усач.

О ГОЛУБЯХ

Сколько мной стихов написано –
и ни одного о голубях.
Тема о любви плакучей
до последней слёзыньки облизана,
встала и стою в открытых,
затворённых наглухо, дверях.
Что о голубях...
с собою их в застолье не посадишь,
наблюдаю так, со стороны.
Ты сама с собою-то не очень ладишь,
что о голубях... Летя – лети,
клюй, что бросят на твою дорогу,
чисти пёрышки, купайся в небесах.
У тебя, голубка, вдоволь волюшки,
у меня же – кандалы на тонких на руках.

МОЛИТВА

Так умирает Одиночество.
Я – Одиночество.
Равнодушие, страх, ложь – позади.
Впереди – всё, чего не было,
это значит – покой и глаза твои.
Отвори и озвучь пророчества, и – не разлюби.
Но, если всё-таки можно, если получится...
от одиночества береги.

ВЕРЕ КОМИССАРЖЕВСКОЙ – ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ АКТРИСЕ

Беспомощна солома перед пожаром.
Беспомощна любовь перед толпой.
Бессильна истина перед молвой.
Бессильна смерть пред Божьим даром.

МОДИЛЬЯНИ

Ах, какая сладкая мука:
жить едино с собой, не делясь.
Но предначертана свыше Судьба-сука,
за которой стоит Рок-князь.
Я не знаю, что случилось...
вино из твоего бокала заструилось
слезой из глаза моего...
я помню, по бумаге что-то там чертилось,
текло из точки в линию, из линии в пятно...
я засмеялась и простила
по-детски крашенное полотно...
ах, как же я тебя любила...
ах, как же это было всё давно...

РУКОДЕЛЬНИЦА

Буквами путь себе вышиваю.
Выглаживаю, вынеживаю словесную нить.
Просто я так выживаю.
Это вкуснее, чем мёд пить.

Сегодня поставила две заплатки:
одну на ветер, одну на луну.
Дырявым строчкам заштопала пятки,
вдела в монотонный ритм струну.

Грубо рванула материю речи,
вдвое свернув стихотворную бязь.
Потом взяла иглу противоречий
и заново сшила рифмованную вязь.

Читай чуть дальше за слова.
Смотри чуть дальше за предметы.
Познаешь истины секреты.
Сорвёшь с запретов покрова.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЛЮБВИ

У человека – ветряная память,
а у ветра в памяти – низги.
В самой человеческой любви –
воды чистойшей «бляледь»,
где полнейшим образом отсутствуют мозги.

О себе не буду – надоело.
Я о вас – вам жизнью жить.
Один раз упала на колено –
до скончанья века будешь голосить.

Моросить дождём по щёчкам алым,
рвать мимозы в замороженном лесу,
увядать листочком пятипалым
среди пыли в засуху, не испытав грозу.

Будешь мыкаться по неприкаянным приютам,
утопать в неверии, но всё ж – плыви.
Нет ни счастья, ни несчастья в этом свете.
Есть одно – предчувствие любви.

ПАДЕНЬЕ ВВЕРХ

Паденье с кручи –
паденье вверх.
О, отпусти, не мучай...
я так хочу, я выбор сделала.
А хочешь, и тебя паденью научу –
душа откроет то, что до сих пор не ведала?
Утратятся любимые слова,
и очертания любимые утратятся.
Зелёной искрою мы полетим туда,
где абрикосы с неба валяются.

ДО СПЕКТАКЛЯ

Я знаю, что могу.
И подчинять, и властвовать.
Сводить с ума, и на колени ставить.
Я – королева. До нага.
И рождена, чтоб миром править.

А сколько любви во мне, сколько любви...
Она раздирает, рвётся наружу.
По-королевски щедро – бери.
Я недостачу только «после» обнаружу.

А «до» – душа растянута на дыбе.
Клокочет кровь и, будто, всё извне.
Всё выжжено дотла и предвещает стужу
звезда на небе. К ней лечу на взмыленном коне.

Сейчас начнётся... светопреставленье...
На эшафот, как на алтарь себя несу,
кишки для вас вытряхивать наружу,
размазывая сопли по лицу.

Интересно, чем закончится вся эта карусель -
вернётся на круги своя,
или застрянет где-нибудь на полдороге?
Я знаю, например, как варится кисель
и сколько цедры должно быть в горячем, терпком гроге.

Я знаю, что горошек лучше к курице, чем к рыбе.
Я знаю – плов под шубою оставить лучше до утра.
Я знаю, что умру зелёною травою,
так никогда и не узнав, что солнце есть, и что – вода.

В пещеру бы, в заброшенный театр, где ни души,
где только эхо разбрызгивается в дожди,
где стон предвещает блаженство,
где ветер срывает маски с моего лица,
и где определяется моё, моё – не чьё-то, место.

ПОЦЕЛУЙ

Мне страшно от самой себя
и не спасёт ни дочь, ни мать.
Тебя единственно любя,
чтобы спастись, желаю целовать.
Вонзиться в розовый язык,
гулять по дёснам, сок слюнообразный пить,
убить желаньем время,
теребя твой волос,
сумасбродство из своей гортани лить.
Позор и девственность в одном перемешать бокале,
мечтая только об одном –
чтоб мои губы на твои упали.

ЯЗЫК НЕЖНОСТИ

Ни ты, ни я – не имеем понятия
о надменности.
Мы говорим на одном языке –
языке нежности.
Воркуем, мурлычем, щебечем,
глазами целуемся,
губами полуоткрытыми
друг на друга любимся.
Ни ласковых прозвищ,
ни обещаний верности.
Молчим...
на языке нежности.

Вино до краёв наливаем
в бокал беспечности,
сердца наполняя дыханьем
вечности.

Мы знаем всё о непорочности,
и о грешности.
И почти ничего...
о языке нежности.

КОГДА БЫ НЕ БЫЛО ТЕБЯ

Я стала глиной, тёплой глиною
в твоих руках.
Вся влажная от слёз и голубого дыма
в твоих глазах.
Я стала светлая, полупрозрачная –
тончайший лик.
А кожа глянцеовато-лачная изобрела змеиный,
до сих пор неведомый язык.
Я стала северной звездой полярною
себе во вред.
Советницей я стала титулярною
в расцвете лет.
С твоей и божьей помощью прозрела,
узрела ветхость бытия.
Когда бы не было тебя –
соломою сгорела
когда бы не было тебя.

ЛЮБОВЬ ПО-РУССКИ

Я люблю.

И, боюсь, навсегда.

Никогда ещё так – до мигрени.

Просто на землю ложатся снега,

а в снегах набухают сирени.

Расправа над собой.

Работа над ошибками, но не в тетрадке.

О, как же мы бываем падки

на самоистязание, порой.

Укрой себя сухим листом,

спой колыбельную немой подушке,

двадцатидневным выдержи себя постом,

не доверяя самой близкой, самой преданной подружке.

Прости себя за дерзость, неприкаянность,

за всё, что можно и нельзя прости.

За жизни грех и смерти праведность.

На продолжение любви себя благослови.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Мне больше от тебя ничего не надо:
ни слов, ни ласк, ни синих глаз твоих.
Ты стёрся просто. Как помада.
Так образы стираются, перетекая незаметно в стих.

Я ждала тебя ещё до нашей встречи:
изумрудным вечером сидела у окна.
Я свиданье наше обняла за плечи.
Я себе, как никому тогда, лгала.

Мы гуляли вечером тверёзым, провожая утро во хмелю.
Жадно пили светлую росу, похожую на слёзы,
разбивали в кровь колени,
в ноги падая Седому Королю.

Всё за занавесом. Крики «браво» неуместны.
Радость откровения сменилась на печаль.
Сочинились все стихи и все допелись песни.
За порогом с богом новый день встречай.

АПЕЛЬСИНЫ

Вы помните, как пахнут апельсины?
Я – нет. Но знаю, что чудесно. Особенно зимой.
Набиты ими магазины, их цвет оранжевый
кусает глаз пустой.

Под пористою оболочкой хулиганит детство.
В сочной мякоти кружится карусель.
Озябшие колени, прижимаясь тесно
друг к другу, семят в метель.

Заураганит и завьюжит старый миксер,
разбрасывая по ведёрку косточки,
их бусы превратятся в бисер,
и бабушка в шкафу разложит корочки.

СЕВЕРЯНКА-БАЛЕРИНА

Ветер в душу тучи нагоняет –
угораздило ж, родиться на снегах.
Небо, явно, дурака валяет –
ощущенье, что без денег оказалась на бегах.

Вечера морозного хочу,
а за окошком лето, утро, и деревья в пересвет.
Без крахмальной пачки не получится балета –
ноги стёрты в кровь, да и пуантов нет.

Есть судьба – кружиться вьюгой белой,
заметать уставшие поля,
быть булгаковской не Маргаритой – Геллой,
на лету срезая тополя.

Есть мечта – на время прекратиться,
только обещание дала,
что до оттепели буду я резвиться,
выбивая небо до бела.

КУДА ВЫ ДЕНЕТЕ ГЛАЗА?

Когда из громового ада
вдруг опрокинется гроза,
когда бациллою распада
на землю выпадет роса,
когда на вспаханное поле
туман, как саван упадёт,
когда смеяться будут с горя,
когда последний час пробьёт,
когда цветок слезой заплачет
и сбросит крылья стрекоза,
тогда, Родное Человечество,
куда Вы денете глаза?

Вы выскребли меня до корки.
Я не арбуз уже... но всё же я – арбуз.
Меня скатили с волжской горки,
и я лежу на вашем сердце – груз.
Я сдамся – только нож в меня вопьётся.
Живая плоть под сталью разойдётся
и влага, розы розовой, войдёт
в ваш глаз, в ваш нос, и уж, конечно же, в живот.
Вы косточки мои в тарелку плюнете,
через мгновенье обо мне забудете,
пристроите в клозете зад.
Моя ж, дорога – в райский сад.

ВСТРЕЧА

Я вышла на охоту
в промозглую погоду,
и слюни, как у зверя потекли.
Не зная племени и роду,
я, всё ж, блюду свою породу,
но шавки мелкие мне путь пересекли.

Их появление закономерно
пред самой ранней, утренней звездой.
Уроды от природы внутривенно
себя сжигают под уздой.

Их мозг обуглился от ветра и от пыли,
в глазах неумолимый рок.
И розовые дёсны в мыле, и жёлтые клыки –
всё в дело – дайте только срок.

Стоим. Враг против друга. Бездыханно.
Душа томится перед тем, как вылетит.
Моё дыхание благоуханно,
их – как никогда, зловонно и смердит.

Шаг в сторону – и неминуемая гибель:
их слишком много, я – одна.
Им нечего терять, а у меня обитель,
я Свету предана, а ими правит сатана.

Они, ради услады плоти, своей не пощадят.
А им бы быть скромней –
зависнуть на мажорной ноте
и устранились, ради бога, поскорей.

Нет! Ни одной попытки к примиренью:
когти в землю, барабан в висках. Ах,
если б всё закончилось мигренью –
до самой утренней звезды
я понесла б их на крылах.

АМАЗОНКА

Душа растёт день ото дня –
вот-вот, и в потолок упрётся.
Понятно. Это западня.
Чуть-чуть, и ниточка на шарике порвётся.

Вельможи, графы, сэры, кумовья,
эссэры, цезари, цари-пилаты,
не ведаете вы, как коротка жизнь ваша.
Клянусь мороженым – война!
Вас не спасут ни шлем, ни латы.

Прошу прощенья за стихи.
За те, что в самом лучшем смысле.
За то, что отрешилась я
от самой явственной, змеиной мысли.

Но, перед тем как навсегда усну,
на вашу нежность упадая,
гореть мне в самом сладостном аду,
дровишки под себя бросая.

Я отказалась от участия в хороводе.
От хрюканья и кваканья. Но не от топота копыт.
Душа моя заказана на небе,
и мозг церковной свечкою пробит.

Прощения прошу за богохульство.
Но не у вас – вам этой прыти не понять.
Я сорок с лишним лет ношу,
не в вашу пользу, буйство,
его на влажный глаз уже не поменять.

За всё ответите. Не здесь, так там.
За каждую слезинку, за бессонницу,
за ранний иней волосам,
за ложь – рабыню вашу и наложницу.

За тех, кто предан вами, восстаю.
За женщин тех, что вы стреножили.
Зачем же вы, несчастные, в раю
объятие на поцелуй умножили...

ПОЭТЫ

Рукоплещите нам, арены!
Вонзайся в нашу плоть, успех!
Располосуйтесь славой, вены!
Невинность – перелейся в грех!

Но мы – Поэты. Нам не престало
рвать в клочья века пьедестал.
Под тяжестью десницы алой
небесно– белый Рим упал.

Исторгнуты все клятвы и молитвы.
Извергнуты проклятья на крови.
Мы выйдем из последней битвы
наперекор судьбе и смерти вопреки!

Ах, как хочется написать просто, но не пресно.
И, главное, чтобы поняли.
Ах, как хочется тарантеллу на углях сплясать, да так,
чтоб небеса затрезвонили.

Ах, как хочется в дрожь удариться, париться
и по белому, и по чёрному.
Ах, как хочется стариться, стариться,
серебром пробежав по золоту.

СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Гранат рассыпался кровавыми слезами.
Несправедливо как-то, невзначай.
Его в который раз усталыми перстами
по зёрнышку на место возвращай.

На слово музыку нанизывай,
в сознание трепетное чувство приводи.
Как кошка мышку – мысль облизывай,
на белый зуб листа её клади.

В меду топи, на горечи замешивай,
выдерживай в гранатовом соку.
Пружину озаренья до сердечной боли сдерживай
и отпустив, насквозь пробей открытую строку.

ОСЕНЬ

Улетает в небо, улетает
та стрела, что я пустила.
Умирает в небе, умирает
облаком, растроченная сила.

Разгорается в душе пожаром осень,
убегают в океаны реки, в них – ручьи...
ресницы падают на веки,
как, подбитые охотником, грачи.

Омрачит сознание неизбежность,
ветерок ковыль к земле примнёт,
и моя неумирающая нежность
на твоё дыханье упадёт.

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Сегодня северный ветер с юга.
Знаете, так бывает – когда местами меняются полюса.
Солнце теряет форму круга.
Знаете, так бывает – когда устают от зимы небеса.

Северный ветер сегодня покладист,
белую кошкой клубится у ног.
Миролюбив и приветен покамест,
не тербит, не царапает щёк.

Вяжет из снега мне рукавицы.
Заботится... чует – родная душа.
Мечутся спицами чёрные птицы,
дразнят теплом, надо мною кружа.

Северный ветер – ветер безбрежья.
Ветер угарно-хмельной любви.
Пьяно срывая хлопья одежды,
терзает ласками плоть до крови.

Новый глоток душистой печали,
нежная тяга к родным местам.
Северный ветер мой парус причалит
к раскрывшим объятия, голым листам.

Северный ветер – агония чувства.
Битва за жизнь распалённой пурги.
Северный ветер – моё искусство.
Хлыст для моей милосердной руки.

ПОЭТ

Поэту нужно знать тему,
чтоб знать, из-за чего мучиться.
А если он знает тему,
то всё равно не знает, что из неё получится.

Он ходит на цыпочках, и даже на пяточках,
чтоб, не дай Бог, не вспугнуть вдохновение.
Его душа – невесомая, и тело – почти раздетое
(поверьте: всё-всё в цветастых заплатах).

Он слышит глазами и зрит ухом. Брюхом
он не живёт – он наполнен внутренним слухом.
На нём печать разоренья.
Болезни людей ему неизвестны.
Он иначе кашляет, по-иному чихает.
Ваши острые блюда для него пресны.

Поэт замирает при виде «обычного»,
оставившись тупо в одну точку.
А вы бы прошли мимо,
не заметя, как стебель родил почку.

Не зная покоя, скрипит половицами,
вычерчивая пером морщины на своём челе.
Он жаждет крови, подобно оводу,
и собирает нектар с цветов, подобно пчеле.

Поэт – «богемское стекло», чтоб вам известно было:
«играет» при свечах, пока рассвет
не бросит камешек в окно,
в себе, как дегустатор, смешивая вина.

Половина. Большая, заметьте, половина его
живёт для вас.
Запаяна слезою
пуповина его творений,
через подкрашенное дымом веко
глядит пророчески усталый глаз.

Плевать ему на быта круговерти.
Одно желанье – сердце из груди достать.
Одно желанье – даже после смерти
до крови ваши души ковырять.

До изжоги я сожгла себя стихами.
Но куда живая – буду жечь.
Добровольно на эту Голгофу ступаю.
И на этот Крест желаю добровольно лечь.

ВЕРЮЮ

Верую, Господи, верую.
В искренность, дружбу, любовь.
В ложечку мерную верую,
в ту, где кагор – не кровь.
Верую в землю и небо,
в глаз, над которым бровь,
в чёрствую корку хлеба,
в мир, что являет собою новь.
Верую в праведность,
как в грехопадение,
в закономерность,
как в обстоятельств стечение.
Верую в крест за твоей спиной.
В медный грошик последний,
как в золотой.

Это не я говорю тихо.
Это вы глухи.
Это в ваших сердцах лихо.
А в моём – только добрые духи.
Это не я к вам в очередь.
Это вы ко мне на приём –
развлечь себя пустословием
под Cabernet-Sauvignon.

Это у вас приобретения.
А у меня всё потери, потери...
страхи, слёзы, смятение...
и в мягкой, и в грубой манере.

Это в вашем доме на ужин
подают брезгливость.
А в моём, в этом самом смысле,
лопают непримиримость.

С ваших вершин не видать моих склонов –
туманы, туманы, туманы...
А в городах ваших полчища клонов.
Мыши, клопы, тараканы.

А ведь вы умеете выращивать цветы
небывалой, дикой красоты.
Умеете запускать фонтаны до неба,
и строить к звёздам мосты.

Ваш бег по этим мостам
вполне оправдан вами.
Но глуп.
В том, что до крови сбиты душа и тело
вы виноваты сами.
Ваш «бойцовский клуб».

Останови своё сердце ради тишины.
Только в тиши своё сердце услышишь.
Мы слышим всё, когда звуков лишены.
Ты – слух, если ветер твой стих, если ты не дышишь.

Ты – зрение. Если веки сомкнуты, если за ними тьма,
если не видишь ничего, кроме чёрного экрана.
Если ты в одиночке, а вокруг тюрьма
и каплет за каплей капля из ржавого крана.

Твоё тело сковано невозможностью выхода,
а душа улетела и блуждает в иных мирах.
Только представь, какая в том выгода –
ты заперт в себе, как в рояле заперты Моцарт и Бах.

Ты можешь сыграть сам себя. Можешь.
Хоть нотки знаешь не все. Не все.
Себя, как песню в куплеты сложишь
и сам споёшь себя в себе.

ВИШНЯ

Что я? Горстка страхов, щепотка сомнений,
мнений мимолётных пригоршня,
охапка рваных сновидений,
упрямо цветущая каждый год, вишня.

Корнями своими рвёт землю души моей.
Что ей, когда-то данные с горя, зароки?
Ей бы к небу вырваться поскорей,
прокладывая к солнцу душистые дороги.

Невзирая на климат и катаклизмы времени,
не смотря на мира шаткость и его нездоровие,
лучшие соки тянет из жизни бремени,
опасаясь, видимо, вишнёвого малокровия.

И как бы не были солонны мои сны,
и как бы не были сильны ветра во мне –
её смирение белое на фоне ночной звезды
всегда будет звенеть колокольцем в кромешной тьме.

С утра задушили мечты.
Я погибла в объятиях воображения.
Не ты виноват в том, не ты.
Виновато твоё притяжение.

Сердце... оживо.
Вспомнило, что оно сердце
и бежит всем смертям навстречу.
Отпускаю легко, не перечу –
оно долго было стреножено.

С утра напротив в зеркале
глаза, набухшие от соли.
Они опять ко мне вернулись –
сердечные мои, всегда живые, боли.

ДОЖДЛИВОЕ СЧАСТЬЕ

Дождь, Петрушенька, дождь...
засела под кожу дрожь...
Вместо сердца открытая брошь,
вместо клада сломанный грош.

Кто ж, мой Петрушенька, кто ж,
кегли сбивает в небе...
зябко... мне бы к тебе бы –
ты, как спаситель, хорош.

Губы мои сорвёшь,
волосы-стебли уложишь,
страхи мои соберёшь,
сиреневым птицам скрошишь.

Что ж, мой Петрушенька, что ж,
мы пропажу твою проглядели...
в моём простуженном теле
ты двойником живёшь.

Воду на ветер умножь
и подели на недели...
когда-нибудь, в самом деле,
меня из дождей заберёшь.

Если б не дождь, а метель...
снег... и сугробы по пояс...
я б не считала недель –
села бы в первый поезд.

В зиму любовь хороша.
Белой стужей душа заморожена.
Можно грешить неспеша,
пока голова заморожена.

В северный ветер уткнувшись,
не плакать, а выть волчицей,
в такую тоску свернувшись,
что впору позёмкою свиться.

Ночь, Петрушенька, ночь...
небо молнии режут на части.
Наше дождливое счастье
они погубить не прочь.

Не стоит удаляться в примитив.
Живите сложно. Думайте сердцами.
Произносите свою жизнь навзрыд.
Слывите безнадёжными глупцами.

Я сама с колыбели дурная.
Хожу без царя в голове.
Беспутством своим верна я
своей непутёвой стране.

Не очень весёлые песни
слагаю я и пою.
Каждый день выхожу на рельсы,
встречаю свою вину.

Моё сердце плавает в боли,
звенящей окрест, пустоты.
Какой же надобно доли
для моей полярной звезды?

Какой ей домик поставить?
Какой возвести дворец,
чтобы жилось ей спокойно
и радостно, наконец?

*

Опять я села не в то авто...
не своё манто надела.
Выпила лишний глоток,
серебро струны задела.

Я – сумасшедшая актриса.
Мне хочется смерти всерьёз.
Моя рана для соли открыта,
а ртом я смеюсь до слёз.

Не хочу удивлять, как прежде
ни красотой, ни уродством души.
Нет желанья менять одежды,
как цветные карандаши.

Я – девочка Севера. Вашего клевера
мне не сорвать.
Мне и во снах – сугробы натужные,
ночи длинные, вьюжные на солнечный край
не поменять.

*

Рвите цветы и дальше.
Косите травы. Кладите копна.
Сегодня и завтра, как прежде и раньше.
Солома в вазонах. На окнах копоть.

Мои затеи – не ваши.
У вас затей никаких.
Вашей, сваренной миру, каши
хватит едва на двоих.

Встречайте, прощайтесь, жмите
руки друг другу в кровь.
По отчеству день величайте,
выгнув дугою бровь.

Сверлите слова в опилки,
стройте свой дом в гранит.
Зори ясные, красные, властные
переводите в зенит.

Стаканьте столы. Заливайте виною
праздник, ртами клубя.
Клянитесь белой луною,
оранжевый диск любя.

Падайте в стратосферы
летающих вёсен и зим.
Покупайтесь на жизни аферы,
за счастьем идя в магазин.

Лепите, лудите. Выстругивайте
быт на сосновой доске.
Власть на кухне поругивайте,
прижимая сердце к тоске.

*

Тоска-тоскушка-потаскушка
сегодня здесь, а завтра там.
Сегодня с тем, а завтра с этим.
Сегодня дам, и завтра дам.

Тоска – зелёная злодейка,
зелёный бог, зелёный бес.
Тоска – зелёная скамейка,
зелёный глаз, зелёный лес.

Тоска... из замкнутого круга
навылет бьёт.
Но тот, кто ранен не погибнет –
себя до смерти донесёт.

Тоска, пружиною воткнувшись в точку,
берёт у продолжения отсрочку.
Тягучая, нежная, топкая
даёт надежду на умирание лёгкое.

Воздушное, еле заметное
приближение лодки к причалу.
Спокойствие кругосветное.
Течение от конца к началу.

Те, кто со мной – никогда не умрут –
зима ли в двери, в окно ли лето.
Те, кто со мною – жадный спрут –
ветер подводный тьмы и света.

Я люблю вас, те, кто за камнем.
Кто во мраке дневном не спит,
кто давно, как и я за ставнем
превратился в живой монолит.

Мы слушаем жизни праздник,
вкушая иллюзий пирог.
Наше ухо – чёрта избранник
ловит каждый немой упрёк

в том, что неправильно, противно,
матюгает само по себе,
что по сложности примитивно
и гудит тошнотой в трубе.

Мы полюбили блевотину
есенинских вёсен и зим.
Осеннюю нашу родину
превратили в июльский дым.

Расчихвостили, разудалили
наш святой, староновый град.
Ничего никому не оставили,
от начала свернули назад.

В боли рождается радость.
В страхе нежится боль.
В силе смеётся усталость.
В сахаре плачет соль.

И только поэтому, только поэту
ночью сегодня не спать.
Яблоки спелые, груши незрелые
с ваших кустов собирать.

... и ходят они без пола, вне времени...
джинсы хлопко-льняные.
Чёрные курточки, чёрные шапочки,
головы вечно хмельные.

Сколько в вас веры неверной...
вероломства гнусавого, талого
снега. Времени года...
старого.

Идёте мимо и мимо.
А когда же туда, куда шли?
Где стопа поворачивала,
там и теряли шнурки.

Теряли, теряли, теряли...
И музыка вам в тусу.
Сокровенное замеряли,
как мерит винодел лозу.

А вина не будет, ребята –
не выдался нынче год.
Отошёл далеко, без возврата
от берега маленький плот.

У моря душа бесконечна.
Песок по её берегам.
Тусить она будет вечно
и биться к вашим ногам.

ОКНО

Что-то надо придумать, чтобы жить дальше.
чтобы нравились тексты свои и чужие.
чтобы сердце прожорливое билось, как раньше,
когда над ним желанья кружили.
чтобы вереск радовал и руку тянул зверобой.
чтобы река не где-то, а в самой глубокой глубине дрожала.
чтобы сила движенья под лёгкой ногой
камень в песок без труда превращала.
что-то надо придумать, изловчиться умом,
вывернуться из хищных лап каждодневного существования.
выйти из старого дома и найти за его углом
способ доселе неведомый, способ нового выживания.
химеры похерить, выхандрить на хер хандру.
скабрёзность выскоблить, выскулить жалость к живому.
разлить, слезою обласканный, огонь по нутру.
подвести себя к рубежу нулевому.
придумать, из всех рядов выходящее,
щемящее, страстное, развлекающее
каждую пору каждого органа,
на подвиг, пусть маленький, подстрекающее,
невидимое из моего окна.
связать несвязующееся, пренебречь бережливостью.
милостью мысли манкой наполниться.
вылинять до бела человеческой брезгливостью.
стать чуть ближе к тому, что хоронится.
у ветра и солнца совета не спрашивать.
старшего нет в этом мире, кто старший?
страшно одной в тишине вывораживать
и жить, чтобы жить. всё выше и дальше.

ИЗ СЕРИИ «ЗЛЫЕ СТИХИ»

Если б могла читать наизусть
свои стихи и стихи Есенина –
я бы словом выпорола современную Русь,
и тем более – родину Ленина.

Если б я наизустила строчки
Маяковского, Пастернака, Блока –
вы давно бы, слюны каплеточки,
угодили в колодец стока.

Если б могла читать наизусть,
память утроив свою в степени –
я бы могла возродить вашу грусть
по самому лучшему в вас времени.

Но я не умею брать «ни откуда».
Я могу только так – из себя:
свои потроха разложив на блюде,
останки нежности наскребя.

Я бы, памятливая, из древности
раздаривала свой дар,
забыв о естественной ревности
предков монгол и татар.

Я бы сукой русской скулила.
Пусть «сукой», для образа – пусть.
Столько б жизней вам подарила...
если б могла наизусть.

НЕПОГОДЫ

Дожди идут напролом, с ветрами.
Охрипшим от засухи горлом ревут.
Беспощадными, яростными кострами
травы небесные жгут.

Вода просочилась аж до ядра,
до самого солнца земного вымени.
Что ей, воде, невидимая луна
и звёзды, сокрытые в полыми времени.

Затишье... белая бабочка,
стряхнув тяжёлый бисер с крыла,
присела на левую лавочку,
а правую – стрекоза заняла.

Несчастные птицы жмурятся, жмутся
в подкрышья, в карнизов лёд.
Ждут, когда непогоды уймутся,
когда разольётся солнечный мёд.

Передышка пятиминутная.
Уютная полоса.
Свобода от непогод абсолютная.
Загулявшая на сторону, гроза.

Уснувшая бдительность.
Осторожность ослепшая.
Покоя пронзительность.
Безмятежность прозревшая.

Покой – это временно, временно –
навАлом тучи с севера.
Осень дождями беременна –
глупая, Лету поверила.

Страдания неба немыслимы.

Чувства распяты мыслями.

Казнь во спасение.

В рай вознесение.

Только боли всегда новы.

Радости – повторяются.

Легко появляются гномы.

Великаны в муках рождаются.

ГЛУХОМАНЬ

Видите-слышите,
но глухо-слепы.
Строите-холите
бетонные склепы.

Метроподземные,
осенне-зимние лица:
в авоськах – токмо надежда,
в пластмассе – святая водица.

Нет мочи из горла выорать.
Слышите, исчерпан запас волшебства!
Судьба навсегда погибнуть
под грязной пятой большинства.

Вы слышите? Ваши винтовки
против самих себя!
Породистые полукровки
научились любить не любя.

Какого Бога вы ищите?
Видно, сошли с ума.
Деньги – ваш Бог, вы слышите?
Свобода ваша – тюрьма.

Достучаться до вас невозможно –
сидите век взаперти.
Живёте так осторожно,
что можно сквозь вас пройти.

Созидательно-разрушительны.
Стадно-эстрадно-ржа-уморительны.
Бабодочки и внукодеды.
Над чем вы смеётесь, неучеведы?

Вы слышите, лестницы, коридоры, стены,
перила, власявшие тысячи рук,
коллизеи, подиумы, арены –
вы что, навсегда потеряли слух?

Здесь не столь мои децибелы,
сколь ударная сила сердца.
Заполнены вашего слуха пробелы
вакханалией трёпного скерцо.

Вы слышите, послушно-строптивые,
стыдливо-блудливые мамино-папины дети?
В сети вы пойманы,
с рожденья запаяны в цепи.

Если вы – кровь Бога,
значит, тяжко он болен и осталось ему немного.
Значит, помощь ему нужна,
значит, в донорстве вашем нужда.

Не слышите?? В замочную скважину дышите...

Извините, что беспокоила,
сбаламутила, так сказать, покой.
Знаете... что и как бы ни было –
(шёпотом): всё закончится весной.

ОСЕННЕЕ УДУШЬЕ

Уж две недели, как стихи не пишутся.
Прижмусь к оконной раме – дождь, извиняясь, через стёкла лижется.
Не осень виновата – времени работа.
Ветра с огнём в обнимку, вальсы с элементами фокстрота.

И сердце задыхается от бега
по узким переулкам прошлого.
И намело на память столько света –
ни истинного не видать, ни ложного.

Направлены в точку все многоточья.
В слабость целится силы оружие.
Растерзано целое в мелкие клочья.
Блистательный триумф осеннего удушья.

Я видела вашу Пустыню.
Позвольте взглянуть на Море –
тайную вашу святыню,
что топит любое горе.
Стратегий военных не будет.
Представьте: сидят на скамейке
два дурака счастливых
и пьют портвешок из лейки.
И ничего больше,
и никуда дальше,
и никаких страхов,
и никакой фальши.
Стонет весна в сердце
во все времена года
и нет ничего краше,
чем эта его погода.
Святейшество мудрого Будды

тихо стоит в сторонке.
Все позапрошлые блуды
засвечены в памяти-плёнке.
Но мало, мало, мало
то хлеба, то неба, то света.
Зимою весны недостаток,
а осенью – знойного лета.
Каждый носит в себе одиночество –
одичалого зверя свободы,
невиданной силы творчество,
несыгранной музыки ноты.
И только «там»,
уже в одиночестве новом
увидим, как просто всё и прекрасно.
Незачем, не перед кем гордиться уловом
и бросали мы сети напрасно.

НЕ МОГУ

Ничего не могу я поделатъ
с этой стрёмной, стремительной жизнью:
ни на бусы её раздергать,
ни снизить нейлоновой нитью.

Ничего не могу я поделатъ
с той огромной, смирительной силой,
что неволит по кругу бегать
с, полинявшей от слёз, образиной.

Не могу оборвать бесконечность —
сто богов во мне, а не могу!
Не могу укротить быстротечность
кровопотерь на бегу.

Устраниться, устать, успокоиться,
разомлеть, распластаться под плеть,
раньше времени упокоиться,
дав свободе своей умереть.

Не могу ненасытному сердцу
приказать: «не срывайся с цепи,
зверь мой ласковый, вечно голодный,
лучше дома, чем в стылой степи».

Не могу за глазами собачьими
не пойти... потому не гляжу.
И хрусталь, замутнённый плачами,
за версту давно обхожу.

Не могу не разбиться о нежность,
распаляющих зимы, вёсен.
Не могу их жизни свежестъ
удержать меж зубов и дёсен.

Разгармониться, разбояриться,
разудариться в тяжкий грех,
на все звёзды небесные располяриться,
перепутав, где низ, где верх.

Ничего не могу я поделатъ
с этой стрёмной, стремительной жизнью...
Ни на бусы её раздергать,
ни снизать нейлоновой нитью.

ГЛАЗА К НЕБУ

И всё равно – глаза к небу! И всё равно!
Даже если надежда убита,
даже если всё, во что верил иссякло давно.
И всё равно – глаза к небу! И всё равно!
Даже если высохло море и лодка разбита о дно,
даже если все океаны исчезли с лица земли,
даже если последняя капля погибла, себя схоронив в пыли.
И всё равно – глаза к небу! И всё равно!
Даже если праздник в доме врага твоего,
даже если цветы у его порога взяты с могилы любви твоей,
даже если во имя Бога воин стреляет в твоих детей.
И всё равно – глаза к небу! И всё равно!
Даже если усталое сердце смертельного страха полно,
даже если мосты сожжены и огонь пожирает душу,
даже если все муки ада и рая воплем рвутся наружу.
И всё равно – глаза к небу! И всё равно!
И всё равно – глаза к небу, и всё равно...

Савельева Людмила Михайловна (род.1942г) Актриса театра и кино. Народная артистка России.

Тарковский Андрей Арсеньевич (1932-1986). Кинорежиссёр, сценарист. Награждён Ленинской премией (1990, посмертно).

Шукшин Василий Макарович (1929-1974).

Писатель, кинорежиссёр, актёр, сценарист. Заслуженный деятель искусств. Лауреат двух Государственных премий. Награждён Ленинской премией (1976г, посмертно).

Тальков Игорь Владимирович (1956-1991). Поэт, певец, композитор, киноактёр.

Модильяни Амедео Клементе (1884-1920). Итальянский художник, скульптор.

Шепитько Лариса Ефимовна (1938-1979). Кинорежиссёр, сценарист, актриса.

Володин Александр Моисеевич (1919-2001). Драматург, сценарист, поэт. Член Союза писателей СССР. Лауреат множественных премий.

Смоктуновский Иннокентий Михайлович (1925-1994). Актёр театра и кино, Народный артист СССР, Герой Социалистического труда, Лауреат Государственной и Ленинской премий.

Самойлова Татьяна Евгеньевна (род. 1934). Актриса театра и кино. Народная артистка России. Лауреат Государственной премии СССР. Лауреат Премии жюри Каннского фестиваля (1957г. «Летят журавли»). Награждена двумя Орденами Почёта.

Кустурица Эмир (род.1954г). Сербский кинорежиссёр боснийского происхождения. Имеет награды крупнейших европейских кинофестивалей, включая две «Золотые пальмовые ветви» фестиваля в Каннах.

Ларс фон Триер (род.1956г). Датский кинорежиссёр и сценарист. Создатель самого провокационного направления «Догма 95». Среди прочих наград имеет «Золотую пальмовую ветвь» (2000г.)

Есенин Сергей Александрович (1895-1925). Русский поэт.

Раневская Фаина Георгиевна (1896-1984). Актриса театра и кино. Народная артистка СССР. Трижды лауреат Сталинской премии.

Башлачёв Александр Николаевич (1960-1988). Русский поэт. Автор и исполнитель песен. Один из самых ярких представителей русского рока.

Комиссаржевская Вера Фёдоровна (1864-1910). Русская актриса.

Маяковский Владимир Владимирович (1893-1930). Поэт, публицист, драматург.

Даль Олег Иванович (1941-1981). Актёр театра и кино.

Высоцкий Владимир Семёнович (1938-1980). Актёр театра и кино, поэт, певец. Лауреат Государственной премии (1987г. посмертно).

Никулин Юрий Владимирович (1921-1997). Русский актёр. Клоун. Народный артист СССР. Герой Социалистического Труда.

Мордюкова Нонна Викторовна (1925-2008). Русская актриса. Народная артистка СССР. Лауреат Сталинской премии. Награждена тремя Орденами «За заслуги перед Отечеством».

Моцарт Вольфганг Амадей (1756-1791). Австрийский композитор, инструменталист, дирижёр.

Булгаков Михаил Афанасьевич (1891-1940). Писатель, драматург.

Кайдановский Александр Леонидович (1946-1995). Актёр театра и кино, кинорежиссёр, сценарист.

Каморный Юрий Юрьевич (1944-27.11.1981). Актёр театра и кино. Заслуженный артист РСФСР.

Жанна д'Арк, Орлеанская дева (1412-1431). Национальная героиня Франции. Одна из главнокомандующих французскими войсками в Столетней войне.

Сокуров Александр Николаевич (род.1951). Кинорежиссёр и сценарист. Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (1997). Народный артист России (2004).

Лауреат Государственных премий РФ, обладатель «Золотого леопарда» МКФ в Локарно за особый вклад в мировой кинематограф, обладатель приза Папы Римского «Премия Третье тысячелетие», лауреат международных и российских

кинофестивалей. Фильм «Фауст» Сокурова получил «Золотого льва» в Венеции (2012).

Македонский Александр (356-323гг. до н. э.). Македонский царь, полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти.

Савинова Екатерина Фёдоровна (1926-1970). Русская актриса. Обладательница уникального голоса (три октавы).

Паганини Никколо (1782-1840). Итальянский скрипач и гитарист-виртуоз, композитор.

Солоницын Анатолий Алексеевич (1934-1982). Актёр театра и кино. Заслуженный артист РСФСР.

Янковский Олег Иванович (1944-2009). Актёр театра и кино, режиссёр. Народный артист СССР (1991). Лауреат Государственной премии СССР (1987), Государственной премии Российской Федерации (1996, 2002).

Урбанский Евгений Яковлевич (1932-1965). Актёр театра и кино. Заслуженный артист РСФСР.

Пусть будет, что будет. Главное – донести. Такова моя цель. Таково желание. Если чему-то суждено прорваться – оно прорвётся. Всё.

О чём я хотела донести... О том, чтобы «быть», конечно. Но «быть» по-иному, по-новому. «Быть», не в смысле распределения себя в пространстве, а в смысле определения себя в нём, осуществления себя, как замысла Создателя, как личности высоконравственной и стремящейся к духовному совершенству. Быть, или не Быть – каждый решает для себя сам. Каждый должен постараться «сБЫТЬся». Те, кого мне захотелось вспомнить, сбылись. Их счастье в том, что они познали радость и муку полёта. Многих из них уже нет. Но они продолжают летать. И продолжают нас обучать полёту.

Ещё... о подлоге, который надо увидеть, как Подлог, как искусный обман, навязанный людям; об ответственности тех, кто взял на себя смелость входить через ложь в сознание и души людей.

Получается так, что «Эрзац» о судьбе Совести. Если громко и пафосно сказано – можно проще: о потере стыда.

Посвящается моей дочери Екатерине

--Авторские права защищены--

2009-11-27